

МАТЕРІАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ РОССІИ,
ИЗДАВАЕМЫЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЮ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЮ КОММИССІЮ.
№ 37.

М. И. Ростовцевъ.

КУРГАННЫЯ НАХОДКИ
ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ
ЭПОХИ РАННЯГО И ПОЗДНЯГО ЭЛЛИНИЗМА.

Съ приложеніями академика П. К. Коковцова и С. И. Руденка.

Съ 10 таблицами, картой и 45 рисунками въ текстѣ.

МАТЕРІАЛЫ ПО АРХЕОЛОГІИ РОССІИ,

ИЗДАВАЕМЫЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЮ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЮ КОМИССІЕЮ.

№ 37.

М. И. Ростовцевъ.

КУРГАННЫЯ НАХОДКИ
ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ
ЭПОХИ РАННЯГО И ПОЗДНЯГО ЭЛЛИНИЗМА.

Съ приложе ніями академика П. К. Коковцова и С. И. Руденка.

Съ 10 таблицами, картой и 45 рисунками въ текстѣ.

ПЕТРОГРАДЪ.

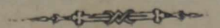
Девятая Государственная типографія, Моховая, 40.

1918.

1948 K

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Предисловіе	I
Отъ редакціи	III
Указатель главнѣйшихъ сокращеній	IV
Поправки	IV
I. Отчетъ о раскопкахъ Прохоровскихъ кургановъ. С. И. Руденка	1
II. Описаніе вещей, найденныхъ въ Прохоровскихъ курганахъ	12
III. Обстоятельства находки и описаніе вещей, найденныхъ около села Покровки Уральской области	19
IV. Аналогичныя вещи въ Оренбургскомъ краѣ и южномъ Поволжьѣ	22
V. Анализъ обряда погребенія и отдѣльныхъ предметовъ Прохоровской находки	31
VI. Выводы	76
Приложенія:	
П. Н. Коковцовъ. О надписяхъ на серебряныхъ блюдахъ	82
С. И. Руденко. Описаніе скелетовъ изъ Прохоровскихъ кургановъ	84

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Во время кратковременнаго пребыванія моего въ Оренбургѣ лѣтомъ 1915 года мнѣ посчастливилось подробно ознакомиться съ интереснымъ музеемъ древностей Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи. Благодаря любезности предсѣдателя Комиссіи А. В. Попова, мнѣ удалось увидѣть не выставленныя пока въ музеѣ высоко интересные вещи, добытыя крестьянами во время хищническихъ раскопокъ изъ курганныхъ погребеній около села Прохоровки, и вещи, найденныя І. А. Кастанье при его раскопкахъ въ одномъ изъ кургановъ близъ села Покровки.

Одинъ взглядъ на обѣ эти находки показалъ мнѣ, что онѣ представляютъ собою документы первостепенной важности, способные привести къ ряду новыхъ выводовъ о культурномъ прошломъ юга Россіи въ такъ называемую скифо-сарматскую эпоху. Поэтому я попросилъ у Оренбургской Комиссіи разрѣшенія издать эти до сего времени неизданныя вещи въ „Матеріалахъ“ Археологической Комиссіи, которое и было мнѣ дано съ полной предупредительностью ¹⁾.

Мало того, та же Комиссія, въ лицѣ предсѣдателя ея А. В. Попова, доставила мнѣ и весь необходимый для достойнаго изданія вещей матеріаль, т. е. публикуемые здѣсь фотографическіе снимки со всѣхъ вещей обѣихъ находокъ, документы, освѣщающіе исторію находки, и инвентарную опись всѣхъ вещей, поступившихъ въ музей Комиссіи.

Познакомившись съ данными обѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ вещи были найдены, я убѣдился, что научное ихъ изданіе и изслѣдованіе возможно было бы только послѣ дослѣдованія кургановъ опытнымъ археологомъ, съемки мѣстности и отдѣльныхъ кургановъ и выясненія характера погребальныхъ сооружений. Не имѣя возможности лично заняться этимъ дѣломъ, я былъ очень счастливъ, когда выяснилось, что эту неблагоприятную задачу (на обильныя находки рассчитывать не приходилось) согласенъ взять на себя приватъ-доцентъ Петроградскаго университета С. И. Руденко, авторитетный и опытный изслѣдователь. Со своей задачей г. Руденко, при матеріальномъ и моральномъ содѣйствіи какъ Петроградской Археологической Комиссіи, такъ и Оренбургской Архивной Комиссіи, справился превосходно, какъ обѣ этомъ свидѣтельствуетъ печатаемый ниже отчетъ его о дослѣдованіи Прохоровскихъ кургановъ.

¹⁾ О находкѣ въ Прохоровкѣ сказано нѣсколько словъ въ *Трудахъ Оренб. Уч. Арх. Комиссіи*, XXIX (1913), стр. 59 сл., Приложение къ протоколу № 9, гдѣ дано суммарное описаніе доставленныхъ въ музей Комиссіи вещей.

Считаю своимъ пріятнымъ долгомъ выразить, прежде всего, искреннюю и глубокую признательность за содѣйствіе въ предлагаемомъ читаею изданіи какъ Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи, ея предсѣдателю А. В. Попову и фотографу-владѣльцу фотографіи „Марія“, такъ и С. И. Руденку, безъ помощи котораго мнѣ не удалось бы, конечно, справиться съ трудной и отвѣтственной задачей изданія и объясненія первостепеннаго по своей важности оренбургскаго матеріала. Немало помощи оказалъ мнѣ и А. А. Спицынъ, предоставившій въ мое распоряженіе прекрасно составленный В. Я. Толмачевымъ каталогъ музея Оренбургской Архивной Комиссіи и его превосходныя фотографіи вещей этой коллекціи. Прошу и его принять искреннюю мою признательность какъ за эту помощь, такъ и за цѣлый рядъ библиографическихъ указаній и свѣдѣній о вещахъ, хранящихся въ Самарскомъ и Саратовскомъ музеяхъ.

Изданіе свое я считаю предварительнымъ и не исчерпывающимъ, прежде всего, потому, что дѣлается оно не на основаніи тщательнаго изученія какъ оригиналовъ самой находки, такъ и параллельнаго матеріала Оренбургскаго, Саратовскаго и Самарскаго музеевъ, а на основаніи фотографій и частью публикацій. Я бы, конечно, никогда не позволилъ себѣ этого, если бы не былъ вынужденъ обстоятельствами переживаемого времени. При первомъ знакомствѣ съ вещами Оренбургскаго музея у меня не было времени изучить ихъ подробно, что я рассчитывалъ сдѣлать или при повторномъ посѣщеніи музея, или въ Петроградѣ, куда, конечно, по моей просьбѣ, вещи были бы посланы. Но судьба судила иначе. Затянувшаяся война, а затѣмъ революція не позволили мнѣ предпринять вторичную поѣздку въ Оренбургъ и другіе указанные города; тѣ же обстоятельства лишаютъ меня надежды на возможность пересылки вещей въ ближайшемъ будущемъ въ Петроградъ. Между тѣмъ, неувѣренность, при существующемъ положеніи вещей, въ завтрашнемъ днѣ заставляеть меня теперь же воспользоваться случаемъ издать высоко интересный матеріалъ, отказавшись отъ повторнаго тщательнаго изученія оригиналовъ. Кто знаетъ, скоро ли настанеть такое время, когда вновь возможно будетъ выпускать въ свѣтъ все дорожающія публикаціи археологическаго характера? Не увѣренъ я и въ томъ, возможно ли будетъ мнѣ лично продолжать свои работы въ области археологіи юга Россіи. При этихъ условіяхъ я рѣшаюсь выпустить въ свѣтъ далеко не совершенное описаніе и изслѣдованіе археологическаго матеріала первостепенной важности, главнымъ образомъ, съ цѣлью объяснить его хронологію и его отношеніе къ аналогичному и современному матеріалу степей юга Россіи. Послѣдующее изученіе и изслѣдованіе покажетъ, въ какой мѣрѣ правильны мои сопоставленія и выводы. Скоро ли, однако, настанеть время, когда такое изученіе будетъ возможно, я не знаю, какъ не знаю и того, удастся ли мнѣ лично вновь провѣрить и пополнить весь подлежащій матеріалъ и сдѣланные изъ него выводы. Дай Богъ, чтобы я оказался пессимистомъ.

М. Р.

Октябрь 1918 г.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Авторъ издаваемого труда на стр. 16-й упоминаетъ, между прочимъ, что академикъ Я. И. Смирновъ обѣщаль ему дать специальное описаніе найденныхъ въ Прохоровскихъ курганахъ серебряныхъ блюдь для помѣщенія въ видѣ приложенія къ изслѣдованію. Въ октябрѣ 1918 года Я. И. Смирновъ неожиданно и преждевременно скончался, къ глубокому прискорбію всѣхъ знавшихъ его, послѣ кратковременной тяжелой болѣзни, не успѣвъ довести до конца начатое изслѣдованіе о блюдахъ. Въ виду отсутствія М. И. Ростовцева изъ Петрограда, редакція, чтобы не задерживать окончанія его труда, давно уже начатаго печатаніемъ, приняла на себя рѣшеніе выпустить его безъ изслѣдованія о блюдахъ въ надеждѣ, что со временемъ явится возможность дать такое изслѣдованіе въ видѣ отдѣльной статьи въ „Извѣстіяхъ“ Коммисіи.

Декабрь 1918 г.

Указатель главнѣйшихъ сокращеній.

Бобринской, Кург. = Графъ А. А. Бобринской, Курганы и случайныя археолог. находки близъ мѣст. Смѣлы, 3 тома. Спб. 1887, 1894, 1901.

ДБК. = Древности Босфора Киммерійскаго, 2 т. Спб. 1854, fol.

ДГС. = Древности Геродотовой Скиоіи, 2 вып. Спб. 1866 и 1873 (= *МАР.*, вып. 1 и 2).

Др.Пр. (или *Др.П.*) = Древности Приднѣпровья. Кіевъ 1899—1902.

ЗРАО. = Записки Русскаго Археологическаго Общества, новая серія.

ЗУОЛЕ. = Записки Уральскаго Общества Любителей Естествознанія.

ИАК. = Извѣтія Археологической Комиссіи.

МАВГР. = Матеріалы по археологіи восточныхъ губерній Россіи, изд. Московскаго Археолог. Общества.

МАР. = Матеріалы по археологіи Россіи, издаваемые Археолог. Комиссіей.

МРЗ. = Д. Я. Самоквасовъ, Могилы Русской земли.

ОАК. = Отчетъ Археологической Комиссіи.

ТОАК. = Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи.

AS. = *Bela Posta, Archäologische Studien auf russischen Boden.* Budapest, Leipzig, 1905.

GGS. = *Kieseritzky - Watzinger, Griechische Grabreliefs aus Südrussland.* Berlin, 1909.

ПОПРАВКИ.

Страницы:		Напечатано:	Надо:
1,	строка 23	1915	1916 *
5,	рис. 5	Планъ погребенія въ кург. № 1.	Планъ погребенія въ кург. № 4.
10,	рис. 13	Планъ погребенія въ кург. № 4.	Планъ погребенія въ кург. № 1.

3) раскопать хотя бы одинъ курганъ изъ уцѣлѣвшихъ въ данной группѣ. Такія работы, какъ съемка мѣстности, нивелировка кургановъ и проч., подразумѣвались сами собой.

Въ с. Прохоровкѣ мнѣ пришлось побывать два раза. Въ первый разъ, въ срединѣ лѣта, я осмотрѣлъ группу кургановъ, раскопанную крестьянами, и побесѣдовалъ съ раскопщиками, которые довольно обстоятельно ознакомили меня со своими работами. Затѣмъ 27-го августа я вмѣстѣ со своимъ коллегой И. В. Молчановымъ приѣхалъ въ с. Прохоровку на раскопки, которыя и производилъ тамъ въ теченіе недѣли. Изъ неоднократныхъ бесѣдъ съ прохоровцами выяснилась слѣдующая картина раскопокъ въ 1911 году.

Этотъ годъ, какъ извѣстно, былъ голоднымъ въ Приуральскомъ краѣ. Хлѣбъ совсѣмъ не уродился, побочнаго заработка тоже не было, и населеніе было безъ работы. Въ с. Прохоровкѣ, состоящемъ на половину изъ украинцевъ, лѣтъ тридцать тому назадъ переселившихся на Черный колодець изъ Золотоношскаго уѣзда Полтавской губерніи, одному изъ крестьянъ, по имени Олиферу, пришла мысль заняться раскопкой кургана, находящагося на его пашнѣ. Незадолго передъ тѣмъ Олиферъ былъ на родиѣ въ Полтавской губерніи и видѣлъ тамъ, какъ одинъ профессоръ копалъ курганы. Снявши насыпь или выкопавши колодець въ центрѣ кургана и добравшись до погребенія, профессоръ отсылалъ рабочихъ на другой курганъ, а самъ, оставшись съ однимъ-двумя помощниками, забиралъ деньги и золото, находящіяся въ курганахъ. У Олифера явилась мысль попытать счастье на своемъ полѣ, тѣмъ болѣе, что на его и на сосѣднихъ курганахъ какъ онъ самъ, такъ и односельчане неоднократно по ночамъ видѣли огни, что служило уже явнымъ свидѣтельствомъ клада, находящагося въ курганѣ. Случилось такъ, что курганъ, раскопанный Олиферомъ, оказался сравнительно небольшимъ и очень богатымъ. Последнее обстоятельство побудило другихъ прохоровцевъ и крестьянъ окрестныхъ деревень заняться раскопками. Впрочемъ, поводомъ для раскопки кургана, сосѣдняго Олиферову, послужило еще одно обстоятельство. Крестьяне, заинтересовавшіеся раскопкой, ночью, когда Олиферъ съ сыновьями копалъ первый курганъ, пугали ихъ криками и бросали въ колодець ¹⁾ кургана горящія головни. Утромъ же, когда кладонскатели вышли изъ колодца, два другихъ крестьянина въ ихъ отсутствіе спустились въ раскопъ и начали желѣзнымъ щупомъ, широко примѣнявшимся и при дальнѣйшихъ раскопкахъ, нащупывать копаную землю. Щупомъ они наткнулись на знаменитыя серебряныя блюда, которыя стояли у стѣны, на днѣ погребенія. Забравъ блюда, они тотчасъ принялись за раскопку сосѣдняго кургана и впоследствии заявляли, что блюда найдены были во второмъ, раскопанномъ ими курганѣ. Между тѣмъ возвратившійся для продолженія раскопокъ кургана Олиферъ обнаружилъ слѣды пребыванія въ его курганѣ другихъ кладонскателей и замѣтилъ на землѣ отпечатки отъ блюдеъ. Последнее обстоятельство

¹⁾ Курганы прохоровцами раскапывались колодцемъ.

послужило поводомъ къ тяжбѣ между Олиферомъ и его однодеревенцами, у которыхъ при отобраніи властями предметовъ оказались блюда.

Прохоровцы успѣли раскопать только три кургана до вмѣшательства полиціи, явившейся по доносу самихъ же кладоискателей, между которыми при дѣлежѣ выкопанныхъ предметовъ произошла драка.

Раскопки полиціей были прекращены, разрытые курганы засыпаны, а вещи отобраны. Черезъ нѣсколько дней послѣ случившагося, въ Прохоровку приѣхалъ мѣстный земскій начальникъ г. Катинъ, нанялъ рабочихъ и началъ снова перекапывать уже разрытые курганы и одинъ еще нетронутый, но, по словамъ прохоровцевъ, не найдя ничего, черезъ нѣсколько дней уѣхалъ. Позднѣе прохоровцы раскопали еще три кургана изъ той же группы. Въ двухъ изъ нихъ (малыхъ) ничего кромѣ костей не нашли, а предметы, добытые изъ третьяго кургана, добровольно передали становому приставу Филатову, надѣясь получить за нихъ вознагражденіе. Предметы эти, вмѣстѣ съ нѣсколькими задержавшимися отъ первыхъ раскопокъ, уже во второй срокъ были препровождены г. Филатовымъ въ Оренбургскую Архивную Комиссію.

Не потерявъ до послѣдняго времени надежды получить вознагражденіе за добытые ими предметы, прохоровцы были очень заинтересованы нашимъ приѣздомъ и возможностью убѣдиться, всѣ ли найденные ими предметы дошли до Комиссіи. По имѣвшимся у меня фотографіямъ каждый изъ кладоискателей опознавалъ свои вещи и рассказывалъ, при какихъ обстоятельствахъ онѣ были найдены. Всѣ предметы оказались на лицо, за исключеніемъ перстня и золотыхъ серегъ.

Предметы, доставленные въ Архивную Комиссію, добыты были изъ четырехъ кургановъ, распредѣленіе ихъ по погребеніямъ указано ниже.

Селеніе Прохоровка расположено на Общемъ Сыртѣ въ вершинѣ Чернаго ручья, впадающаго въ Сухую Дему (см. карту рис. 1). Отъ г. Оренбурга до с. Прохоровки верстъ 165, отъ с. Михайловскаго (Шарлыкъ) 22 версты и верстъ 4—5 отъ границы Уфимской губерніи. Общій Сыртъ, являясь водораздѣломъ между системами рѣкъ Бѣлой и Урала, представляетъ собой гряду высотой отъ 340 до 420 метровъ надъ уровнемъ моря. Мѣстами онъ значительно размытъ и пониженъ до 300 метровъ, а въ сѣверо-восточной части, тамъ, гдѣ онъ служитъ водораздѣломъ между рѣками Демой и Салмышемъ, въ мѣстѣ расположенія прохоровскихъ кургановъ, высота его достигаетъ 400 метровъ, нѣсколько повышаясь (до 415 м.) къ сѣверо-востоку. При круто падающихъ склонахъ Сырта на юго-востокъ и юго-западъ отъ кургановъ, къ долинѣ рѣки Салмыша и ея притока ручья Тауль-сукать, на сѣверо-западѣ онъ понижается постепенно къ долинѣ рѣки Сухой Демы. Не такъ давно еще покрытый ковыльною степью, съ листовыми лѣсами на склонахъ и по долинамъ прилегающихъ рѣкъ, въ настоящее время Общій Сыртъ почти сплошь запаханъ, какъ въ мѣстности расположенія прохоровскихъ кургановъ, такъ и на всемъ своемъ протяженіи.

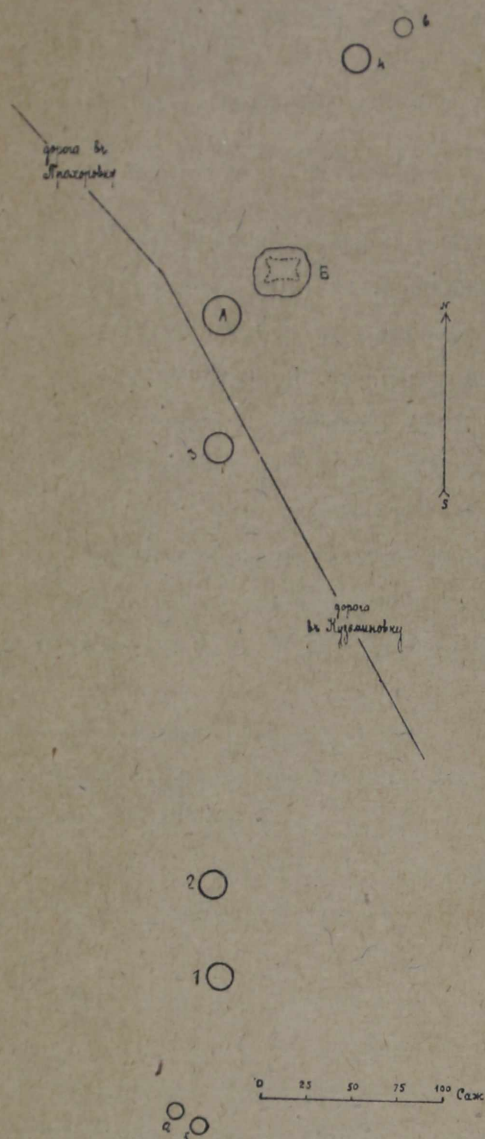

Рис. 2. Расположеніе Прохоровскихъ кургановъ.

Расположеніе сарматскихъ кургановъ на водораздѣльномъ хребтѣ вообще характерно для данной области. Не только въ сѣверной части Оренбургскаго уѣзда, но и на югѣ его, курганы, по величинѣ и формѣ подобные прохоровскимъ, рѣдко встрѣчаются по долинамъ рѣкъ, обычно же мы ихъ находимъ на водораздѣльныхъ сыртахъ.

Прохоровская группа состоитъ изъ одного большого кургана (рис. 2, лит. А), четырехъ средней величины (рис. 2, № 1—4) и четырехъ малыхъ (рис. 2, а, б, в). Кромѣ того, рядомъ съ большимъ курганомъ имѣется городище, положеніе и форма котораго видны на прилагаемомъ планѣ (рис. 2, лит. Б). Городище, равно какъ и всѣ курганы, за исключеніемъ центрального, давно уже распахиваются, почему и форма ихъ значительно сглажена.

Большой или центральный курганъ (лит. А) имѣетъ довольно правильную круглую форму при 35 метрахъ діаметра и высотѣ въ 24 метра, полученной двойной нивелировкой этого кургана. При изученіи разрѣзовъ кургана выяснилось, что въ направленіи О.-W. его разрѣзъ имѣетъ правильную форму сектора, а въ направленіи N.-S. поверхность его неправильна: сѣверный скатъ значительно круче южнаго. Поэтому наибольшая точка кургана находится не въ самомъ центрѣ его, а нѣсколько ближе къ сѣверу. Мы

не обращали бы вниманія на это обстоятельство, если бы подобная форма не была чрезвычайно распространена и такъ характерна для большинства видѣнныхъ нами большихъ кургановъ Оренбургскаго уѣзда. Форма эта, безъ сомнѣнія, не первоначальная и получилась вслѣдствіе тѣхъ процессовъ инсоляціи и эрозіи, которымъ обязаны своимъ происхожденіемъ многія своеобразныя формы рельефа Оренбургскаго уѣзда. Вслѣдствіе континентальности климата, быстрого наступленія яснаго и жаркаго лѣта послѣ кратковременной весны, травяная и кустарниковая растительность хорошо сохраняется только на сѣверномъ склонѣ кургана; на южномъ склонѣ травяной покровъ, напротивъ, уже въ первой половинѣ лѣта выгораетъ, и обнаженная поверхность кургана легко размывается (оплываетъ) и выдувается. Этотъ фактъ, мнѣ думается, и объясняетъ ту асиметрію разрѣза кургана въ с.-ю. направленіи, которую мы можемъ наблюдать и въ курганахъ прохоровской группы.

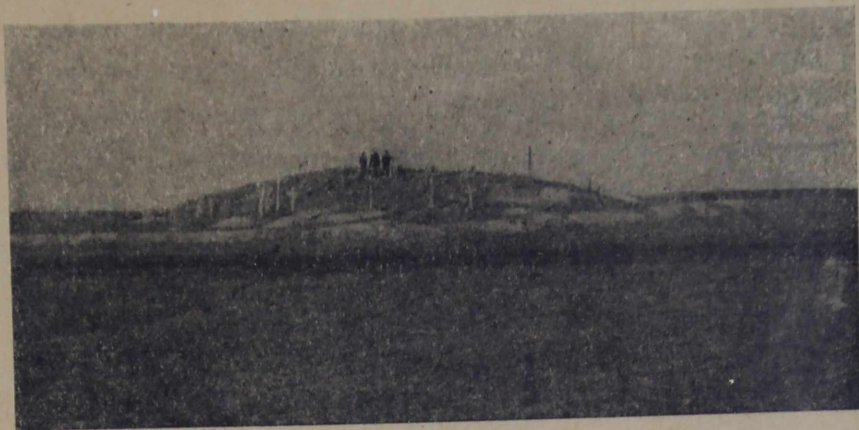

Рис. 3.

Большой центральный курганъ, какъ это можно видѣть на фотографіи (см. рис. 3), превращенъ прохоровцами въ кладбище. На немъ расположено значительно болѣе ста могилъ. Современные погребенія предохранили курганъ отъ раскопки, хотя въ центрѣ его имѣется обширная воронка, свидѣтельствующая о томъ, что онъ нѣкогда раскапывался. Внутри этой воронки въ настоящее время имѣется уже нѣсколько могилъ.

По словамъ прохоровцевъ, при рытьѣ могилъ въ лѣвомъ секторѣ кургана, на глубинѣ около двухъ метровъ они находили каменную плиту огромныхъ размѣровъ, подъ которой была пустота.

Описаніе кургановъ, въ которыхъ были найдены вещи и которые были раскопаны мною, я начну въ томъ порядкѣ, въ какомъ они раскапывались прохоровцами.

Первый, самый южный курганъ, съ погребеніемъ несомнѣнно мужскимъ, въ моментъ раскопки представлялъ собою насыпь около 23 метровъ діаметромъ и 1,4 м. высоты (рис. 4). Погребальная яма вырыта въ плитчатомъ рухлякѣ, слагающемъ Сыртъ, покрытомъ тонкимъ (около 35 см.) слоемъ чернозема. Яма имѣетъ овальную форму въ 1,8 × 3,2 м. и 2,4 м. глубины (рис. 5). Въ стѣнкѣ южнаго конца имѣется нишеобразное углубленіе, въ которомъ, по словамъ кладоискателей, стоялъ панцирь. У с.-в. края ямы имѣется ступенька, позволяющая довольно легко спускаться на дно погребенія. Костякъ, по словамъ Олифера, лежалъ головой на югъ, ногами на сѣверъ. Никакихъ данныхъ о положеніи скелета при раскопкахъ получить не удалось, такъ какъ въ этомъ курганѣ, дважды перекопанномъ, всѣ кости находились въ хаотическомъ безпорядкѣ: часть въ верхнихъ слояхъ насыпи, часть внутри ея, а нѣкоторыя на днѣ въ южномъ концѣ погребенія. Вмѣстѣ съ костями человѣка были найдены кости животныхъ (ребра лошади или коровы возлѣ черепа человѣка).

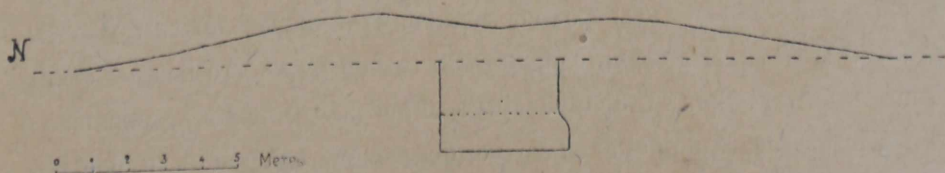

Рис. 4. Разрѣзъ кургана № 1.

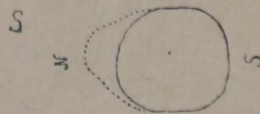

Рис. 5. Планъ погребенія въ кург. № 1.

Въ этомъ курганѣ прохоровцами были найдены слѣдующіе предметы:

1. Уже упоминавшійся выше панцырь, стоявшій на днѣ южнаго конца погребальной ямы въ нишеобразномъ углубленіи. Панцырь, при извлеченіи его изъ кургана, былъ совершенно цѣль, и многіе изъ любопытствующихъ неоднократно надѣвали его на себя, пока не уронили, отчего онъ разбился на куски (№ 31).

2. Золотая гривна; была надѣта на шеѣ скелета, причемъ головы грифоновъ (?) касались одна другой и были спереди (вверху) (№ 3444).

3. Браслетъ (№ 3147).

4. Зеркальце (№ 3165).

5. Золотой окладъ ноженъ меча (№ 3150).

6. Мечъ, какой именно, — не выяснено: нѣкоторые указываютъ, что изъ этого погребенія происходитъ тотъ мечъ, который другіе относятъ къ погребенію третьему. Вѣроятно, что изъ этого погребенія рукоятка меча (№ 3146).

7. Два серебряныхъ блюда (№ 3127 а и б).

Раскопка этого кургана, равно какъ и остальныхъ, велась мною слѣдующимъ способомъ. Послѣ инструментальной съемки мѣстности и группы кургановъ, произведенной И. В. Молчановымъ, курганныя насыпи нивелировались при помощи эклиметра въ двухъ направленіяхъ—N.-S. и O.-W. Затѣмъ въ тѣхъ же направленіяхъ намѣчались траншеи шириною въ $5\frac{1}{2}$ —6 м. Такимъ образомъ курганъ разбивался на пять квадратовъ, одинъ центральный и четыре обозначаемыхъ по странамъ свѣта. Раскопка велась, начиная отъ краевъ кургана, причемъ сначала снималась насыпь съ крайнихъ квадратовъ (сѣвернаго и южнаго), а потомъ съ центрального, и выносилась на носилкахъ. Траншея въ сѣверо-южномъ направленіи прокапывалась до грунта (известковаго рухляка), причемъ вся земля изъ нея выносилась, западный же и восточный квадраты копались переваломъ. При раскопкѣ погребальной ямы земля выбрасывалась изъ нея въ траншею, а при зарываніи кургана скапывалась оставшаяся нетронутой часть насыпи и этимъ матеріаломъ засыпался курганъ.

Такъ какъ первый курганъ былъ уже дважды перекопанъ, то трудно было рассчитывать найти въ немъ что-либо цѣнное. И дѣйствительно, какъ въ самой насыпи, такъ и въ погребальной ямѣ были найдены только куски дерева, угольки, кости скелета человѣка и животныхъ, нѣсколько черепковъ отъ разбитаго глинянаго сосуда, повсюду мелкіе кусочки заржавленныхъ желѣзныхъ пластинокъ (части панцыря) и желѣзныхъ же стерженьковъ. Наконецъ, на самомъ днѣ была найдена синяя стеклянная буса и двѣ части золотого оклада ноженъ меча; не взятая кладоискателями при ихъ раскопкахъ. Эти золотыя пластины были нетронуты и лежали *in situ*. По положенію этихъ предметовъ (у западной стѣны ямы) можно думать, что ножны лежали у ноги съ лѣвой стороны скелета. Пластины лежали сложенными вдвое, такъ что ножны были обложены золотыми листками съ обѣихъ сторонъ. Внутренность крестиковъ, украшавшихъ золотыя пластины, была заполнена какой-то темнокрасной краской или пастой, потускившей и разрушившейся черезъ нѣсколько минутъ по извлеченіи предмета.

Второй курганъ находится на разстояніи 83 м. отъ первого. По величинѣ и формѣ онъ мало отличается отъ него. Диаметръ насыпи—около 25 м., при 1,2 м. высоты (рис. 6). Въ центрѣ, какъ и у другихъ кургановъ, имѣлось углубленіе—слѣдствіе произведенныхъ прохоровцами раскопокъ. Форма погребальной ямы второго кургана имѣетъ нѣкоторыя общія черты съ формой перваго. Она также овальная, имѣетъ 2,5 м. длины, 1,7 м. ширины и 2,1 м. глубины (рис. 7). Съ с.-в. стороны имѣется два уступа—ступеньки для спуска въ могилу, а съ южной стороны устроенъ подбой, гораздо болѣе глубокой, чѣмъ ниша въ первомъ курганѣ. Въ подбоѣ лежала значительная часть скелета (до колѣнъ), головою на югъ. По счастливой случайности, скелетъ (женщины) въ этомъ погребеніи былъ мало потревоженъ, что дало возможность опредѣлить его положеніе. Прежде всего подтвердилось утвержденіе прохоровцевъ, что скелеты лежали головой на югъ и ногами на сѣверъ. Съ другой стороны, несомнѣннымъ вымысломъ, трудно

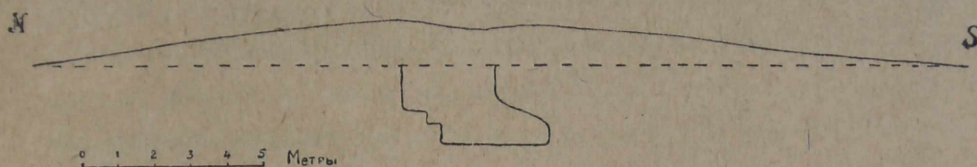

Рис. 6. Разрѣзъ кургана № 2.

Рис. 7. Планъ погребенія въ кург. № 2.

сказать на чемъ основаннымъ, оказалось ихъ утверженіе, будто бы скелеты лежали ничкомъ, спиною кверху. По крайней мѣрѣ въ данномъ погребеніи костякъ лежалъ на спинѣ. Нетронуты были: лѣвая рука, вытянутая вдоль скелета, грудные и поясничные позвонки съ крестцомъ и тазовыми костями, а также и вытянутыя ноги, причѣмъ головки бедренныхъ костей плотно лежали въ соответствующихъ имъ суставныхъ впадинахъ тазовыхъ костей. Черепъ, часть позвоночника съ лопатками и ключицами и кости правой руки находились тутъ же, но были потревожены. Въ ю.-в. половинѣ ниши, рядомъ и нѣсколько выше скелета, были найдены кости молодой овцы. Судя по этимъ костямъ, здѣсь была положена цѣлая туша овцы, но безъ головы, такъ какъ черепъ нигдѣ не былъ найденъ. Находящіяся въ известнякѣ кости, какъ человѣка, такъ и овцы, обращаютъ на себя вниманіе удивительной сохранностью и производятъ впечатлѣніе только-что отпрепарированныхъ въ анатомическомъ театрѣ. Консервирующими свойствами известняка объясняется хорошая сохранность всѣхъ вообще предметовъ изъ прохоровскихъ кургановъ. Къ сожалѣнію, кости въ другихъ курганахъ послѣ раскопокъ 1911 года попали въ слой земли, перемѣшанной съ черноземомъ изъ насыпи, и за время пятилѣтняго своего пребыванія въ легко проникаемомъ для воды слоѣ сильно попортились. Прохоровцами въ этомъ курганѣ были найдены:

- Зеркало (№ 3140),
- Кинжалъ (№ 3128),
- Наконечникъ копья (№ 3142),
- Золотое кольцо шейное (№ 3136),
- Перстень (?),

Предметъ № 3131.

Крупная бусина № 3162 (средняя).

По словамъ крестьянина Оомы, раскапывавшаго этотъ курганъ, „площиковъ“, т. е. бронзовыхъ стрѣлокъ, въ этомъ курганѣ не было. Между тѣмъ намъ на днѣ кургана, вмѣстѣ съ кусочками проржавѣвшаго желѣза и желѣзными стерженьками, удалось найти одинъ желѣзный наконечникъ стрѣлы. Среди предметовъ, доставленныхъ въ Оренбургскую Архивную Комиссію, имѣется значительная серія желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ, подобныхъ найденному нами въ этомъ курганѣ. Если названіе „площики“ относится только къ бронзовымъ наконечникамъ стрѣлъ, то можно считать, что желѣзные наконечники стрѣлъ были найдены во второмъ курганѣ.

Третій курганъ „кузня“ (рис. 8) расположенъ на значительномъ разстояніи отъ первыхъ двухъ, ближе къ большому центральному кургану, у дороги изъ с. Прохоровки въ с. Кузминовеу. Курганъ этотъ нѣсколько больше двухъ предыдущихъ: его діаметръ— около 28 м., высота—1,1 м. Нѣкоторыми особенностями отличается и форма погребальной ямы. Это большой квадратъ въ 4×4 м. и 1,7 м. глубиною; съ южной стороны въ погребальную яму ведетъ лѣстница изъ пяти ступенекъ (рис. 9—11). Подобно двумъ предыдущимъ курганамъ, и въ этомъ погребальная яма вырыта въ слоѣ рухляковаго известняка, причемъ на глубинѣ 0,35 м. отъ верхняго края въ известнякѣ имѣется прослойка глины, толщиной въ 0,25 м. При рытьѣ ямы глина эта вмѣстѣ съ рухлякомъ была выкинута на поверхность и ея линзы были найдены среди чернозема насыпи преимущественно у сѣвернаго и сѣверо-западнаго краевъ ямы. Здѣсь она подверглась дѣйствию огня, вмѣстѣ съ желѣзными предметами, отъ которыхъ остались значительныя скопленія шлаковъ (?). Куски красной обожженной глины и шлака привели прохоровцевъ къ мысли, что тутъ была кузня и въ ней былъ погребенъ кузнецъ. Слѣдуетъ отдать справедливость прохоровцамъ, что при раскопкахъ кургановъ ими руководило не только желаніе найти кладъ,

Рис. 8.

Рис. 9.

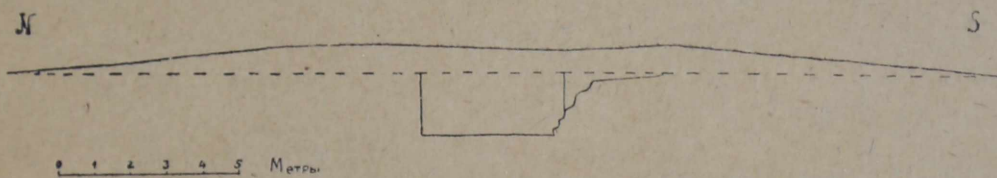

Рис. 10. Разрѣзъ кургана № 3.

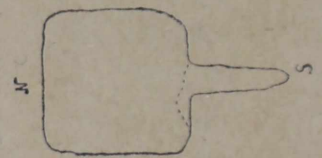

Рис. 11. Планъ погребенія въ кург. № 3.

но и любознательность. Несмотря на рабочую пору, кладоискатели нанимались ко мнѣ въ рабочіе на тѣ дни, когда раскапывались разрытые ими курганы, живо интересуясь всѣмъ тѣмъ, что въ нихъ находилось. Въ частности, въ „кузнѣ“, которую полиція помѣшала имъ дорыть до конца, они тщательно искали горна, трубы и кузнечныхъ орудій.

Въ „кузнѣ“, судя по уцѣлѣвшимъ костямъ, былъ погребенъ мужчина; скелетъ лежалъ головой на югъ, не совсѣмъ въ центрѣ квадрата ямы, а ближе къ ю.-з. ея части. Здѣсь были найдены:

- Бѣлыя бусы (№ 3139, два ряда, также № 3163),
- Наконечники стрѣлъ (№ 3133, 60 штукъ),
- Три ложки костяныя (№ 3129),
- Скульптурная костяная голова (№ 3137),
- Каменные бруски (№ 3132 и 3148),
- Зеркальце (№ 3149),
- Раковины (№ 3134),
- Глиняный сосудъ (№ 3130),
- Зеркало (№ 3156).

Кромѣ того, по словамъ кладовскателей, тутъ же были найдены желѣзные тесаки, но ихъ нельзя было взять, такъ какъ ихъ „забрала“ ржавчина. Однако, при раскопкахъ значительныхъ кусковъ, ржавчины въ этомъ погребеніи нами найдено не было.

Когда нами была снята курганная насыпь, на уровнѣ почвы по краямъ погребальной ямы были обнаружены остатки костра—уголья, куски обгорѣлаго дерева, головни. Куски дерева съ угольями встрѣчались и въ перекопанной землѣ насыпи. По нетронутымъ кускамъ дерева можно было заключить, что послѣ того, какъ погребальная яма была засыпана, поверхъ нея былъ разложенъ костеръ изъ довольно толстыхъ (діам. отъ 10 до 15 см.) березовыхъ бревенъ, причемъ бревна лежали въ з.-в. направленіи. На такое положеніе обгорѣлыхъ бревенъ указываютъ кладовскатели, которые наткнулись на нихъ въ центрѣ кургана.

Изъ предметовъ въ насыпи этого кургана нами были найдены только два бронзовыхъ наконечника стрѣлъ и нѣсколько бѣлыхъ известковыхъ бусъ, въ разныхъ мѣстахъ, при извлеченіи земли со дна погребальной ямы

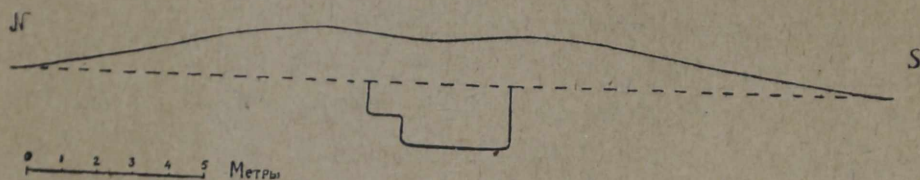

Рис. 12. Разрѣзъ кургана № 4.

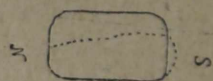

Рис. 13. Планъ погребенія въ кург. № 4.

Наконецъ, *четвертый*, самый сѣверный курганъ, какъ уже упоминалось, былъ раскопанъ нѣсколько позднѣе, и вещи изъ него были доставлены во вторую очередь. По величинѣ и формѣ насыпи онъ сходенъ съ первыми двумя курганами. Его діаметръ—около 23 м., высота насыпи 1,5 м. (рис. 12). Форма погребальной ямы четырехугольная, $2,8 \times 3,0$ м. (съ закругленными углами) при 1,6 м. глубины (рис. 13). Въ с.-в. углу, подобно тому, какъ это мы видѣли въ первыхъ двухъ курганахъ, имѣется уступъ-ступенька, позволяющая легко спуститься въ погребальную яму. По словамъ раскопавшихъ этотъ курганъ, въ немъ на известной глубинѣ была обнаружена бѣлая прослойка (зольная?), подъ которой были кости барана, а ниже два скелета, лежавшіе одинъ надъ другимъ подъ нѣкоторымъ угломъ. Кромѣ другихъ предметовъ, по бокамъ скелетовъ у краевъ погребальной ямы стояли два глиняныхъ сосуда, которые были вынуты на поверхность и впоследствии разбиты. Изъ этого кургана въ Архивную Комиссію были доставлены:

Золотое шейное кольцо, разломанное на пять частей (№ 3157),

Мелкія и крупныя бусы (№ 3161 и 3162),

Серьги золотыя „мережныя“ (ажурныя),

Блюдо (№ 3164),

Зеркало (?).

Среди перечисленныхъ предметовъ въ музей Комиссіи не оказалось серегъ. Однако, имѣются части какого-то предмета (№ 3158—3160), который могъ быть принятъ прохоровцами за серьги. Неизвѣстнымъ осталось также, какое зеркало они упоминаютъ изъ этого погребенія.

При раскопкѣ этого кургана нами прежде всего было обнаружено погребеніе въ немъ трехъ индивидовъ. Очень неглубоко, около 0,60 м., въ насыпи, въ ю.-в. части ея и на разстояніи трехъ метровъ отъ центра былъ найденъ черепъ и нѣкоторыя отдѣльныя кости скелета. Кости, принадлежащія къ двумъ индивидамъ, были найдены на днѣ погребальной ямы, причемъ были разбросаны безъ всякаго порядка.

Черепки, найденные въ большомъ количествѣ какъ въ насыпи, такъ и внутри погребальной ямы, принадлежатъ тремъ сосудамъ. Помимо костей животныхъ, обнаруженныхъ въ разныхъ частяхъ насыпи, въ ней на глубинѣ 0,65 м. въ южномъ квадратѣ и недалеко отъ центрального была найдена треть каменнаго блюда. Остальныя части этого блюда не были найдены ни внутри погребальной ямы, ни въ насыпи. Судя по излому, блюдо было разбито давно, и частей его не находили прохоровцы при первоначальныхъ раскопкахъ кургана.

Кромѣ центрального и только что описанныхъ четырехъ кургановъ, въ прохоровской группѣ имѣются, какъ мы уже упоминали, еще четыре малыхъ кургана, также раскопанныхъ прохоровцами. Въ виду того, что въ этихъ курганахъ не было найдено ничего, кромѣ скелетовъ, мы изъ нихъ раскопали только одинъ (№ 5), въ которомъ былъ только костякъ.

Такъ какъ въ прохоровской группѣ кургановъ не оставалось ни одного нераскопаннаго, то, желая раскопать хоть одинъ нетронутый курганъ, современный прохоровскимъ, мы стали отыскивать таковой какъ на этомъ, такъ и на сосѣднихъ водораздѣлахъ. Къ сожалѣнію, найти по близости нераскопанный курганъ оказалось не такъ-то легко. Послѣ раскопки прохоровской группы кургановъ по всей округѣ, на десятки верстъ, въ 1911 году прошла кладоискательская эпидемія. Копали и кузминовцы, и михайловцы, и ново-федоровцы, и многіе другіе. Какъ на единственный изъ ближайшихъ нераскопанныхъ кургановъ намъ указывали на курганъ, расположенный на Общемъ Сыртѣ верстахъ въ пяти къ сѣверу отъ прохоровской группы. Курганъ этотъ начала копать артель изъ крестьянъ деревень Плетневки и Ново-Федоровки, но послѣ того, какъ одного изъ крестьянъ придавило осыпавшейся землей, курганъ былъ брошенъ недокопаннымъ. При осмотрѣ какъ этого кургана (около 30 м. въ діаметрѣ), такъ и сосѣдняго, значительно меньшихъ размѣровъ, были обнаружены слѣды раскопки обоихъ. Ни въ Плетневкѣ, ни въ Ново-Федоровкѣ мнѣ не удалось найти ни одного изъ крестьянъ, раскапывавшихъ эти курганы въ 1911 г., такъ какъ всѣ они, за исключеніемъ придавленного, оказались призванными въ армію. Этотъ послѣдній не могъ сообщить мнѣ никакихъ свѣдѣній, такъ какъ при началѣ раскопокъ большого кургана онъ не присутствовалъ, а послѣ того, какъ былъ придавленъ землей, потерялъ сознание, долго болѣлъ и не знаетъ, до чего докопались

его товарищи. Не получивъ увѣренности въ томъ, что ново-федоровскій курганъ не разграбленъ, не имѣя въ достаточномъ количествѣ ни времени, ни средствъ, а желая все же раскопать нетронутый курганъ, я уѣхалъ за 50 верстъ къ Ю.-В. отъ Прохоровки, гдѣ мною раньше была отмѣчена группа изъ трехъ еще не копанныхъ кургановъ. Изъ этой группы мнѣ удалось раскопать два кургана значительно меньшихъ размѣровъ, чѣмъ третій. Но, къ сожалѣнію, по способу погребенія, по найденнымъ въ нихъ предметамъ и по другимъ особенностямъ эти курганы оказались совсѣмъ иными, чѣмъ прохоровскіе.

С. Руденко.

Рис. 14. Видъ раскопки кургана.

II. Описаніе вещей, найденныхъ въ Прохоровскихъ курганахъ.

I курганъ.

1) Желѣзный литой панцырь, найденный совершенно цѣлымъ, но разбитый на части находчиками. Сохранилась какъ передняя часть, покрывавшая грудь и часть живота (рис. 15), такъ и задняя, покрывавшая спину (рис. 16). Къ вырѣзу для шеи приклепана двумя желѣзными гвоздями желобчатая полоска желѣза—родъ ворота. Такая же оторочка имѣлась около вырѣзовъ, куда входили руки. Внизу, вѣроятно, на высотѣ живота приклепана была полоска желѣза, составлявшая, вѣроятно, родъ пояса. Куски этого панцыря, найденные С. И. Руденкомъ при дослѣдованіи, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что панцырь дѣйствительно принадлежалъ къ инвентарю даннаго погребенія, и даютъ надежду на то, что удастся возстановить его цѣликомъ или почти цѣликомъ. Такъ какъ панцырь весь покрытъ густой ржавчиной, то не представляется возможнымъ съ увѣренностью сказать, не было ли на передней его

Рис. 15. Передняя половина железного литего панцыря изъ I кургана.

Рис. 16. Задняя половина того же панцыря.

сторонѣ какихъ-либо изображеній. Къ сожалѣнію, недостатокъ времени не позволилъ мнѣ тщательно изучить панцырь на мѣстѣ, но А. В. Поповъ пишетъ мнѣ, что слѣдовъ какихъ-либо орнаментовъ или изображеній онъ не нашелъ, несмотря на тщательное изслѣдованіе. Кромѣ того, безъ тщательной очистки панцыря врядъ ли оказалось бы возможнымъ установить цѣлый рядъ деталей, существенныхъ для пониманія этого рѣдкаго памятника. Дальнѣйшему изученію подлежитъ выяснить: 1) какимъ образомъ соединялись обѣ половинки панцыря; ясно, во всякомъ случаѣ, что соединялись онѣ сбоку, какъ на греческихъ архаическихъ панцыряхъ этого типа; 2) имѣлась ли кожаная или какая иная подкладка; 3) была ли предусмотрена и устроена какая-либо защита низа живота. Передняя половина—выс. наибольшаго куска 0,26 м., шир. 0,19; длина шейника—0,14; задняя половина—выс. 0,32; шир. 0,30.

2) Спиральная шейная гривна, найденная на шеѣ скелета. Она состоитъ изъ мѣдной проволоки, обложенной золотой пластинкой; края пластинки, склепаны, но не сварены. Заканчивается обручъ золотыми совершенно одинаковыми головками животныхъ. Порода животного неопредѣлима,—мы имѣемъ дѣло съ фантастическимъ эклектическимъ существомъ. Тулая морда съ зубами хищника; большіе глаза, обрамленные выступающей полосой въ формѣ неправильнаго полукруга съ насѣчками; широкая пасть, обрамленная такой же полосой съ насѣчками; широкія лапчатые уши, отороченныя такой же полосой. Морда между глазами и пастью покрыта параллельными рядами пунцованныхъ точекъ; три ряда такихъ же точекъ расположены треугольникомъ между глазами и ушами. Между глазами укрѣпленъ кружокъ, отъ котораго надъ всей головой и шейю идетъ золотая проволока съ насѣчками, припаянная на пространствѣ головы къ четыремъ шарикамъ, укрѣпленнымъ на поверхности головы; на пространствѣ шей она загибается вверхъ и идетъ по шеѣ до ея конца. Шей, начиная отъ ушей, раздѣлана чередующимися выступающими гладкими полосками и полосками съ насѣчкой, т. е. грубо подражаетъ бусамъ или такъ называемому астрагалу. Діам. 0,175—0,180; длина всего обруча—1,41; длина нижней головы 0,082, верхней—0,10; окружность проволоки—0,017—0,018. Табл. II, 1.

3) Мѣдный браслетъ, наглухо заклепанный такимъ образомъ, что одинъ конецъ надѣтъ на другой, какъ втулка, и затѣмъ прибитъ мѣднымъ гвоздемъ. Наиб. діам. 0,106. Табл. II, 2.

4) Гладкое круглое металлическое зеркальце съ небольшою ручкой, состоящей съ нимъ одно цѣлое. Металлъ, по всей вѣроятности,—сплавъ мѣди съ золотомъ или серебромъ. Составъ могъ бы быть выясненъ только при посредствѣ тщательнаго химическаго анализа. Діам. 0,12. Табл. II, 3.

5) Золотой окладъ ноженъ меча изъ тонкаго листового золота. Слѣдовъ прикрѣпленія гвоздиками оклада къ дереву или кожѣ ноженъ нѣтъ. Несомнѣнно, что окладъ былъ наложенъ на деревянные ножны и, можетъ быть, къ нимъ приклеенъ. Изготовленъ онъ былъ, можетъ быть, специально для погребальныхъ цѣлей. Окладъ найденъ былъ въ кускахъ, причѣмъ, несомнѣнно, и изготовленъ онъ былъ не изъ

одного, а изъ нѣсколькихъ кусковъ листового золота. Сколько ихъ было, точному опредѣленію не поддается.

Пластинки, украшенныя орнаментомъ, покрывали только верхнюю и нижнюю части ноженъ; средняя либо совсѣмъ не была покрыта золотомъ, либо была покрыта гладкими золотыми пластинками, нѣсколько штукъ которыхъ найдено (одна цѣльная пластинка—выс. 0,51, шир. безъ бортовъ—0,48, съ бортами—0,61; кромѣ того, пять фрагментовъ). Держались пластинки на деревянныхъ ножнахъ загнутыми краями. Верхняя и нижняя часть оклада ноженъ, куда входили крестовина и остріе кинжала, равно какъ и двѣ пластинки, вѣроятно, верхнія средней части оклада, покрыты орнаментами изъ накладной припаянной проволоки, причемъ и отдѣльныя образовавшіяся такимъ образомъ гнѣзда заполнены жалкими остатками красной, синей и бѣлой эмали. Возможно, что окладъ вмѣстѣ съ кинжаломъ побывалъ въ огнѣ, почему эмаль и выкрошилась почти цѣликомъ, хотя этотъ процессъ могъ быть и результатомъ дѣйствія сырости. Несомнѣнныхъ слѣдовъ сожженія, хотя бы частичнаго, въ этомъ погребеніи не имѣется.

О техникѣ А. В. Поповъ сообщаетъ мнѣ слѣдующее. „Перегородки для эмали и прочія накладныя украшенія (кресты и т. д.) сдѣланы изъ тонкой крученой (мѣстами какъ будто нѣсколько уплощенной) золотой проволоки, припаянной золотомъ же, едва замѣтно. На перекресткахъ проволоки и при встрѣчахъ употреблены какъ бы золотые гвоздики, вѣрнѣе, только плоскія шляпки. Въ мѣстахъ, гдѣ въ гнѣздахъ, заполненныхъ эмалью, имѣются бѣлая и красная массы, можно судить, что красная составляетъ нижній слой, бѣлая—верхній. Гдѣ лежитъ киноварно-красная и синяя, послѣдняя—верхняя. На концѣ ноженъ эмали не сохранилось. Вы спрашиваете, сдѣланъ ли орнаментъ набивкой золотой проволоки? Набивку понимаю, какъ сцѣпленіе проволоки и фона (пластинки) въ силу ихъ естественной слипаемости или прилипчивости. Этого нѣтъ. Гдѣ проволока отпала,—видны соответствующіе проволочнымъ фигурамъ валики золотого припая, но не вдавленія, какъ было бы, если бы проволоку прибавали, набивали на пластинку. Конечно, полоска прямая тонка до неразличимости глазомъ; онѣ только осязаются тонкимъ остріемъ, для глаза представляются только различными оттѣнками въ цвѣтѣ и отливахъ пластинки“.

Обивка украшена слѣдующими орнаментами. На верхней пластинкѣ, покрывавшей расширение ноженъ, куда входила крестовина меча, вверху помѣщены завитки. Въ образованныхъ завитками центральныхъ гнѣздахъ 1, 2, 4, 6 и 7 (считая слѣва направо) остатки бѣлой массы, въ 3 и 5—красной. По нижнему краю той же пластинки идетъ листовенный орнаментъ. Въ гнѣздахъ 3—8 и 11—13 остатки бѣлой массы, въ гнѣздѣ 2—красной. Справа на краю—сквозное отверстіе, обрамленное проволокой.

На пластинкахъ, покрывавшихъ корпусъ ноженъ (сохранились двѣ), мы имѣемъ вверху 6 звеньевъ схематизированной гирлянды съ языками, свѣшивающимися между каждыми двумя звеньями. Сохранилось, кромѣ того, семь скрѣпляющихъ шляпокъ на одномъ кускѣ и пять на другомъ. Кое-гдѣ сохранились остатки эмали. Въ звеньяхъ

1 и 2 слоями красная, бѣлая и ярко-синяя. Въ центрѣ пластинки двѣ четырехлепестковья розетки. Въ центральномъ кругѣ этихъ розетокъ по четыре шляпки. По нижнему краю—7 треугольниковъ остриями вверхъ. Въ нѣкоторыхъ гнѣздахъ эмаль: въ 4-омъ—киноварно-красная, въ 6-омъ —киноварно-красная и яркосиняя массы.

Часть ноженъ между двумя верхними пластинками и обивкой части, куда входило острие кинжала, можетъ быть, покрыта была, какъ сказано выше, гладкими золотыми пластинками безъ орнамента, частью сохранившимися.

Низъ обкладки ноженъ имѣетъ форму язычка съ двумя полукруглыми боковыми расширениями по серединѣ. Вверху—полоса листового орнамента, затѣмъ орнаментальный ромбъ (первоначально ихъ, несомнѣнно, было два) изъ двухъ сломанныхъ подъ угломъ спиралей съ кружкомъ въ центрѣ. Образованный двумя расширениями центральный кругъ обрамленъ въ расширенияхъ по периферіи треугольниками остриями внутрь, примыкающими извнѣ къ бордюру изъ тонкой золотой проволоки. Внутри, справа и слѣва, по овальному сквозному гнѣзду, обрамленному проволокой. Нижний язычекъ орнаментованъ по борту кружками, въ центрѣ два завитка въ формѣ восьмерокъ.

Отверстія въ нижней части обивки, о которыхъ рѣчь была выше, предназначены были, по правильному замѣчанію Я. И. Смирнова, для прикрѣпленія ноженъ ремешками къ штанамъ, какъ это мы видимъ постоянно на боспорскихъ стелахъ и на камскихъ такъ называемыхъ чудскихъ литыхъ фигуркахъ. Въ отверстіе въ верхней части обивки продѣвался ремень или цѣпочка, за который мечъ былъ привѣшенъ къ ножу ¹⁾ (см. ниже). Размѣры: крестовина—шир. 0,85, выс. 0,024; первая пластинка—шир. вверху 0,50, снизу 0,44; выс. 0,44; вторая—шир. вверху 0,475, снизу—нѣсколько меньше; выс. 0,45; оконечникъ—выс. 0,725. Табл. III, 1.

6) Рукоятка желѣзнаго меча или кинжала, обложенная тонкимъ листовымъ золотомъ ²⁾. Набалдашникъ имѣетъ форму полумѣсяца, ручка и крестовина—прямая. Выс. 0,085. Табл. III, 1.

7. Описаніе двухъ серебряныхъ блюдецъ будетъ дано ниже Я. И. Смирновымъ (табл. I, 1 и 2). О болѣе мелкихъ находкахъ рѣчь была выше въ отчетѣ С. И. Руденко. Возможно, что черепки сосуда, о которыхъ говорилъ С. И. Руденко, принадлежали сосуду, аналогичному тому, часть котораго удалось возстановить и который изображенъ на табл. V, 13.

¹⁾ На рисунокѣ (табл. III, 1), гдѣ дана реконструкція меча, ошибочно показаны два отверстія. На оригиналѣ, какъ видно на прилагаемой фотографіи (табл. III, 1), имѣется только одно, съ правой стороны ноженъ.

²⁾ На рисунокѣ (табл. III, 1) рукоятка эта соединена съ ножнами меча предположительно. Какъ сказано выше въ отчетѣ С. И. Руденко, нельзя установить съ точностью, эта ли рукоятка или цѣлый желѣзный мечъ, описанный ниже (табл. V, 11), найдены въ этомъ погребеніи. Характерно, однако, что возстановленіе меча, данное на табл. III, 1 и сдѣланное на основаніи точныхъ размѣреній Н. А. Эманъ, приводитъ къ длинѣ ноженъ, равняющейся 0,615, недостаточной для лезвія цѣльнаго меча (безъ ручки—0,67, но кончикъ меча обломанъ). Это позволяетъ думать, что въ ножнахъ находился мечъ, по длинѣ приблизительно равнявшійся только что упомянутому, но болѣе короткій. Такимъ, вѣроятно, былъ мечъ, ручка котораго здѣсь описана: она короче ручки цѣльнаго меча на 1 1/2 сант. (здѣсь 0,085, тамъ 0,10). Такъ какъ въ мечѣ табл. V, 11 длина ручки относится къ длинѣ меча какъ 1:7, то и здѣсь длина клинка меча должна была равняться приблизительно 60 сант., т. е. какъ разъ длинѣ ноженъ.

II курганъ.

1) Шейная гривна (діам. 0,225 м.) изъ мѣдной проволоки, обложенная листовымъ золотомъ. Свободные концы проволоки наглухо и ровно заклепаны; на концахъ никакихъ изображеній не имѣется. Гривна послѣ находки разломана на двѣ части. Табл. IV, 5. Рядомъ на табл. IV, 1 изображенъ обломокъ другой такой же гривны (изъ того же погребенія?).

2) Желѣзный кинжалъ съ желѣзной же ручкой, выкованной изъ одного куска съ кинжаломъ (дл. 0,35 м.). Рукоятка напоминаетъ вышеописанную рукоятку меча перваго кургана, но концы наверхъ менѣ закруглены, такъ что наверхъ представляется почти прямымъ. Клинокъ нѣсколько расширяется къ серединѣ, т. е. имѣетъ форму остраго стрѣльчатого листа, посрединѣ—ребро. Табл. IV, 10.

3) Желѣзный листообразный удлиненный наконечникъ копья со втулкой (0,24 м.). Табл. IV, 8.

4) Часть большого гладкаго круглаго зеркала изъ выше упомянутаго сплава съ прямой внизу нѣсколько закругленной плоской короткой ручкой (діам. 0,17 м.). Табл. IV, 9.

5) Мѣдная цилиндрическая пронизъ съ четырьмя стержнями, поставленными крестообразно, посрединѣ пронизи. Дл. 0,018. Табл. IV, 7.

6) Крупная плоская буса изъ синяго стекла, раздѣленная съ обѣихъ сторонъ желтыми полосами крестъ-на-крестъ на четыре сегмента, въ каждомъ изъ которыхъ по зеленому кружку, опоясанному желтой же линіей. Табл. IV, 6.

7) Желѣзный трехгранный наконечникъ стрѣлы.

III курганъ.

1) Длинный (0,77 м.) желѣзный мечъ съ ручкой той же формы, что и рукоятка меча или кинжала, найденная въ первомъ курганѣ, т. е. съ серповиднымъ набадашникомъ и прямой крестовиной. Посрединѣ клинка шло, повидимому, ребро. Данные о мѣстѣ находки этого меча см. выше въ отчетѣ С. И. Руденка. Табл. V, 11.

2) 60 мѣдныхъ трехгранныхъ наконечниковъ стрѣлъ частью безъ втулокъ, частью со втулками (вторыхъ значительно больше). Въ наконечникахъ безъ втулокъ внизу острые шипы и въ одномъ изъ реберъ сквозное отверстіе. Табл. V, 10.

3) Каменные бруски-точилки. Дл. 0,13 и 0,11. Табл. V, 1 и 2.

4) Круглое зеркало, разбитое на рядъ кусковъ изъ сплава. Табл. V, 4.

5) Небольшое мѣдное зеркальце съ приподнятымъ краемъ и прямой ручкой въ видѣ прута, заканчивающагося кольцомъ. Діам. 0,08. Табл. V, 5.

6) Обломокъ третьяго зеркала, аналогичнаго № 4. Табл. V, 6.

7) Костяное наверхъ рѣзное въ формѣ рыбьей или птичьей головы. Дл. 0,23. Табл. V, 8.

8) Три костяныя ложки, вырѣзанныя, повидимому, изъ лопатокъ мелкихъ молодыхъ животныхъ. Дл. 0,14; 0,12 и 0,095. Табл. V, 3.

9) Ожерелье изъ ряда бѣлыхъ мѣловыхъ бусъ разной величины съ ребрами и

безъ нихъ, разныхъ формъ. Поверхность этихъ бусъ пропитана была, по наблюденіямъ Волкова, какимъ-то веществомъ—жиромъ или воскомъ; въ составъ этого же ожерелья входили, повидимому, буса изъ какого-то камня, окрашеннаго въ зелено-синій цвѣтъ, и нѣсколько бусъ изъ сердолика. Наибольшая буса діам. 0,05. Табл. V, 7 и 12.

10) Четыре раковины-грифеи.

11) Небольшой глиняный сосудъ изъ сѣрой глины. Наиб. діам. 0,12.

12) Двѣ пронизки изъ свѣтло-сѣрой глины и ядро аммонита, подвергшееся нѣкоторой обработкѣ. Табл. V, 9.

IV курганъ.

1) Шейная гривна изъ мѣдной проволоки, обложенной листовымъ золотомъ, разломанная на шесть частей. Табл. IV, 1 (вверху).

2) Рядъ мелкихъ и крупныхъ бусъ; 76 мелкихъ изъ каменнаго угля и двѣ изъ синяго стекла; нѣсколько крупнѣе—4 изъ сердолика, 1 изъ плохого аметиста, 1 изъ темносиняго стекла съ глазками и 1 изъ розоватаго мутнаго стекла. Табл. IV, 1 и 6.

3) Двѣ небольшія спиральныя привѣски или серьги изъ золотой проволоки. Табл. IV, 4.

4) Золотая серьга или привѣска, состоящая изъ золотой проволочной спиральки, къ которой припаяна подвѣска изъ листового золота, украшенная продольнымъ веревочнымъ орнаментомъ и имѣющая форму, напоминающую восьмерку. Дл. 0,05. Табл. IV, 3.

5) Гладкое круглое зеркало изъ сплава съ возвышающимся на одной сторонѣ краемъ, безъ ручки. Діам. 0,26. Табл. IV, 2.

6) Черепки трехъ глиняныхъ сосудовъ, изъ которыхъ одинъ оказалось возможнымъ частично возстановить. Это большой грубый круглодонный сосудъ изъ красноватой глины, украшенный на плечикахъ грубымъ геометрическимъ нарѣзнымъ орнаментомъ: треугольники изъ нарѣзныхъ параллельныхъ штриховъ, заполненные параллельными рядами полосъ изъ нарѣзныхъ вертикальныхъ штриховъ. Шейка сосуда низкая. Табл. V, 13.

7) Треть каменнаго блюда, о которомъ рѣчь будетъ ниже. Дл. по борту 0,32; шир. 0,12. Рис. 17.

Рис. 17. Часть каменнаго блюда изъ IV кургана.

III. Обстоятельства находки и описание вещей, найденных около села Покровки Уральской области.

Иной характеръ имѣютъ погребенія и найденныя въ нихъ вещи около села Покровки Уральской области (Уральскій уѣздъ, у слиянія Хобды съ Илекомъ, въ 50 в. къ з. отъ Илецкой защиты). И здѣсь раскопки (въ 1911 г.) носили хищнической характеръ и повели къ разграбленію нѣсколькихъ кургановъ. Вѣсти объ этомъ разграбленіи, сообщенныя крестьянскимъ начальникомъ *Ө. Я. Поповымъ*, побудили Оренбургскую Архивную Коммисію поручить своему сочлену *І. А. Кастанье* дослѣдованіе разграблявшихся кургановъ, которое и было произведено имъ въ томъ же 1911 г.

Отчетъ объ этомъ дослѣдованіи, коснувшемся только двухъ кургановъ изъ цѣлой ихъ серіи, расположенной около с. Покровки, опубликованъ въ *ТОАК.*, XXIX (1913, 72 слл.). Къ сожалѣнію, недостатокъ средствъ и неблагоприятныя условія не позволили *І. А. Кастанье* провести дослѣдованіе съ должной тщательностью и вниманіемъ и лишили его возможности дополнить свою задачу раскопкой хотя бы одного изъ нетронутыхъ кургановъ.

Курганы Покровской группы расположены на возвышенностяхъ около рѣки Хобды налѣво отъ нея и на земляхъ села Покровки. Они всѣ имѣютъ довольно внушительные размѣры: отъ 40 до 60 саж. въ окружности и отъ трехъ до шести-семи аршинъ высоты.

Изъ этой группы крестьянами были разграблены четыре кургана: два на возвышенностяхъ, примыкающихъ къ Хобдѣ въ 7—8 в. отъ Покровки, и два на ровномъ мѣстѣ въ степи, около самаго села.

Эти два степныхъ кургана, носящіе у киргизъ названіе Кось-оба, и были дослѣдованы *Кастанье*. Около нихъ имѣется рядъ другихъ, въ то время не затронутыхъ кладоискателями.

Первый изъ разслѣдованныхъ кургановъ имѣлъ въ окр. 72 саж., выс. 2 саж., насыпь (земляная) куполообразная. Кладоискателями были вырыты двѣ ямы: съ з. стороны и въ центрѣ кургана. Въ одной изъ нихъ (неизвѣстно въ какой) найдены ниже описываемыя части уздечнаго конскаго набора, глиняный горшокъ и мѣдное зеркало, переданное крестьянами *Ө. Я. Попову*.

При дослѣдованіи, въ насыпи кургана на глубинѣ одной сажени начали попадаться лошадиныя и бараньи кости; за ними шель слой угля. Подъ этимъ слоємъ, въ насыпи, найдены были остатки деревяннаго сооруженія, на крышѣ котораго, вѣроятно, сожженъ былъ костеръ, давшій большое количество угля. Описание этого сооруженія не очень вразумительно. Какъ кажется, мы имѣемъ передъ собою срубъ изъ бревенъ выш. 1 арш. съ вертикально поставленными на разстояніи аршина одинъ отъ другого столбами. Дно сруба (или ямы, надъ которой этотъ срубъ былъ сооруженъ) смазано было глиной и покрыто толстымъ слоємъ бѣлой пыли (известь или мѣлъ?). Вещей никакихъ найдено не было, но нашлись кости скелета и обломки

глиняныхъ сосудовъ. Такъ какъ раскопки были прекращены до окончательнаго разслѣдованія кургана, то осталось не выясненнымъ, имѣлись-ли въ курганѣ другія погребенія.

Во всякомъ случаѣ, можно думать, что мы имѣемъ дѣло съ погребальнымъ обрядомъ и сооруженіемъ, аналогичными тѣмъ, которые намъ извѣстны для Каневской группы Кіевскихъ курганныхъ погребеній и для болѣе поздней группы погребеній Роменскихъ могильниковъ.

И тамъ, и здѣсь погребальный срубъ возведенъ былъ на поверхности материка, причемъ надъ срубомъ зажженъ былъ жертвенный костеръ, надъ которымъ насыпанъ былъ верхъ кургана, и въ насыпь брошены были кости съѣденныхъ во время тризны животныхъ. Къ сожалѣнію, не поддается выясненію, найденъ-ли былъ уздечный бронзовый наборъ въ особомъ погребеніи, или въ насыпи кургана надъ костромъ.

Второй меньшій курганъ (окр. 52 саж., выш. 5 арш.) былъ разграбленъ крестьянами, нашедшими тамъ рядъ вещей одного типа съ тѣми, которыя открылъ Кастанье. Возможно, что ими же найдены были и металлическіе сосуды (по слухамъ, золотые, что врядъ ли вѣроятно), отпечатокъ одного изъ которыхъ былъ установленъ Кастанье на днѣ гробницы.

Дослѣдованіе выяснило, что въ насыпи кургана, на глубинѣ 1 арш., находился деревянный помостъ (явленіе обычное въ кіевской группѣ кургановъ). Подъ помостомъ насыпанъ былъ мѣлъ. На глубинѣ 3 арш. подъ помостомъ найдены были лошадиныя кости ¹⁾. Въ насыпи кургана, по мѣрѣ приближенія къ матеріку, попадались брошенныя здѣсь при засыпкѣ кургана грабителями или выброшенныя ими при разграбленіи гробницы вмѣстѣ съ землей глиняныя бусы, мелкіе кусочки мѣди, три золотыя головки животныхъ, наконечники стрѣлы, кусочки кости и дерева, раковины и черепки стеклянаго сосуда.

Въ центрѣ кургана (на глубинѣ 4 арш. отъ верхняго помоста?) найдено было погребеніе, описанное настолько невразумительно, что нѣтъ возможности сказать, имѣемъ ли мы дѣло съ погребальной ямой въ материкѣ, или въ насыпи кургана. Первое вѣроятнѣе ²⁾.

Костякъ былъ потревоженъ грабителями. Лежалъ онъ съ с. на ю. Въ двухъ мѣстахъ на полу видны были два углубленія, оставленныя стоявшими здѣсь сосудами. Въ головахъ скелета г. Кастанье нашелъ рядъ предметовъ, не дорытыхъ грабителями, а именно нижеописываемые: печать изъ халцедона, пять нашивныхъ бляшекъ, зубъ въ оправѣ, коготь, раковину въ оправѣ, четыре золотыя застѣжки съ остатками ремня, обломки дерева, обломки костяного предмета, бусы, кусочки ремня съ узломъ и кожи, обломки какого-то желѣзнаго предмета.

¹⁾ Найденная здѣсь же, по описанію Кастанье, малахитовая или бирюзовая фигурка сидящей собаки, по мнѣнію А. В. Попова, является „естественнымъ желвачкомъ“.

²⁾ Выписываю описаніе г-на Кастанье, мнѣ непонятное. „Въ центрѣ кургана на глубинѣ 4 арш. подъ досками обнаружилось погребеніе. Дно могилы подъ поломъ было засыпано мѣломъ, охрой, сѣрой и соломой“. Значитъ ли это, что мы имѣемъ дѣло съ грунтовой ямой въ 4 арш. глуб., закрытой сверху досками, полъ которой былъ засыпанъ мѣломъ, охрой, сѣрой и соломой, или что-либо другое, я не знаю.

Погребальный обрядъ и форма погребальнаго сооруженія и здѣсь представляются довольно ясными. Мы имѣемъ, очевидно, дѣло съ грунтовымъ погребеніемъ въ ямѣ. По засыпкѣ ямы и сооруженіи части кургана совершена была тризна и надъ мѣстомъ тризны настланъ деревянный помостъ, надъ которымъ насыпанъ былъ верхъ кургана.

Даю теперь описаніе вещей, поступившихъ изъ обоихъ кургановъ въ музей Оренбургской Архивной Коммиссіи.

I курганъ.

1) Части уздечнаго набора. Четыре мѣдныхъ бляхи съ скобами на задней сторонѣ, имѣющія форму языковъ и украшенныя наверху головой грифона (дл. 0,11). Двѣ круглыя бляхи съ такими же скобами, украшенныя наверху головой грифона (дл. 0,06). Четыре гладкихъ круглыхъ бляхи (діам. 0,05). Наконечъ, бронзовая голова горнаго козла (выс. 0,05). Табл. VI, 23—25, 30 и 31.

2) Мѣдное круглое зеркало съ короткой прямой плоской ручкой (діам. 0,17). Табл. VI, 35.

3) Два черепка грубаго глинянаго сосуда, не позволяющіе установить форму сосуда.

II курганъ.

1) Печать въ видѣ конуса изъ бѣлаго халцедона ахеменидскаго типа. Печать оправлена въ золотой колпачокъ со скобкой наверху для подвѣшиванія. На колпачкѣ съ двухъ сторонъ по накладному завитку изъ золотой проволоки. На печати обычное для ахеменидскихъ печатей, но очень бѣглое изображеніе царя, борющагося со львомъ, поднявшимся на заднія лапы. Правая рука царя схватываетъ льва за горло, въ лѣвой мечъ. Выс. 0,05. Табл. VI, 10—12.

2) Четыре овальныхъ золотыхъ нашивныхъ бляшки, на задней сторонѣ которыхъ по двѣ петельки для нашиванія. На бляшкахъ вытиснены по двѣ головы ушастыхъ грифоновъ, заполняющія всю поверхность бляшекъ. Выс. 0,06, шир. 0,04. Табл. VI, 3, 4.

3) Золотая квадратная бляшка съ одной петелькой на обратной сторонѣ. На ней вытисненъ орнаментальный квадратъ съ пальметками по четыремъ угламъ и сторонами изъ рядовъ точекъ. Въ центрѣ—кругъ. 0,025. Табл. VI, 6.

4) Двѣ золотыя головки льва впрямь, сзади по двѣ петельки. Выс. 0,03. Табл. VI, 2.

5) Двѣ болѣе мелкія золотыя головки, можетъ быть, кабана. Сзади задѣланы наглухо приклепанной золотой пластиночкой. Дырочки для нашиванія по обѣ стороны ушей. Выс. 0,02. Табл. VI, 5.

6) Четыре золотыя скобы, двѣ (разныхъ размѣровъ, побольше и поменьше; дл. 0,06 и 0,03) въ видѣ заостренныхъ язычковъ, остальные (также побольше и поменьше) съ серповиднымъ концомъ. Всѣ онѣ были прибиты къ ремню золотыми гвоздиками. Табл. VI, 8, 9, 13 и 14.

7) Клыкъ хищнаго животнаго (медвѣдя?), обдѣланный въ золото; на верхнемъ концѣ оправы—золотое колечко для подвѣшиванія; оправка украшена треугольниками изъ зерни. Дл. 0,085. Табл. VI, 7.

- 8) Третичная раковина въ такой же золотой, но почти не орнаментированной оправѣ. Дл. 0,05. Табл. VI, 1.
- 9) Подobie когтя птицы изъ зеленого стекла съ дырочкой для привѣшиванія.
- 10) Три клыка хищныхъ животныхъ, два крупнаго, одинъ — мелкаго. Табл. VI, 16—18.
- 11) 14 бусъ: раковина *surgrea moneta*, 6 изъ синяго стекла, одна изъ сердолика, 6 золотыхъ круглыхъ. Табл. VI, 15.
- 12) Обломки двухъ раковинъ.
- 13) Восемь мѣдныхъ трехгранныхъ наконечниковъ стрѣлъ. Табл. VI, 19—22 и 27—29.
- 14) Черепки стекляннаго сосуда или сосудовъ, такъ называемаго, финикійскаго стекла, т. е. синяго стекла съ бѣлыми и красными прослойками.
- 15) Два обломка желѣза.
- 16) Куски кожанаго ремня съ узломъ и остатки кожи, частью орнаментированной нарѣзными завитками. Табл. VI, 37.
- 17) Кусочки дерева; на одномъ слѣды малиновой краски, на другомъ какое-то рѣзное изображеніе. Табл. VI 33 и 34.
- 18) Обломокъ костяной ложечки.
- 19) Какая-то фрагментированная фигурка изъ кости. Табл. VI, 36.
- 20) Свѣтлоголубые слитки стекла, среди нихъ половина раковины *surgrea moneta*.
- 21) Кусочки дерева съ желѣзными гвоздиками.
- 22) Краска въ родѣ охры, мѣлъ и смола.
- 23) Черепки мѣстнаго, тщательно сдѣланнаго на гончарномъ кругѣ сосуда хорошаго обжига.

Мы имѣемъ, такимъ образомъ, остатки вооруженія — стрѣлы и, можетъ быть, кинжалъ; части ожерелья, къ которымъ, можетъ быть, принадлежали и головки животныхъ и подвѣски (печатка, клыки, раковины); части головного убора — золотыя нашивныя бляшки; можетъ быть, части кожанаго колчана, украшенныя золотомъ; остатки деревяннаго рѣзного ящичка, можетъ быть, инкрустированнаго костью; ко- стяные предметы обихода; металлическую и глиняную посуду.

IV. Аналогичныя находки въ Оренбургскомъ краѣ и южномъ Поволжьѣ.

Разбираясь въ вещахъ, найденныхъ въ Прохоровкѣ и Покровкѣ, мы, прежде всего, должны отмѣтить, что обѣ группы находокъ врядъ-ли одновременны. Находки въ Покровкѣ датируются цѣлымъ рядомъ указаній. Во-первыхъ — ахеменидская печать. Хотя изображеніе на печати и очень бѣгло, но и форма печати, и сюжетъ, и стиль композиціи настолько близки къ ахеменидскимъ печатямъ IV и III в. до Р. Хр., что датировать печать изъ Покровки временемъ болѣе позднимъ, чѣмъ IV в. до Р. Хр. врядъ-ли представляется возможнымъ. То-же заключеніе подтверждаетъ и отмѣченная уже Кастанье ближайшая аналогія между клыкомъ-подвѣской Покровки и такимъ же

кыкомъ-подвѣскою изъ IV Семибратняго кургана ¹⁾). Какъ ни датировать отдѣльные погребенія группы Семибратнѣхъ кургановъ, ни одно изъ нихъ не принадлежитъ времени болѣе позднему, чѣмъ конецъ IV или начало III в. до Р. Хр. На то же время указываютъ и остатки сосуда или сосудовъ изъ такъ называемаго финикійскаго стекла. Ему же не противорѣчатъ и стиль золотыхъ нашивныхъ бляшекъ съ грифонными головками, точныхъ аналогій которымъ я въ южной Россіи не знаю, но общій характеръ которыхъ ничѣмъ не разнится отъ нашивныхъ бляшекъ пантикапейскаго производства, обычныхъ для курганныхъ погребеній южной Россіи, относящихся къ IV—III в. до Р. Хр.

Интересную параллель къ четырехугольной бляшкѣ, украшенной пальметками, даютъ находки дополнительнаго разслѣдованія насыпей Семибратнихъ кургановъ въ 1878 г. (см. *ОАК.* 1880, Атл. табл. IV, 17 и 18, стр. 97). И здѣсь основнымъ мотивомъ украшенія квадратныхъ бляшекъ являются пальметки.

На львиныя нашивныя головки или изображенія шкуры львиной головы, какъ на старшихъ монетахъ Пантикапея, очень похожи золотыя львиныя головки изъ кургана № 152 около Криворукова, Чигиринскаго у., раскопаннаго гр. Бобринскимъ въ 1903 г. (см. *ИАК.* 14, 20, рис. 50). Курганъ этотъ относится еще къ архаическому времени, какъ и вся группа сосѣднихъ кургановъ, соответственно чему и головка носитъ болѣе архаическій характеръ, чѣмъ покровская. Ср. сходныя съ головками меньшаго размѣра покровскихъ кургановъ бронзовыя головки болѣе грубаго стиля изъ состава бронзоваго набора узды одного изъ Аксютинскихъ кургановъ (Др. Пр. III, табл. XLVII, № 345). Обычны въ скиескихъ курганныхъ погребеніяхъ и золотыя скобы фигурныя и простыя, съ орнаментами и безъ оныхъ. Обычно онѣ бываютъ довольно крупныхъ размѣровъ и украшаютъ края деревянныхъ сосудовъ, но имѣются и болѣе мелкія, вѣроятно, нашивавшіяся на кожу: см. скобу изъ того же кургана Чигиринскаго уѣзда въ *ИАК.*, 14, стр. 20, рис. 51, ср. *ibid.* стр. 10, рис. 11 и чаще.

Можно ли считать прототипъ всѣхъ описанныхъ вещей греческимъ, представляется весьма сомнительнымъ. Во всякомъ случаѣ, золотыя львиныя головки Покровскаго и выше указанныхъ скиескихъ погребеній находятъ себѣ ближайшія и исчерпывающія аналогіи въ вещахъ восточныхъ, найденныхъ на Востокѣ. Укажу, прежде всего, на львиную головку - привѣску изъ Аму-дарьинскаго клада (Dalton, *The treasure of the Oxus*, II, 14) и, особенно, на костяныя рѣзныя львиныя головы изъ погребеній Алтая, раскопанныхъ В. В. Радловымъ и принадлежащихъ, по его классификаціи, къ желѣзному вѣку, см. *ЗРАО.*, VII (1895), табл. XXXI, 9. Характерно, что тамъ же мы находимъ ближайшую аналогію и къ костяному навершью въ формѣ львиной головы изъ нижеописываемаго оренбургскаго же архаическаго погребенія (табл. VII, 4), см. Радловъ, *l.l.*, табл. XXXI, 6.

Все это указываетъ на VI—V в. до Р. Хр., какъ на наиболѣе вѣроятную дату погребенія II Покровскаго кургана. Тѣмъ же временемъ я датировалъ бы и уздечный

¹⁾ См. *ОАК.* 1877, Атл. II, 13, стр. 27. О профилактическомъ значеніи кыкомъ Стефанн, *ОАК.* 1865, 181, 195 слл.

наборъ I Покровскаго кургана. И здѣсь точныхъ аналогій для оригинальныхъ мѣдныхъ или бронзовыхъ бляхъ уздечнаго набора я не знаю. Но общій характеръ ихъ очень близокъ къ стилю многочисленныхъ уздечныхъ наборовъ раннихъ Семибратнихъ и Нимфейскихъ кургановъ.

Хорошія аналогіи даютъ и указанная архаическія погребенія Чигиринскаго у., раскопанныя Бобринскимъ. Помимо того, что въ рядѣ этихъ кургановъ найдены части уздечнаго набора въ видѣ грифонныхъ головъ съ шеей, трактованной какъ пальметка и какъ спираль (см. *ИАК.* 14, 9, рис. 9; 17 рис. 39 и 49), мы имѣемъ въ той же группѣ очень интересную золотую пластинку, набитую когда-то на дерево золотыми гвоздиками и украшенную двумя рядами поставленныхъ одна надъ другой грифонныхъ головъ около центральной рубчатой полосы (*ibid.*, 16, рис. 35). Интересно, что внизу эта пластинка украшена головой козла, напоминающей бронзовую голову козла того же покровскаго уздечнаго набора (табл. VI, 32). Хорошей аналогіей для золотыхъ бляшекъ съ головами грифоновъ, о которыхъ рѣчь была выше, могутъ служить золотыя нашивныя грифонны головки изъ той же группы кургановъ (*ИАК.*, 20, рис. 47, 48).

Весьма важно отмѣтить здѣсь же, что ни одна изъ Покровскихъ вещей не можетъ быть связана съ чисто греческими вещами и что всѣ аналогіи ведутъ насъ на Востокъ. Въ такъ называемыхъ скиескихъ погребеніяхъ Кубани, Крыма и Приднѣпровья привлеченныя нами, какъ аналогіи, вещи принадлежатъ къ категоріи тѣхъ, происхожденіе которыхъ лежитъ, несомнѣнно, на Востокѣ и большая часть которыхъ украшена въ такъ называемомъ скиескомъ звѣриномъ стилѣ, восточное происхожденіе котораго неоспоримо. Особенно типичны въ этомъ отношеніи мѣдныя бляхи конскаго убора, стиль и техника которыхъ весьма близки къ наиболѣе раннему стилю и технике конскихъ уборовъ скиескихъ погребеній. Объ этомъ, въ связи съ недавней находкой на Тамани, датированной VII—VI в. до Р. Хр. (Прушевская, *ИАК.*, 63, 31 сл.), я говорю въ другомъ мѣстѣ.

Если вопросъ о датѣ Покровскихъ кургановъ выясняется, такимъ образомъ, довольно опредѣленно, и общая фізіологія инвентаря оказывается очень близкой къ типичному инвентарю скиескихъ погребеній юга Россіи, правда, съ нѣкоторыми характерными особенностями и съ подчеркнутымъ восточнымъ характеромъ, то вопросъ о датѣ и характерѣ Прохоровскихъ кургановъ и ихъ погребеній далеко не такъ простъ и ясенъ.

До извѣстной степени дата ихъ опредѣляется найденными въ первомъ курганѣ серебряными блюдами съ надписями. Ахеменидскій характеръ ихъ не подлежитъ сомнѣнію, надписи же, какъ увидимъ ниже, ведутъ насъ въ эпоху не раньше IV—III в. до Р. Хр. Надо при этомъ считаться съ тѣмъ, что такія вещи, какъ блюда, могли очень долго быть въ употребленіи, прежде чѣмъ попасть въ могилу. Поэтому безъ тщательнаго анализа всего инвентаря и безъ широкаго сравнительнаго матеріала высказаться о датѣ Прохоровскихъ погребеній и характерѣ всего культурнаго уклада ихъ невозможно.

Къ счастью, на помощь намъ приходитъ обильный аналогичный матеріалъ изъ тѣхъ же мѣстностей. Если Покровскіе курганы среди погребеній Оренбургской области стоятъ, какъ будто, особнякомъ, то Прохоровскіе входятъ въ опредѣленную группу, представители которой были находимы въ Оренбургскомъ краѣ не разъ и бывали неоднократно описаны. До сихъ поръ, однако, никто не пытался сопоставить весь матеріалъ и никто не указывалъ на ближайшее родство отдѣльныхъ находокъ, частью случайныхъ, частью явившихся результатомъ болѣе или менѣе научныхъ раскопокъ.

Наиболѣе интересны результаты раскопокъ Макаренка, Минко, Нефедова, Назарова, Г. А. Кастанье и А. В. Попова. Съ нихъ мы и начнемъ ¹⁾.

Въ 1903 г. Н. Е. Макаренко дослѣдовалъ разслѣдованный до него А. Аниховскимъ ²⁾ большой курганъ Оренбургской губ., Орскаго у. около *посада Красногорскаго*, гдѣ раскопка начата была мѣстными крестьянами. Курганъ этотъ (в. ок. 6 арш., окр. 15 саж.), входящій въ составъ цѣлой группы кургановъ, находится въ 75 в. отъ Оренбурга по Орскому тракту, въ 1¹/₂ в. отъ указанного поселка, на правомъ гористомъ берегу Урала на возвышеніи, командующемъ надъ окрестностью. Дослѣдованіе Макаренка выяснило, что погребеніе подъ этимъ курганомъ имѣло форму удлиненной четверугольной ямы въ материкѣ съ закругленными углами. Надъ этой ямой, по засыпкѣ ея, сооружена была плотно утрамбованная площадка изъ комковъ глины. На этой площадкѣ сожженъ былъ огромный костеръ, въ которомъ сгорѣло много костей различныхъ животных; сюда же брошены были три желѣзныхъ кинжала и одинъ или два мѣдныхъ котла азіатскаго типа, найденные крестьянами во время ихъ раскопокъ. Надъ площадкой затѣмъ насыпанъ былъ курганъ. Внѣ площадки найдено было еще одно погребеніе съ сожженнымъ трупомъ, вѣроятно, болѣе позднее впускное. Костякъ главнаго погребенія найденъ былъ безъ головы, нижнія его конечности были, можетъ быть, растасканы сусликами (см. рис. 2 на стр. 81 въ ТОАК. и рис. 256 въ ОАК.). На пространствѣ торса найдено было 6 мѣдныхъ трехгранныхъ наконечниковъ стрѣлъ, причѣмъ одинъ изъ нихъ найденъ былъ вонзеннымъ въ правую лопатку съ наружной ея стороны. Возможно, что погребенный былъ убитъ въ бою стрѣлами. Подъ костякомъ видны были остатки истлѣвшей кожи; по контуру этой кожи лежало болѣе 100 золотыхъ полыхъ, какъ бы витыхъ трубочекъ. Макаренко вполне основательно полагаетъ, что покойникъ завернутъ былъ въ кожаный плащъ, обшитый шнуромъ съ указанными золотыми трубочками. У праваго бедра найденъ былъ очень характерный короткій мечъ или кинжалъ (клинонь = 0,40 м. дл.) въ деревянныхъ ножнахъ. Ножны обложены были (только на одной сторонѣ) тонкимъ золотымъ листомъ, перехваченнымъ сверху надъ расширеніемъ для крестовины и внизу надъ особо украшеннымъ концомъ ноженъ скобами—лентами изъ золотой тонкой перевитой

¹⁾ Свѣдѣнія объ этихъ раскопкахъ перепечатаны въ довольно сумбурной, но все же полезной работѣ Г. А. Кастанье—Древности Киргизской степи и Оренбургскаго края, Оренбургъ, 1910, стр. 30 слл. (ТОАК., 7, XXII).

²⁾ А. Аниховскій, ТОАК. XVI (1906), 69 слл.; Н. Е. Макаренко, *ibid.*, 76 слл.; ОАК. 1903 126 слл.

проволоки, еле захватывающими ножны меча на обратной сторонѣ (ОАК. 1. 1., рис. 257; ТОАК., 1. 1. рис. 3). Конѣцъ ноженъ имѣеть внизу два овальныхъ расширения справа и слѣва и закругленъ внизу въ формѣ утиного носа. Въ центрѣ расширения у краевъ имѣются два отверстія для прикрѣпленія меча къ ногѣ. Обратная сторона ноженъ можетъ быть, была обита кожей, прикрѣпленной къ дереву серебряными гвоздиками. Рукоятка меча имѣеть серповидный набалдашникъ и прямую крестовину; рукоять, можетъ быть, витая. Вся рукоятка обложена листовымъ золотомъ, украшеннымъ псевдо-зернью (табл. III, 3).

Поразительное сходство этого меча съ прохоровскимъ бросается въ глаза.

Азиатскій котель изъ красной мѣди, найденный крестьянами, изображенъ Макаренко въ ТОАК., 1. 1., рис. 4. Характерна высокая ножка, двойная полоса веревочнаго орнамента въ верхней части брюшка и фигурныя ручки. Котель этотъ ближе къ минусинскимъ котламъ интересующаго насъ типа, чѣмъ къ котламъ, обычно находямымъ въ скинскихъ погребеніяхъ юга Россіи.

Изъ найденныхъ крестьянами кинжаловъ одинъ опубликованъ Макаренко въ ТОАК., рис. 5). Рукоятка его имѣеть форму рукоятокъ скинскихъ мечей съ овальнымъ набалдашникомъ и, можетъ быть, сердцевидной крестовиной.

Ту же, приблизительно, картину даютъ находки П. С. Назарова (см. табл. VII, 1—4) въ небольшомъ курганѣ Орскаго у. въ мѣстности *Бишь-Уба* къ з. отъ верховьевъ р. Чебаклы¹⁾. Въ курганѣ найдена была грунтовая могила, можетъ быть, покрытая деревомъ. Въ ней лежалъ скелетъ, вѣроятно, женскій; тутъ же костякъ лошади.

При скелетѣ найдены: 1) зеркало съ ручкой, кончающейся изображеніемъ барана (рис. 1)²⁾; 2) двѣ золотыхъ неодинаковыхъ серьги: на золотомъ открытомъ кольцѣ припаянъ двойной конусъ изъ листового золота; на ребрѣ золотая витая проволока; заходящій на другой край золотого листа вырѣзанъ фестончиками; къ нижнему концу этихъ двухъ конусовъ припаяна на одной сергѣ шестигранная усѣченная пирамидка, на каждой сторонѣ которой приклепанъ орнаментъ изъ золотой проволоки въ видѣ восьмерки; внизу пирамидка кончается двумя шариками; на второй сергѣ конусы кончаются непосредственно четырьмя шариками въ видѣ винограднаго грозда (рис. 4 и 5 и наша табл. VII, 2); 3) рядъ золотыхъ нашивныхъ бляшекъ, частью круглыхъ (43), частью въ видѣ четырехлепестковой розетки (2), частью въ видѣ подобной же, но болѣе или менѣе удлиненной розетки (3); во всѣхъ по двѣ дырочки для нашиванія (рис. 6, наша табл. VII, 3); 4) рукоятка ножа (?) изъ кости, кончающаяся грубо изваянной головой льва съ очень большими зубами, въ общемъ не греческаго, а, скорѣе, иранскаго типа (рис. 7, наша табл. VII, 4); 5) костяная ложка съ короткой ручкой, имѣющей форму ушастой и зубастой остроносой головы, того же типа, что

¹⁾ А. Харузинъ въ *Изв. Имп. Общ. люб. естеств., антроп. и этн.* LXVIII (1890), 298 слл. Даваемая здѣсь репродукція нѣкоторыхъ вещей этой находки сдѣлана по новымъ фотографіямъ, которыми я обязанъ любезности А. В. Орѣшникова. Всѣ вещи нынѣ находятся въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ.

²⁾ Ср. Бобринской, Кург. III, 68.

головы на большой Прохоровской гривнѣ; на внѣшней сторонѣ ложки выгравировано грубое изображеніе скорченного хищника съ когтистыми характерно стилизованными лапами и большими ушами (табл. VII, 1); 8) раковина съ краской, бусы изъ стекла (двѣ желтаго цвѣта) и голубой смальты (табл. VII, 3), кожаный футляръ для зеркала съ нашитыми на него бусами, два глиняныхъ сосуда (одинъ на рис. 2).

Въ этомъ курганѣ очень типично обиліе рѣзныхъ изъ кости предметовъ. Характерна и форма золотыхъ бляшекъ, представляющая довольно близкую аналогію квадратной бляшкѣ Покровскаго кургана.

Большое число кургановъ раскопалъ въ Оренбургской губ. Н. К. Минко въ 1909 г. (ОАБ. 1909, 192 слл.). Краткій отчетъ безъ изображеній найденнаго не даетъ возможности судить о характерѣ погребеній, времени и характерѣ вещей. Все же представляется весьма вѣроятнымъ, что часть найденныхъ погребеній принадлежитъ къ интересующей насъ эпохѣ и входитъ въ составъ группы, которую мы занимаемся.

Интересенъ курганъ № 25 около пос. *Синеглазова*. Здѣсь найденъ былъ, какъ и въ впускномъ погребеніи Красногорскаго кургана, сильно сожженный костякъ въ неглубокой ямѣ, съ нимъ берестяной колчанъ съ 40 мѣдными наконечниками стрѣлъ, длинный желѣзный мечъ (не изображенъ и не описанъ), два желѣзныхъ и одинъ мѣдный крючки, черепки глиняныхъ сосудовъ, скорлупа отъ гусиныхъ яицъ, кости лошади и часть блюда изъ песчаника. Того же характера находки въ кург. № 20 и 23 у пос. Исаковскаго. Несожженные скелеты погребены здѣсь, какъ и въ Прохоровкѣ, головой на с. въ материкѣ въ неглубокой ямѣ. Найдены: бронзовые наконечники стрѣлъ, кости лошади, бусы и круглодонные горшки съ скромнымъ орнаментомъ на плечикахъ того же типа, что вышеописанный Прохоровскій горшокъ.

Болѣе интересны и лучше иллюстрированы раскопки Нефедова въ южномъ Приуральѣ, произведенныя въ 1887 и 1888 годахъ ¹⁾. Наболѣе интересныя находки дали слѣдующіе курганы:

1) Золотой курганъ на лѣвомъ берегу Илека на Тамарь-Узткелѣ (I. I. 6 сл. и 18 сл.). Небольшой курганъ (2¹/₂ арш. выш., 42 саж. окр.) содержалъ рядъ погребеній; особенно интересенъ инвентарь, сопровождавшій два костяка — мужской и женскій. При первомъ найдены были: золотая гривна, золотая серьга, красноватая буса, 32 мѣдныхъ наконечника стрѣлъ. При второмъ: двѣ пирамидальныя подвѣски отъ серегъ изъ лаписъ-лазули, шестигранная стеклянная буса, 7 голубыхъ пронизокъ и др. вещи. Вещи, къ сожалѣнію, не опубликованы и нѣтъ точнаго описанія строения погребеній. Курганъ остался недослѣдованнымъ; кромѣ описанныхъ двухъ костяковъ, въ немъ найденъ рядъ другихъ съ аналогичными вещами. Интересна находка во второмъ курганѣ той же группы, содержавшемъ также рядъ погребеній, костянаго наконечника въ видѣ головы грифона (Нефедовъ I. I., стр. 7, рис. 2; ср. подобный наконечникъ въ Прохоровскихъ курганахъ, табл. V, 6).

¹⁾ *Мат. по арх. вост. губ., изд. Моск. Арх. Общ., III (1899), съ 9 фотографическими таблицами.*

2) Курганы по р. Уралу около Павловской ст. (стр. 11, 30 и 41, табл. 5). Въ отчетѣ о раскопкахъ Нефедова упоминается находка только бронзовой чашки (табл. 5,1); остальные, изображенные на табл. 5, вещи имъ не упомянуты и отнесены къ находкамъ около Павловской ст. въ описаніи таблицъ (стр. 41). Изъ этихъ вещей интересны и относятся къ интересующему насъ культурному обиходу: желѣзный мечъ съ прямой крестовиной и серпообразнымъ набалдашникомъ (табл. 5,2), мѣдные трехгранные наконечники стрѣлъ (табл. 5,3—6), кусокъ мѣднаго зеркала (табл. 5,10) и каменная точилка (табл. 5,12).

3) Рядъ вещей, купленныхъ Нефедовымъ у казаковъ Магнитной станицы (Черниговскій пос. Верхне-Уральскаго у.). Вещи изданы на табл. 6. Особенно типичны: большое круглое зеркало изъ сплава съ длинной плоской ручкой, поврежденное огнемъ; части конской сбруи изъ того же металла; характеренъ конскій налобникъ (?) табл. 6, 6 и 7, со скобами на оборотной сторонѣ, напоминающій бляхи Покровскаго кургана, ср. наносникъ изъ того же металла, табл. 6, 8 (№ 9—фрагментъ псалія²⁾); рядъ мѣдныхъ трехгранныхъ наконечниковъ стрѣлъ; большой желѣзный мечъ (табл. 8, 6) скиѣскаго типа съ навершьемъ въ формѣ двухъ завитковъ и крестовиной сердцеобразнаго типа; каменный, круглый треножникъ или блюдо; ножки имѣютъ форму головъ, обращенныхъ мордами внизъ (табл. 9,2). Блюда эти типичны для занимающаго насъ культурнаго уклада; раскопки Нефедова дали еще одно такое же блюдо изъ кургана на сыртѣ Елга (около с. Преображенскаго, Любимовской вол., Бузулукскаго у. Самарской губ.)¹⁾, о которомъ сейчасъ будетъ рѣчь.

4) Въ упомянутыхъ курганахъ на сыртѣ Елга найдены очень интересные и частью очень характерные предметы. Особенно интересенъ третій курганъ. Если вѣрить наблюдениямъ Нефедова, то здѣсь подъ бревенчатымъ накатомъ въ могильной ямѣ сооруженъ былъ выступъ изъ глины съ известкой; на этомъ выступѣ стояло вышеупомянутое блюдо и на немъ бронзовая ручка зеркала съ навершьемъ въ видѣ барана или овцы (см. рис. 7 въ текстѣ, ср. Бобринской, Кург. III, 68)²⁾ и лежалъ просверленный въ нѣсколькихъ мѣстахъ мѣдный кружокъ (рис. 8); въ насыпи этого кургана найдены были мѣдные наконечники трехгранныхъ стрѣлъ и кости животныхъ. Тамъ же около с. Осъмушкина констатировано было погребеніе сожженнаго трупа, причемъ при одномъ костякѣ найденъ очень типичный мечъ съ сердцевидной крестовиной и съ набалдашникомъ въ формѣ двухъ сходящихся волотъ (табл. 8a).

Такую же картину даетъ рядъ находокъ, нынѣ находящихся въ Оренбургскомъ музеѣ. Особенно интересна находка, сдѣланная въ трехъ верстахъ отъ пос. Шахматовскаго, Травниковской вол. Троицкаго у. (см. Толмачевъ, Опись № 251—270, табл. X

¹⁾ Ср. такіе же блюда Самарскаго музея у Нефедова, I, 1, стр. 12 сл., рис. 4 и 5; РАО. VIII (н. с.). Нѣсколько блюдъ имѣется и въ музеѣ Оренбургской арх. комм., см. В. Толмачевъ, Опись Оренбургскаго музея (рукопись), табл. IX № 2732 (изъ кургана Орскаго у. Жергинской станицы). О раскопкахъ А. В. Попова и др. на Бердической горѣ рѣчь будетъ ниже.

²⁾ Ср. ручку зеркала съ головой барана, найденную въ Астраханской губ. Черноярскаго у., пос. Уланъ-Эрга (ОАК. 1904, 194).

и табл. XI; на нашей таблицѣ VII, 16 воспроизведена, съ разрѣшенія А. А. Спицына, табл. X Описи Толмачева). Особенно интересенъ мечъ съ прямой крестовиной и съ серповиднымъ набалдашникомъ, затѣмъ налучье изъ листовой мѣди съ чеканными узорами и съ желѣзными заклепами. Къ той же находкѣ принадлежатъ остатки желѣзнаго ножа (?) и 112 бронзовыхъ или мѣдныхъ трехгранныхъ наконечниковъ стрѣлъ, со втулками и безъ нихъ. Наконечники безъ втулокъ имѣютъ шиши и сквозныя отверстія въ одной изъ сторонъ. Словомъ, тѣ же типы, которые мы наблюдали въ Прохоровскихъ курганахъ.

Довольно много вещей дали и раскопки на Бердинской горѣ въ 1^{1/2} в. отъ Оренбурга на Бердинской дорогѣ. Раскопки здѣсь послѣдовательно производились А. В. Поповымъ (ТОАК., IV, 1898, 113), Н. Е. Макаренкомъ (ibid., XVI (1906), 88 слл.) и Г. А. Кастанье (см. А. В. Поповъ ibid., 202 слл.). Разслѣдованы были все курганы этой мѣстности, причемъ сдѣланы были какъ глазомѣрный (см. Макаренко, стр. 88, рис. 6), такъ и инструментальный планы мѣстности. Курганы все были небольшихъ размѣровъ и содержали ямныя погребенія. Во всехъ погребеніяхъ кости скелета находимы были неполностью и въ безпорядкѣ. Возможно предположить расчлененіе трупа, если только мы не имѣемъ дѣла съ работой какихъ-либо животныхъ. Во всякомъ случаѣ предполагать разграбленіе погребеній въ большинствѣ случаевъ нѣтъ основанія.

Характерной особенностью погребальнаго сооруженія является огражденіе погребальной ямы на поверхности материка стоймя поставленными плитами красноватаго песчаника или сооруженіе надъ погребеніемъ каменной небольшой пирамиды. Въ одномъ случаѣ удалось установить присутствіе четырехъ столбовъ въ углахъ ямы и существованіе деревяннаго покрытія (раск. Кастанье ¹).

Среди найденнаго небольшого количества вещей наиболѣе характерна керамика. Н. Е. Макаренку удалось возстановить изъ черепковъ одинъ большой сосудъ той же формы, техники, матеріала и орнаментаціи, что и упомянутый выше круглодонный сосудъ Прохоровскихъ кургановъ (см. Макаренко, стр. 90, рис. 8; ОАК. 1903, 128, рис. 258). Къ такимъ же сосудамъ принадлежали и черепки, найденные А. В. Поповымъ (Толмачевъ, Опись, табл. XIV). Изъ другихъ найденныхъ вещей характерны бронзовые или мѣдные наконечники стрѣлъ (раск. Попова и Кастанье) и типичное бронзовое зеркало съ плоской ручкой (раск. Попова). Отмѣчу еще остатки желѣзнаго гинжала, кожанаго колчана и костяную иглу изъ раскопокъ Кастанье (часть вещей см. табл. VII, 8—табл. XIII Толмачева).

Чрезвычайно близки къ находкамъ въ Бердинскихъ курганахъ находки Кастанье въ одномъ изъ кургановъ около Актюбинска (Тургайской обл.) въ бассейнѣ р. Жаксыкаргалы (см. Г. А. Кастанье, ТОАК. XIX (1907), 101 слл.). Курганъ былъ весь обложенъ каменными плитами; въ центрѣ кургана стояла когда-то, затѣмъ упав-

¹) Въ этомъ погребеніи вмѣстѣ съ костями человѣка найдены были кости лошади (погребена была часть туши, безъ головы).

шая, плита съ вырѣзаннымъ знакомъ (см. Кастанье, Др. Кирг. степи и Оренб. края, стр. 68 и табл. VIII, рис. 15). Въ могилѣ надъ курганомъ (грунтовой?) погребены были два покойника; при нихъ оказались: типичное зеркало съ плоской ручкой, типичные мѣдные наконечники стрѣлъ частью вмѣстѣ съ обломками древковъ и очень характерный горшокъ съ грубымъ нарѣзнымъ орнаментомъ на плечикахъ. Горшокъ аналогиченъ, но не тождествененъ съ Прохоровскимъ и Бердинскимъ; шейка его шире, но дно, вѣроятно, также круглое, какъ показываютъ дырки въ вѣнчикѣ для подвѣшиванія сосуда (см. табл. VII, 5—воспроизведение табл. XXII описи Толмачева).

Изъ отдѣльныхъ случайныхъ находокъ обращаю вниманіе на слѣдующія. Въ Бердинской вол. Орскаго у. на приискѣ Горяева въ шахтѣ найдено было нѣсколько (4) тонкихъ нашивныхъ золотыхъ бляшекъ геометрическаго типа, напоминающихъ по характеру бляшки такого же типа изъ кубанскихъ и родственныхъ имъ кургановъ поздне-эллинистическаго и римскаго времени (табл. VII, 7—часть табл. VII Толмачева). Аналогичная находка сдѣлана была въ 7 в. отъ ст. Каменно-озерной по направлению къ ст. Пречистенской Оренбургскаго у. въ курганѣ на глубинѣ 2 м. Найдены были серебряныя украшенія ремней узды и шесть мелкихъ золотыхъ бляшекъ геометрическаго типа (табл. VII, 6—табл. XII Толмачева). Къ сожалѣнію, время этихъ находокъ неопредѣлимо.

Несомнѣнно къ интересующему насъ культурному кругу относятся отдѣльныя находки, сдѣланныя: въ курганѣ около с. Воздвиженскаго Оренбургскаго уѣзда (мѣдные и желѣзные наконечники стрѣлъ, обломки зеркала, см. *ОАК.* 1895, 69; вещи нынѣ въ музеѣ Казанскаго общ. арх., ист. и этн.); въ Уральской обл. на 336 в. Покровско-уральской жел. д. (два мѣдныхъ или бронзовыхъ наконечника стрѣлъ и мѣдная кнопка *ОАК.*, 1895, 79); въ курганѣ „Черная гора“ на землѣ Абрамаки Оренбургскаго у. (костяной набалдашникъ или навершье въ видѣ знакомаго уже намъ зубастаго и ушастаго звѣря съ острой мордой и нѣсколько мѣдныхъ наконечниковъ стрѣлъ; нынѣ въ Эрмитажѣ, см. *ОАК.* 1894, 38).

Вся сопоставленная выше группа погребеній врядъ-ли относится къ одному времени. Хотя точныхъ указаній мы и не имѣемъ, такъ какъ греческихъ вещей и, спеціально, греческой керамики ни въ одномъ изъ этихъ погребеній не найдено, но нѣкоторыя наблюденія дѣлаютъ возможной приблизительную датировку. Въ дальнѣйшемъ я дамъ анализъ отдѣльныхъ предметовъ и укажу на имѣющіяся параллели. Здѣсь могу указать только на то, что древнѣйшей находкой надо считать вещи, открытыя Назаровымъ. Стилъ серегъ, золотыхъ бляшекъ и костяныхъ вещей, изъ которыхъ послѣднія стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ Алтайскими и Минусинскими находками ранняго желѣзнаго вѣка, не позволяетъ идти дальше VI в. до Р. Хр. Въ прямой связи съ этой находкой стоятъ Покровскія погребенія, о датѣ которыхъ рѣчь была выше, но Прохоровскія, несмотря на многія общія черты, всетаки значительно отъ нихъ отличаются.

V. Анализъ обряда погребенія и отдѣльныхъ предметовъ Прохоровской находки.

Выше приведенное сопоставленіе данныхъ показываетъ, что типъ погребенія, характерный для Прохоровскихъ кургановъ, и составъ погребальнаго инвентаря этихъ кургановъ не стоятъ особнякомъ. Они имѣютъ широкое распространеніе во всемъ Приуральѣ какъ въ Оренбургскомъ краѣ, такъ и въ Уральской и Тургайской областяхъ. Къ сожалѣнію, параллельныя находки даютъ очень мало указаній на время, такъ какъ нигдѣ въ составѣ находокъ мы не имѣемъ вещей не мѣстнаго производства, а ввозныхъ, которыя однѣ могли бы быть болѣе или менѣе точно датированы.

Приходится поэтому искать аналогій за предѣлами Приуралья и постараться выяснить, стоятъ ли древности интересующаго насъ типа особнякомъ, или входятъ въ группу, обнимающую не только Приуралье.

Отмѣчу, прежде всего, что обрядъ погребенія ближайшимъ образомъ связываетъ оренбургскія находки съ находками Радлова на Алтаѣ и съ минусинскими погребеніями. Особенно близки нѣкоторыя тургайскія погребенія, опубликованныя Кастанье, о которыхъ рѣчь была выше, съ ихъ оградой изъ камней на курганной насыпи и центральной плитой на курганѣ. Я не могу входить здѣсь въ детали и отсылаю къ обильному матеріалу, собранному Радловымъ, Клеменцемъ и др. (см. W. Radloff, *Aus Sibirien*, Leipzig, 1884, II, 68 слл.; ЗАО. VII (1895), 147 слл.; МАР., вып. III, V, XV и XXVII; Minns, *Scythians aux Greeks*, 241 слл.; Tallgren, *Collection Tovostine*, Helsingfors, 1917). Одинакова и тамъ, и здѣсь дата наиболѣе раннихъ болѣе или менѣе точно датированныхъ погребеній. Большинство вещей входитъ въ серію поздне-восточныхъ продуктовъ, современныхъ греческой архаикѣ, и показываетъ ближайшую связь съ поздне-хетскими или алародійскими продуктами. Связи съ іонійской архаикой, поскольку она сама не зависима отъ поздне-хетской культуры, я не усматриваю вовсе.

Еще интереснѣе аналогіи съ нѣкоторыми группами южно-русскихъ находокъ. Анализъ какъ погребальныхъ сооружений и погребальнаго обряда, такъ и погребальнаго инвентаря Прохоровскихъ кургановъ, указываетъ на близкую связь этихъ погребеній съ двумя группами курганныхъ находокъ, сдѣланныхъ на югѣ Россіи. Съ приуральской группой тѣсно связаны прежде всего группа кіевскихъ и полтавскихъ кургановъ эпохи IV и послѣдующихъ вѣковъ съ Р. Хр. съ одной стороны ¹⁾ и группа кубанскихъ погребеній, расслѣдованная Веселовскимъ и относящаяся къ эпохѣ поздняго эллинизма и ранняго римскаго императорскаго времени ²⁾.

¹⁾ Въ эту группу я включаю, прежде всего, курганы, расслѣдованные Зноско-Боровскимъ около Берестяги Каневского у. Кіевской губ. (Бобринской, Кур. III, 94 слл.), погребенія Бобринскаго курганнаго могильника, тамъ же (Бобринской, *ibid.* 108 слл.; Др. Пр. III, Прил., 1 слл.), Сипявка, тамъ же (Бобринской, Кург. III, 138 слл.) и нѣкоторыя погребенія тѣхъ же мѣстностей, расслѣдованныя Самоковасовымъ, МРЗ., 114 слл. Къ нимъ же я отнесъ бы и нѣсколько кургановъ около Райгорода (Др. Пр. III, 9 слл.) и Пруссь (*ibid.*) Черкаскаго у., а также нѣкоторые другіе. Въ полтавской группѣ къ этому типу относятся погребенія около хут. Поновки (близъ дер. Аксютинцы) (Бобринской, Кург. II, 168 слл.), Ярмолицевъ (*ibid.*, 174 слл.) и др. (ср. Самоковасовъ I. I. 49 слл.).

²⁾ Объ этой группѣ см. Н. И. Веселовскій, *Курганы Кубанской области въ періодъ римскаго владычества на сѣверномъ Кавказѣ. Труды XII Арх. съезда*, Харьковъ, 1902; ср. ОАК., 1905, 73 слл.; 1906, 91 слл.; 1907, 116; 1908, 118 слл. О находкахъ того же типа внѣ Кубани рѣчь будетъ ниже.

Я не могу здѣсь входить въ детальную характеристику той и другой группы. данную мною въ приготовленной къ печати книгѣ моей „Исслѣдованія по исторіи Скиѣи и Боспорскаго царства“. Укажу здѣсь только на основные пункты, выдѣляющіе эти группы отъ болѣе раннихъ „скиѣскихъ“ погребеній упомянутыхъ областей.

Въ кіевской и полтавской группѣ, наряду съ курганными погребеніями VI—IV вѣковъ до Р. Хр., характеризуемыми очень типичнымъ подборомъ мѣстныхъ вещей, стоящихъ въ тѣснѣйшей связи съ Гальштадтомъ, а также сильною струею греческаго и менѣе сильною восточнаго скиѣскаго импорта, выдѣляется, прежде всего, группа погребеній, составляющая одно цѣлое съ степной приднѣпровской группой кургановъ, датированныхъ мною IV—III вѣками до Р. Хр. Эта группа опредѣляется цѣлымъ рядомъ признаковъ, прежде всего, широкимъ развитіемъ вещей восточнаго скиѣскаго стиля, изготовленныхъ по заказу или соотвѣтственно вкусамъ скиѣовъ въ мастерскихъ городовъ Боспорскаго царства. Рядомъ съ этой группой выдѣляется, однако, другая, начало которой падаетъ на то же время, т. е. на IV—III в. до Р. Хр., но которая, существуя одно время параллельно съ вышеуказанной, переживаетъ ее и продолжается вплоть до римскаго императорскаго времени, причѣмъ на смѣну ей приходятъ такъ называемыя поля погребальныхъ урнъ.

Характернымъ признакомъ этой группы является, кромѣ измѣнившагося общаго культурнаго уклада, появленіе въ мѣстныхъ вещахъ все большаго вліянія Латена и приспособленія вещей скиѣскаго стиля къ новымъ формамъ одежды, конскаго и чело-вѣческаго убора, коренное измѣненіе погребальнаго обряда, сказывающееся въ постепенномъ переходѣ отъ погребенія къ сожженію, съ промежуточной стадіей въ видѣ сожженій богатой тризны надъ самой могилой усопшаго.

Эта послѣдняя группа наиболѣе богато представлена рядомъ курганныхъ погребеній Каневского уѣзда и поэтому условно обозначается нами какъ Каневская группа. Къ ней тѣснѣйшимъ образомъ примыкаетъ рядъ погребеній въ Полтавской губ., главнымъ образомъ, нѣкоторыя погребенія извѣстной богатѣйшей группы кургановъ Роменскаго у. около селъ: Аксютинцы, Волковцы, Будки.

Кубанская группа разслѣдована и охарактеризована Н. И. Веселовскимъ. Она рѣзко отличается отъ кубанскихъ скиѣскихъ кургановъ VI—IV вѣковъ до Р. Хр., давая и иной типъ погребенія и новый составъ погребальнаго инвентаря. Переходными этапами отъ вышеназванной скиѣской группы къ этой новой являются нѣкоторыя курганныя погребенія Таманскаго полуострова, Кубани и окрестностей Анапы. Я имѣю въ виду погребенія типа Ахтанизовскаго погребенія, Курджипса и Сѣверской станицы и нѣкоторыхъ кургановъ около Анапы, разслѣдованныхъ въ 1882 и слѣдующихъ годахъ.

Отличительные признаки культурнаго уклада, царящаго въ кубанскихъ курганахъ, правильно охарактеризованы Н. И. Веселовскимъ. Не точна только его датировка. Классическія вещи, найденныя въ кубанскихъ погребеніяхъ, совершенно точно датируютъ наиболѣе раннія изъ нихъ (а ихъ немало) эпохой поздняго эллинизма, т. е.

II—I вѣками до Р. Хр. Рядомъ съ этой группой выдѣляется группа ранне-императорскаго времени — I и II в. по Р. Хр. Болѣе позднихъ погребеній на Кубани до сихъ поръ почти не найдено, но они обычны въ Керчи и въ южно-русскихъ степяхъ далѣе на востокъ, гдѣ, однако, имѣются и погребенія старшихъ эпохъ. Характерно, что въ позднее античное время и эпоху ранняго средневѣковья мы застаемъ типичный кубанскій культурный укладъ въ одномъ погребеніи конца IV в. по Р. Хр. въ Австріи ¹⁾ и въ одномъ погребеніи въ дер. Valmegeay (comm. de Mouet, Calvados) въ Нормандіи ²⁾.

Съ этими двумя группами и стоитъ въ очень тѣсной связи большинство находокъ приуральской группы кургановъ Прохоровскаго типа. Эту связь, конечно, не такъ легко охарактеризовать, не давъ исчерпывающей характеристики всѣхъ трехъ группъ. Но все же указать на отдѣльные моменты возможно, и этимъ придется здѣсь ограничиться, такъ какъ указанная общая характеристика возможна только въ рамкахъ общаго изслѣдованія, которое мною, какъ я уже говорилъ, закончено и приготовлено къ печати.

Строеніе погребенія и характеръ погребальнаго обряда связываетъ, прежде всего, приуральскую группу съ обѣими вышеуказанными. Съ канево-полтавской группой ее роднитъ сочетаніе труположенія съ трупосожженіемъ, съ переходнымъ этапомъ въ видѣ сожженія костра-тризны надъ могилой, съ кубанской—строеніе земляныхъ погребеній, напоминающихъ подземныя камеры, такъ называемыя катакомбы кубанской группы; особенно интересенъ для сравненія подборъ для погребенія женщины въ Прохоровскомъ курганѣ, аналогичныя явленія которому въ кубанской группѣ обычны.

Въ характерѣ погребальнаго обряда всѣ три группы связываетъ постепенное исчезновеніе погребенія лошадей вмѣстѣ съ человѣкомъ въ той же или въ отдѣльной гробницѣ. Во всѣхъ трехъ группахъ погребеніе лошади встрѣчается только спорадически, обычно же положеніе въ могилу лошадиного мяса, наряду съ другими сортами (мясо барановъ, быковъ, свиней и под.). Характерно, при этомъ, что въ приуральской группѣ не замѣтно обычая погребать съ покойникомъ уздечный лошадиный наборъ, какъ мы это наблюдаемъ въ канево-полтавской группѣ. Въ раннихъ погребеніяхъ кубанской группы такое символическое жертвоприношеніе встрѣчается сравнительно рѣдко и только въ императорскую эпоху вновь становится обычнымъ. Полное отсутствіе греческихъ вещей въ инвентарѣ приуральскихъ погребеній прохоровскаго типа и замѣна греческаго импорта иранскимъ и, вообще, восточнымъ очень интересны и характерны. Греческій импортъ, столь обильно вливавшійся въ культурный обиходъ Прикубанья и Приднѣпровья, очевидно, до Урала не доходилъ. Здѣсь царилъ импортъ иранскій, причемъ характерно, что этотъ послѣдній шелъ и далѣе, сосуществуя въ кубанской и днѣпровской группѣ съ греческимъ ввозомъ.

¹⁾ Въ Untersiebenbrunn, см. Kubitschek, Grabfunde in Untersiebenbrunn (auf dem Marchfeld). *Jahrb. für Altertumskunde* (публикуется вѣнской Zentral-Kommission), V, 1911, 32 сл.

²⁾ *Bull. de la soc. des ant. de Normandie*, VIII, стр. 156 и 162 (въ Петербургѣ не имѣется); Salin. *Altgermanische Tierornamentik* (переводъ Mestorf), Stockholm, 1904, стр. 141, рис. 354—356.

Очень показательна и сравнительная бѣдность приуральскихъ погребеній, небольшое количество попадающихъ въ нихъ золота и серебра. Конечно, и въ кубанской, и въ интересующей насъ днѣпровской группѣ мы замѣчаемъ, по сравненію съ болѣе раннимъ временемъ, значительное уменьшеніе драгоцѣнныхъ металловъ, но далеко не въ такихъ размѣрахъ, какъ въ приуральской группѣ. Если связать это съ отмѣченнымъ фактомъ преобладанія иранскаго ввоза, то придется вновь поставить вопросъ о томъ, изъ какихъ источниковъ шло золото и серебро въ южно-русскія степи.

Наряду съ этимъ характерно, что въ приуральской и кубанской группахъ одинаково замѣчается тенденція снабжать покойниковъ драгоцѣнными вещами, специально изготовленными для погребальныхъ цѣлей, съ наименьшей затратой драгоцѣнныхъ металловъ. Напомню о шейныхъ гривнахъ, только обложенныхъ золотымъ листомъ, и объ обычаѣ класть въ могилу мечи и кинжалы, только воспроизводящіе настоящіе драгоцѣнные предметы вооруженія. Аналогичное явленіе мы находимъ въ таманской и кубанской группахъ, гдѣ шейныя гривны изъ массивныхъ сначала дѣлаются дутыми, а затѣмъ превращаются въ мѣдныя, только обложенныя золотомъ. То же явленіе типично и для мечей и кинжаловъ, какъ это отмѣтилъ уже Н. И. Веселовскій.

Характерно и типично также значительное количество желѣзнаго и мѣднаго оружія, сопровождающаго покойника въ могилу. То же явленіе наблюдаемъ мы и въ канево-полтавской группѣ, въ меньшей степени въ кубанской.

Перехожу теперь къ анализу отдѣльныхъ предметовъ убора и вооруженія изъ приуральскихъ кургановъ. *Золотая витая гривна* 1-го Прохоровскаго кургана находитъ себѣ наиболѣе полную аналогію въ золотой гривнѣ с. Казинскаго, Ставропольской губерніи, опубликованной Е. М. Придикомъ¹⁾. И та, и другая ближайшимъ образомъ связаны съ такъ называемыми сибирскими вещами, гдѣ рогатый, ушастый и зубастый звѣрь съ острой и тупой мордой играетъ, какъ извѣстно, такую крупную роль. Напомню еще золотую гривну изъ с. Саламатина, Саратовской губерніи, гдѣ, однако, витая гривна заканчивается не головой фантастическаго звѣря, а фигурой прыгающаго козла²⁾. Для болѣе поздняго времени укажу на золотую гривну IV в. по Р. Хр. изъ знаменитой керченской находки, датированной эпохой Констанція и Савромата II (ОАК., 1904, 78 сл.).

Типичныя для Прохоровскихъ кургановъ мѣдныя гривны съ золотой обкладкой типичны и для кубанскихъ кургановъ. Одна была найдена, напримѣръ, Н. И. Веселовскимъ въ 1902 г. (Веселовскій, Курганы Кубанской области, 5).

Вся эта серія рѣзко отличается отъ богатѣйшей серіи гривенъ скинскихъ кургановъ, ведущихъ свою родословную отъ ахеменидскихъ гривенъ Персидскаго царства.

Здѣсь не мѣсто ставить вопросъ объ эволюціи золотой шейной гривны вообще, вопросъ чрезвычайно сложный и до сихъ поръ никѣмъ для юга Россіи не затронутый.

¹⁾ МАР., 34, табл. VII—VIII, особ. VIII, 6 и 7; ср. Ch. de Linas, Origines de l'orfèvrerie cloisonnée, Paris, 1878, II, 94, табл. 5.

²⁾ ОАК. 1902, 138, рис. 246 слл. Наша табл. II, 6.

Но позволительно спросить себя, стоятъ-ли гривны Казинскаго и Прохоровки въ эволюціонной связи со скиѣскими, или онѣ являются чѣмъ-то новымъ. Априорный отвѣтъ на это ясенъ: источникъ золотыхъ гривенъ, во всякомъ случаѣ, двухъ интересующихъ насъ типовъ лежитъ на иранскомъ Востокаѣ. И, тѣмъ не менѣе, и по техникѣ, и по мотивамъ оренбургская гривна очень далека отъ болѣе раннихъ, греко-скиѣскихъ.

Возможно, что между тѣми и другими имѣются и промежуточные звенья. Наряду съ типичными греко-иранскими гривнами, кончающимися головами львовъ, какъ въ Солохѣ, Куль-обѣ и уже въ Келермесѣ, мы имѣемъ въ курганахъ III—II в. до Р. Хр. иныя формы. Такова гривна Курджиписа, съ головами антилопъ или газелей на концахъ ¹⁾, такова Анапская съ головами оленей ²⁾, таковы, наконецъ, очень близкія къ оренбургскимъ гривны Ахтанизовки (одна на табл. II, 5). Особенно поучительны послѣднія (*ИАК.*, 29, стр. 32, рис. 8, 10, 12, ср. 6). Головы козловъ, которыми кончаются эти многочленные дугыя гривны на шарнирахъ, съ ихъ длинными ушами и рубчатыми рогами, съ шеями, разработанными подъ астрагалъ, живо напоминаютъ головы оренбургской и ставропольской гривенъ; напомнимъ, что на первой мы можемъ усмотрѣть въ рубчатой проволоцѣ надъ головой пережитокъ роговъ козла ³⁾. Возможно поэтому, что гривны оренбургская и ставропольская связаны генетически съ ахтанизовскими и имъ предшествующими. Врядъ-ли, однако, эти послѣднія можно выводить непосредственно изъ греко-иранскихъ гривенъ скиѣскихъ погребеній. Вѣроятнѣе искать ихъ прототипъ тамъ же, на иранскомъ востокаѣ. На это ихъ происхожденіе указываютъ очень сходныя съ вышеуказанными гривны аму-дарьинскаго клада, особенно одна варварскаго стиля въ видѣ двухъ фантастическихъ животныхъ съ головами, очень напоминающими головы прохоровской и казинской гривенъ (см. Dalton, *The treasure of the Oxus*, Lond. 1905, табл. XX, № 144, 145 (стр. 114 сл.) и рис. 71).

О такомъ именно происхожденіи новой формы шейныхъ гривенъ на югѣ Россіи говоритъ разительная аналогія всѣхъ вышеприведенныхъ гривенъ съ нѣкоторыми гривнами, найденными въ Сибири. Среди находокъ, попавшихъ въ руки Витзена и зарисованныхъ по его почину, имѣются двѣ золотыя гривны, въ высокой степени близкія къ разбираемымъ; см. N. C. Witsen, *Noord-en Oost-Tartarye*, 3 изд. 1785, табл. II (переиздана у Радлова, *Сибирскія древности*, I, 3. *МАР.*, вып. XV, 131).

Одна изъ этихъ гривенъ (табл. II, 13) особенно близка къ Прохоровской: такая же ушастая голова на концахъ, такое же строеніе (надо думать, что и въ ней имѣлся

¹⁾ *ОАК.* 1896, 65, рис. 303, ср. *ДБК.* XIV, 6 (конецъ III в. до Р. Хр.).

²⁾ *ОАК.* 1882—1888, таб. I, 12; и эта гривна полая, на шарнирахъ, рога оленя пригнуты къ шеѣ.

³⁾ Въ ближайшей связи съ ахтанизовской и, особенно, съ анапской гривнами стоитъ интереснѣйшая гривна изъ бокового погребенія Буеровой могилы (см. *ОАК.* 1870—1871, IX слл., ср. о ней подробнѣе ниже). По техникѣ гривна эта (табл. II, 4) особенно близка къ анапской, украшена она на концахъ такими же головами оленей, какъ и анапская, по формѣ и по характеру затвора она чрезвычайно близка къ ахтанизовской съ одной стороны и шейнымъ гривнамъ Новочеркасскаго клада съ другой; см. Кондаковъ и Толстой, *Р. Др.* III, 137, рис. 154, ср. рис. 155. Враслеты интересующаго насъ типа довольно обычны среди южно-русскихъ находокъ поздне-эллинистическаго и римскаго времени.

мѣдный стержень), такія же отверстія для закрѣпленія примыкающихъ частей гвоздиками. Интересно, что шея звѣря раздѣлана не подъ астрагаль, а наложенными кружками или восьмерками изъ псевдофилигранной проволоки.

Вторая гривна (табл. II, А) и по затвору, и по всему строенію особенно близка къ Курджинской, Ахтанизовской и Буеровой: тѣ же шесть рядовъ полой золотой проволоки, тотъ же затворъ (штифтъ, входящій въ петельки, прикрѣпленные поочередно то на одной, то на другой сторонѣ), тотъ же (вѣроятно) шарниръ на задней сторонѣ (на рисункѣ не изображенъ). При этомъ головы, которыми кончается гривна съ обѣихъ сторонъ, являются не головами козла или оленя, а головами того же типа, что и головы на Прохоровской гривнѣ; любопытно, что и здѣсь шея звѣря украшена рѣшетчатымъ орнаментомъ изъ наложенной филигранной проволоки.

Гдѣ находятся нынѣ вещи, увезенныя Витзеномъ, неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, острые наблюденія Я. И. Смирнова (Радловъ, I. I., 135 слл.) показали, что ни одна изъ нихъ не находится въ Эрмитажѣ. Но эти же наблюденія установили съ очевидностью, что часть вещей Витзена находятъ себѣ пары въ вещахъ, привезенныхъ Миллеромъ и находящихся нынѣ въ Эрмитажѣ, т. е. что онѣ происходятъ, вѣроятно, изъ однихъ и тѣхъ же погребеній. Къ сожалѣнію, гдѣ именно и какъ найдены были вещи Витзена и Миллера, установленію не поддается. Въ сибирскомъ ихъ происхожденіи сомнѣній быть не можетъ.

Отмѣчу еще, что украшеніе концовъ гривенъ интересующаго насъ типа головами оленей и горныхъ козловъ, наряду съ головой описаннаго фантастическаго хищника, прототипомъ которой, пожалуй, скорѣе всего надо было бы считать любимую въ западно-сибирскихъ древностяхъ бронзоваго и ранне-железнаго вѣка голову медвѣдя, также связываетъ эти гривны съ сибирскими находками. Фигура оленя съ пригнутыми къ спинѣ рогами, столь характерная для раннихъ и позднихъ погребеній юга Россіи, обычна и для Сибири (см. Радловъ *ibid.*, 132, Витзенская табл. III, II); фигура-же горнаго козла, какъ извѣстно, наравнѣ съ фигурой медвѣдя и головами грифона, составляетъ какъ разъ наиболѣе типичную особенность орнаментаціи западно-сибирскихъ вещей бронзоваго и железнаго вѣка: изображеніями козловъ украшаются особенно часто и типичныя боевыя сѣкиры-молоты (Радловъ, *ibid.*, табл. XVII, 1 — 7) и особыя бронзовыя наверхья, очень напоминающія наверхья скиескихъ погребеній (Радловъ, *ibid.*, стр. 126). Ко всей серіи сибирскихъ находокъ намъ придется еще вернуться.

Не менѣе показательны *золотыя обкладки ноженъ мечей* Прохоровскаго и Красногорскаго кургановъ. Не буду возвращаться къ вопросу о технику изготовленія Прохоровской обивки. Напомню только, что обивка эта украшена псевдофилигранью или накладной филигранной проволокой съ эмалью.

Для опредѣленія даты ноженъ и указанія ближайшихъ аналогій, мы должны исходить, съ одной стороны, изъ техники ихъ изготовленія и способа ихъ орнаментаціи, съ другой—изъ самой формы ноженъ.

Что касается до первого, то надо помнить, прежде всего, что система украшения золотых вещей сканью и псевдо-филигранью, съ заполненіемъ свободныхъ гнѣздъ разноцвѣтной эмалью, въ греко-восточномъ искусствѣ, характерна для опредѣленной и хорошо извѣстной группы ювелирныхъ вещей эпохи поздняго эллинизма и ранне-римскаго времени, серіи, тѣсно связанной генетически съ техникой и орнаментацией группы восточно-греческихъ ювелирныхъ издѣлій архаическаго періода, имѣющей свое продолженіе въ мірѣ восточнаго эллинизма и въ эпоху классическую, и въ эпоху ранняго эллинизма. На нѣкоторое количество архаическихъ вещей этой техники и стиля мнѣ придется указать ниже; напомнимъ, что та-же техника и стиль попадаются спорадически въ южно-русскихъ погребеніяхъ IV и III вѣковъ до Р. Хр. Укажу, на примѣръ, шейныя гривны и оправы точильныхъ камней, украшенныя сканью, филигранью и эмалью, знаменитаго Куль-обскаго погребенія и аналогичныя имъ вещи болѣе ранняго и болѣе поздняго времени какъ въ южно-русской области, такъ и въ сферѣ распространенія вещей греко-персидскихъ, ахеменидскихъ.

Насъ интересуютъ, однако, въ предѣлахъ настоящаго изслѣдованія не столько эти прототипы, сколько ихъ дериваты, наиболѣе богато представленные серіей ювелирныхъ вещей, составляющей отличительную особенность группы кубанскихъ погребеній, разслѣдованныхъ Н. И. Веселовскимъ, и многочисленной группы находокъ того же характера и того же времени въ примыкающихъ къ Кубани областяхъ. Характерными чертами этой группы ювелирныхъ издѣлій являются: украшеніе золотыхъ вещей по преимуществу геометрическими орнаментами, причемъ эти орнаменты либо пунцованы, либо нанесены на поверхность при посредствѣ золотой проволоки, имитирующей технику филиграни; заполненіе образованныхъ проволокой гнѣздъ особымъ родомъ эмали, очень непрочной и легко выкрашивающейся; украшеніе поверхности цвѣтными камнями и стекломъ, вставленными въ особыя гнѣзда.

Обо всей этой группѣ нѣтъ основаній говорить подробно. Она достаточно извѣстна всѣмъ тѣмъ, кто занимался исторіей ювелирнаго дѣла эпохи римской имперіи и ранняго средневѣковья¹⁾. Дата появленія новаго стиля и новой техники въ предѣлахъ юга Россіи обычно устанавливается слишкомъ поздняя. Въ своей вышеназванной книгѣ я указываю на появленіе вещей этого стиля въ Керчи, на Тамани и на Кубани уже въ эпоху поздняго эллинизма, начиная съ конца III в. до Р. Хр. Объ этомъ опредѣленно говорятъ находки въ Анапскихъ курганахъ, въ курганѣ Ахтанизовскомъ, въ Курджиписѣ, Мерджанахъ и цѣломъ рядѣ керченскихъ погребеній. Съ этого времени и до эпохи римской имперіи и ранняго средневѣковья мы имѣемъ сплошную серію вещей, стиль и техника которыхъ постепенно мѣняются, но прин-

¹⁾ См. Ch. de Linas, Orig. de l'orfèvr. clois., особенно ч. II; A. Odobescu, Le trésor de Petrossa; Кондаковъ-Голстой, Русскія Древности, в. III; A. Riegl, Die spätromische Kunstindustrie, Wien 1901, 180 слл. и 202 слл.; Штернь, *Zap. Общ. ист. и др.*, XXI, 1 слл.; *Jahrb. d. Preuss. Kunsts.* XXI (1900), 243 слл.; *Hermes*, L (1915), 212 слл.; Dalton, *Archaeologia*, LVIII, 239 слл.; *The treasure of the Oxus*, 24 слл.; De Morgan, *Del. en Perse*, VIII (1905), 29 слл.; Pojtier, *Gaz. des beaux arts* 1902, 20 слл.; Ebert, *Opusc. arch. O. Montelio dicata* (1913), 271 слл.

ципы ихъ остаются неизблемыми. Что касается спеціально до ноженъ и ручекъ мечей, украшенныхъ въ этомъ стилѣ, то параллели къ Прохоровскимъ и Красногорскимъ имѣются и на югѣ Россіи и внѣ его.

Прототипомъ ноженъ, мечей и кинжаловъ, украшенныхъ накладными орнаментами изъ проволоки и эмалью, являются архаическія золотыя оправы нижнихъ концовъ мечей и кинжаловъ, найденныя въ Феттерсфельде, въ Острой Могилѣ около Томаковки (по теченію р. Томаковки, Екатеринославской губ) и въ Золотомъ курганѣ около Симферополя. О кинжалѣ изъ Феттерсфельде все нужное сказано въ публикаціи Фуртвенглера ¹⁾, гдѣ указано и на близкую аналогію томаковской находки. На находкахъ изъ Томаковки и Золотого кургана позволю себѣ остановиться нѣсколько болѣе подробно, такъ какъ опубликованныя о нихъ данныя недостаточны и датировка ихъ до сихъ поръ съ точностью выяснена не была.

Первая изъ указанныхъ находокъ сдѣлана была въ Острой Могилѣ, къ сожалѣнію, случайно крестьянами, и потому строеніе погребенія неизвѣстно. Такъ какъ вещи, по показанію крестьянъ, найдены были въ курганѣ на глубинѣ 2 арш., то можно думать, что мы имѣемъ дѣло не съ главнымъ погребеніемъ въ курганѣ, а со впускнымъ, болѣе позднимъ. Дослѣдованія въ этомъ курганѣ произведено не было ²⁾.

Кромѣ интересующихъ насъ частей меча, найдены были золотая массивная витая шейная гривна съ острыми концами (ДГС., XXVI, 10, нашъ рис. 18), небольшая золотая бляшка въ видѣ пальметки (XXVI, 6, нашъ рис. 19) и три ворворки для кистей (XXVI, 11, 12 и 14): одна серебряная миниатюрная, другая золотая побольше и третья крупныхъ размѣровъ для огромной кисти, вѣроятно, подвѣшивавшейся къ шеѣ лошади (рис. 20).

Интересующія насъ части обкладки меча и ноженъ меча и кинжала состоятъ ³⁾:

1) Изъ обкладки ручки меча или кинжала, воспроизводящей форму этой ручки (рис. 21); мечъ былъ обычнаго скинскаго типа, т. е. съ овальнымъ набалдашникомъ, сердцевидной крестовиной и рукоятью, можетъ быть, изъ двухъ витыхъ желѣзныхъ стержней, пространство между которыми могло быть заполнено деревомъ или костью (XXVI, 13).

2) Обивка нижняго конца (bouterolle, Ortband) ноженъ короткаго, широкаго желѣзнаго меча изъ штампованнаго золота (рис. 22), можетъ быть, того же меча, обивку рукояти котораго мы описали выше (дл. 0,147, шир. 0,05). Обкладка покрывала только

¹⁾ См. Furtwängler, Kl. Schr., I, 503, табл. 20, 2 (38 слл., табл. III, 2).

²⁾ Курганъ содержалъ не одно, а нѣсколько погребеній (см. ДГС. 62 слл.) и сооруженъ былъ не для погребенія съ интересующими насъ вещами, а для гробницъ гораздо болѣе ранняго времени со скорченными костями и красной краской. Гробницы эти частью вырыты были въ материкъ, частью сдѣланы въ насыпи.

³⁾ Ср. de Linas, Les orig. de l'orfèvr., II, табл. рис. 4 и 4a. При описаніи этихъ частей я пользовался, кромѣ краткихъ замѣчаній въ ДГС., очень подробнымъ описаніемъ Г. Е. Кизерицкаго въ его рукописномъ каталогѣ Никопольскаго зала, предоставленномъ мнѣ для пользованія любезностью Е. М. Придика. Его же любезности я обязанъ и разрѣшеніемъ воспроизвести здѣсь часть клише, изготовленныхъ для наданія упомянутаго каталога (рис. 18—23). Очень жалѣю, что работа Кизерицкаго до сихъ поръ не издана. Она содержитъ массу весьма цѣнныхъ и тонкихъ наблюденій и сопоставленій.

Верхнюю часть ноженъ, одинъ край ея былъ загнуть и, вѣроятно, пришить къ кожаной основѣ ноженъ, какъ показываютъ дырки для нашиванія по краю; другой край остался незагнутымъ, что позволяетъ думать о погребальномъ назначеніи ноженъ и ихъ обшивки; и на этомъ краю имѣются, на этотъ разъ, густо посаженные одна около другой дырки для нашиванія. Нижній конецъ обивки ноженъ имѣетъ сердцевидную, типичную для нѣкоторыхъ скинскихъ ноженъ форму. Кругомъ идетъ полоса грубыхъ астрагаловъ, внутри которой изображеніе двухъ лежащихъ одинъ противъ другого хищныхъ животныхъ или грифоновъ, охватывающихъ овалъ конца обивки. Пасти звѣрей широко открыты, длинные хвосты кончаются птичьими головами. Посрединѣ всей обивки идетъ полоса выбитыхъ отдѣльно и припаянныхъ львиныхъ головъ впрямь. Характерно, что направленіе этихъ головъ и положеніе животныхъ на нижнемъ концѣ идетъ въ сторону обратную той, которая подходила бы для предмета, составляющаго низъ, а не верхъ цѣлаго (XXVI, 18).

3) Этому же мечу принадлежитъ золотая полоса, имѣющая видъ овальнаго кольца, спаяннаго на задней, оборотной сторонѣ (на рис. 22 соединена, предположительно, Кизерицкимъ съ нижнею частью ноженъ меча). Мы имѣемъ дѣло, вѣроятно, съ обивкой верхняго конца ноженъ меча, обивка низа которыхъ только что описана. Вверху и внизу этого кольца припаяна гладкая золотая проволока; между этими проволоками, на одной верхней сторонѣ кольца припаянными кусками толстой проволоки образованы равнобедренные треугольники, часть которыхъ заполнена голубой эмалью. Надо думать, что въ чередующихся съ этими треугольниками находилась несохранившаяся эмаль другого цвѣта (XXVI, 17).

Стиль изображеній на описанныхъ ножнахъ меча грубый, чисто восточный. Особенно характерны звѣри, напоминающіе звѣрей сибирскихъ вещей, какъ по стилизаціи фигуры, такъ, особенно, по характеру головъ.

4) Золотыя закругленные внизу ножны кинжала (дл. 0,275, шир. 0,045 (рис. 22)). На задней сторонѣ въ золотой обкладкѣ, можетъ быть, кожаныхъ ноженъ сдѣланъ продолговатый вырѣзъ (0,025 шир.) во всю длину ноженъ; по краямъ этого вырѣза дырки для нашиванія на основу ноженъ, вѣроятно, кожаную. Ножны украшены вверху по краю полосой геометрическихъ орнаментовъ. Сверху и снизу эта полоса обрамлена двумя полосами проволоки, раздѣланной подъ веревочный орнаментъ и обрамленной сверху и снизу гладкой золотой проволокой; въ серединѣ рядъ двойныхъ спиралей изъ золотой проволоки (такъ называемыхъ Brillenspiralen, т. е. въ формѣ очковъ), примыкающихъ одна къ другой и сопоставленныхъ частью попарно въ разныхъ направленіяхъ, частью одна за другой въ одномъ и томъ же направленіи; ромбовидныя пространства между каждой парой спиралей заполнены голубой эмалью. Подъ описанной полосой какъ-бы подвѣшены миндалевидные язычки изъ толстой проволоки, къ каждому изъ которыхъ прикрѣплено по три золотыхъ шарика. Пространство между двумя язычками вверху заполнено голубой эмалью. И здѣсь возможно, что другія гнѣзда заполнены были эмалью другого цвѣта.

5) Можетъ быть, къ украшеніямъ того же кинжала или вышеописаннаго меча принадлежала золотая миндалевидная и серповидная бляха (рис. 23), украшенная двойнымъ рядомъ треугольниковъ изъ зерни, пространство между которыми заполнено было голубой эмалью (XXVI, 8).

Низъ ноженъ былъ закругленъ и загнутъ. Въ ножнахъ найдены были остатки желѣзнаго обоюдоостраго клинка. Дата находки опредѣляется, съ одной стороны, ближайшей аналогіей обивки конца ноженъ кинжала съ обивкой конца ноженъ кинжала изъ Феттерсфельде, съ другой—чрезвычайной близостью найденной бляшки въ видѣ пальметки къ таковой же изъ Чертомлыка (не издана). Архаичность обивки ручки меча и конца его ноженъ говорятъ за то, что дата находки ближе къ датѣ Феттерсфельда, чѣмъ къ датѣ Чертомлыка; надѣ думать, по всей вѣроятности, еще о VI—V в. до Р. Хр.

Находка того же типа сдѣлана была Н. И. Веселовскимъ въ Золотомъ курганѣ въ 5 верстахъ отъ Симферополя (ОАК. 1890, 4 слл.).

Отчетъ о раскопкѣ этого кургана, отпечатанный въ вышеуказанномъ мѣстѣ, грубо сокращенъ редакторомъ отчета и очень невразумителенъ. Пользуемся поэтому рукописнымъ отчетомъ, хранящимся въ дѣлахъ Коммисіи ¹⁾. Небольшой курганъ (выс. 1,78 м., окр. 96,12 м.) содержалъ три погребенія со скорченными костяками. Интересующее насъ погребеніе, какъ и въ Томаковкѣ, было впускнымъ. На материкѣ устроена была могила „въ видѣ покатаго ложа, направленнаго съ с.-з. на ю.-в., шириною въ 2¹/₂, длиною въ 8¹/₂ ф., вышиною въ изголовьѣ, нѣсколько приподнятомъ, въ 1¹/₂ ф., въ ногахъ ложе понижалось до материка“. Приведенное описаніе, къ сожалѣнію, не иллюстрировано рисунками и остается, для меня по крайней мѣрѣ, мало вразумительнымъ.

На этомъ ложѣ найденъ былъ скелетъ. Подъ нимъ чешуйчатый панцырь, чешуйки котораго скрѣплены бронзовыми гвоздиками. На груди скелета найдена была лошадиная лопатка, а на чреслахъ бронзовый наборъ пояса: грубыя фигуры орловъ съ распростертыми крыльями (рис. 24), головы грифоновъ (рис. 25) и круглыя бляшки. Возможно, что къ тому же набору относятся и три золотыя пуговицы, изъ которыхъ одна обхвачена золотой проволокой и украшена бордюромъ изъ обращенныхъ внутрь треугольниковъ изъ зерни (рис. 26). Система орнаментаціи этой пуговицы очень напоминаетъ лунообразную вышеописанную бляху изъ Томаковки.

Съ праваго бока скелета лежалъ короткій обоюдоострый мечъ, конецъ котораго съ сохранившимся наконечникомъ ноженъ лежалъ между ногами скелета. Мечъ сохранился только въ обломкахъ, форма ручки поэтому неопредѣлима. Характерно, однако, что ручка, можетъ быть, оправленная въ дерево, была обхвачена желѣзными кольцами. Насъ въ этомъ мечѣ интересуютъ, главнымъ образомъ, его кожаныя ножны,

¹⁾ При описаніи вещей этой интереснѣйшей находки, кромѣ упомянутаго рукописнаго отчета Н. И. Веселовскаго, я пользовался и здѣсь описаніями Кизерицкаго въ его рукописномъ каталогѣ Никопольскаго зала (стр. 38, пр. 3). Воспроизводимыя здѣсь клише сдѣланы были, въ свое время, для этого каталога.

отъ оправы которыхъ сохранился, какъ сказано, нижній золотой наконечникъ (рис. 27). Наконечникъ этотъ имѣеть ту же форму, которую издатели ДГС предположили и для наконечника изъ Томаковки. Съ мечами оренбургскими его сближаетъ то, что золотой бляхой покрыта была только верхняя часть наконечника ноженъ; на нижнюю кожаную часть заходятъ только края этой бляхи. На оборотной сторонѣ ноженъ къ нижнему концу краевъ золотой бляхи припаянъ былъ кусокъ золотой бляхи въ формѣ полумѣсяца, очевидно для того, чтобы края бляхи не портили платья, къ которому мечъ былъ прикрѣпленъ.

Положеніе меча на скелетѣ и описанная форма наконечника ноженъ объясняютъ намъ, почему кинжалы Прохоровки и Красногорскаго кургана обложены были золотомъ только съ одной вѣшной стороны. Очевидно, какъ я уже предположительно указалъ выше, что всѣ упомянутые кинжалы прикрѣплены были къ правой ляшкѣ покойника въ верхней и нижней части ноженъ. Такое прикрѣпленіе кинжала обычно на изображеніяхъ воиновъ на керченскихъ надгробныхъ стелахъ I—II вв. по Р. Хр. Для такихъ кинжаловъ вполне понятна обивка ноженъ, наглухо прикрѣпленныхъ къ кожанымъ штанамъ, только на одной сторонѣ. Ручка же кинжала, конечно, должна была быть украшена съ обѣихъ сторонъ.

Наконечникъ ноженъ кинжала Золотого кургана орнаментованъ былъ совершенно такъ же, какъ наконечникъ ноженъ изъ Томаковки. Верхній край его украшенъ полосой веревочнаго орнамента изъ четырехъ скрученныхъ вмѣстѣ проволокъ, сверху и снизу котораго прикрѣплено по двѣ гладкихъ золотыхъ проволоки. Къ этой полосѣ какъ-бы подвѣшено 5 припаянныхъ къ бляхѣ миндалевидныхъ привѣсокъ изъ золотой проволоки съ припаянными на концѣ каждой золотыми шариками. Надо думать, что и здѣсь пространство внутри этихъ привѣсокъ заполнено было эмалью. Весьма вѣроятно, что къ эфесу меча подвѣшены были двѣ кисти, отъ которыхъ сохранились семь бронзовыхъ коническихъ ворворокъ, частью съ шестью гранями, частью круглыхъ.

У лѣваго колѣна скелета найдена была грубая бронзовая фигура львицы съ очень длинными ногами, обложенная листовымъ золотомъ (рис. 28). Пространство туловища на этой золотой бляхѣ охвачено съ одной стороны (около шеи) крученой золотой проволокой и покрыто миндалевидными гнѣздами, заполненными эмалью (рис. 3 на стр. 6). Возможно, что фигура эта укрѣплена была на деревянномъ обтянутомъ кожей и украшенномъ серебряной бляхой колчанѣ, въ которомъ найдено было 180 бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ разныхъ формъ и раз-

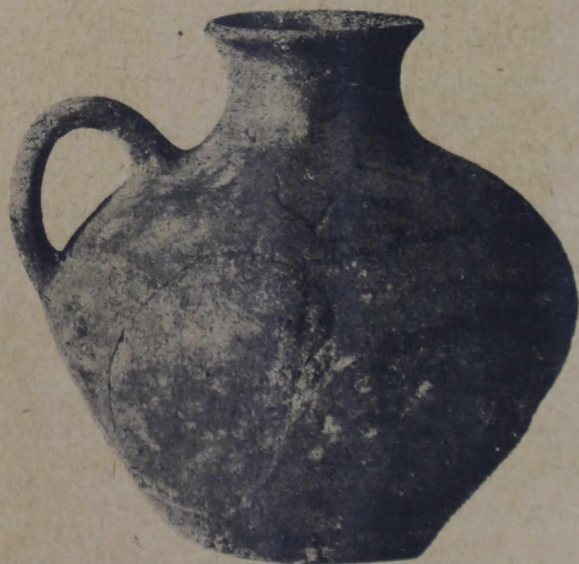

Рис. 30 (1/2). Сосудъ изъ Золотого кургана.

ной величины (не изданы), частью съ дровками (рис. 29). Тутъ же найдены были куски дерева, можетъ быть, остатки лука, а также куски кожи отъ обуви покойника. Вмѣстѣ съ остатками кольчуги найдены были и кое-какія части бронзоваго уздечнаго набора. Наконецъ, тутъ же найденъ былъ красноглиняный сосудъ съ одной ручкой (рис. 30).

Время описаннаго погребенія опредѣляется аналогіями Феттерсфельде и Томаковки. Къ тому же времени ведетъ и близкое сходство частей бронзоваго набора пояса съ бронзовыми украшеніями, можетъ быть—уздечнаго набора, изъ архаическихъ кургановъ, разслѣдованныхъ графомъ Бобринскимъ около с. Журовки. Къ сожалѣнію, точнаго отчета о раскопкахъ въ этихъ курганахъ мы не имѣемъ, а имѣемъ только перечисленіе вещей (см. *ИАК.* 14, 26, курганы Г). Тѣмъ не менѣе, общій характеръ находокъ ясенъ. Поражаетъ почти точное совпаденіе какъ бронзовыхъ орловъ (рис. 65), такъ и головъ грифоновъ (рис. 66) въ находкахъ Журовки и Золотого кургана. Очень близка къ львицѣ Золотого кургана львица, изображенная у Бобринскаго на рис. 64, ср. 63. Дата находокъ Журовки устанавливается поздне-самосскими сосудами: энохоей (рис. 61) и аскосомъ (рис. 62), которые гр. Бобринской, удивительнымъ образомъ, датируетъ римскимъ временемъ. Неизданный, только упомянутый, кувшинъ красной глины съ высокимъ горлышкомъ принадлежитъ, очевидно, къ той же категоріи и напоминаетъ намъ сосудъ, найденный въ Золотомъ курганѣ, ср. *ИАК.* 17, 86, рис. 12.

Характерно и сходство между золотыми ромбовидными привѣсками изъ находокъ въ той же мѣстности (*ИАК.* 14, 11, рис. 14, ср. такую же изъ Черкаскаго у. *ИАК.* 35, 81, рис. 25) и подвѣсками изъ Феттерсфельде (Furtwängler, I. I., табл. 18 (I), 2 и 3), система орнаментаціи которыхъ одинакова. Эта система орнаментаціи, въ то же время, чрезвычайно близка къ системѣ орнаментаціи описанныхъ выше обивокъ ноженъ. Укажу еще на такіе же орнаменты, которыми украшены золотые полумѣсяцы ожерелья, найденнаго Линниченкомъ въ одномъ курганѣ Полтавской губерніи (см. *ДрП.* III, табл. XLVI, № 4606).

Болѣе отдаленнымъ является родство вышеуказанныхъ ноженъ кинжаловъ съ мало до сихъ поръ использованными наукой ножнами кинжала, найденнаго въ архаическомъ погребеніи одного изъ кургановъ полтавской, роменской группы, около хут. Шумейка (*ДрП.* III, табл. XLV, 461; перевязъ кинжала на рисунокѣ восстановлена гипотетически изъ золотыхъ бляшекъ совершенно иного стиля и времени). Ножны этого кинжала находятся въ ближайшемъ родствѣ съ ножнами мечей Келермесскаго и Мельгуновскаго, но отдѣльно сработанные ручка кинжала и массивный низъ ноженъ ближе стоятъ къ ножнамъ Золотого кургана, Феттерсфельде и Томаковки. Украшены они рядами треугольниковъ изъ зерни, т. е. совершенно иначе, чѣмъ ручки и концы ноженъ мечей Мельгуновскаго и Келермесскаго.

Обкладка ноженъ мечей и кинжаловъ по лицевой сторонѣ золотыми пластинками, украшенными геометрическими и растительными орнаментами въ технику скани

и филиграни съ эмалью, далеко не является господствующей въ сферѣ вліянія греко-восточнаго искусства. Ножны мечей изъ Келермеса и изъ Литого кургана (Мельгуновская находка), ближайшей аналогіей къ которымъ являются ножны кинжала хут. Шумейка, а также вышеописанные обломки обкладки ноженъ изъ Томаковки, показываютъ, что господствующей формой орнаментациі является орнаментациі набивная и притомъ не геометрическая, а въ такъ называемомъ звѣриномъ стилѣ, сочетавшемся съ орнаментальными мотивами ассиро-вавилонскаго, а затѣмъ греческаго или, лучше, греко-восточнаго искусства. При этомъ стремленія къ полихроміи, при посредствѣ эмали или цвѣтныхъ камней, на вещахъ этого типа не наблюдается, хотя параллельно сильно течетъ и волна полихромическая, какъ это мы наблюдаемъ на цѣломъ рядѣ вещей той-же келермесской находки, инкрустированныхъ камнями и янтаремъ.

Находки позднѣйшаго времени показываютъ, что въ орнаментациі ноженъ мечей и, вообще, въ области украшенія болѣе значительныхъ плоскостей предметовъ вооруженія и убора, покрываемыхъ золотыми или серебряными бляхами листового золота, система набивнаго орнамента и украшенія этихъ плоскостей фигурами звѣрей или людей, частью въ звѣриномъ, скиѣскомъ стилѣ, частью въ стилѣ іонійскаго звѣринаго орнамента, частью въ чисто греческомъ фигурномъ стилѣ, возобладала и стала господствующей, начиная съ VI в. до Р. Хр. и вплоть до IV в. до Р. Хр., съ продолженіемъ и въ болѣе позднія времена. Техника орнаментациі при посредствѣ скани и филиграни въ сочетаніи съ эмалью, переработанная въ чисто греческомъ духѣ и сочетавшаяся съ греческой пластической и фигурной торевтикой, удержалась только для болѣе мелкихъ продуктовъ ювелирнаго искусства—серегъ, ожерелій, привѣсокъ и т. п. На украшеніе въ этомъ стилѣ частей шейныхъ гривенъ и оправы точильныхъ камней я уже указалъ выше.

Превосходными образчиками этой манеры работы въ области украшенія ноженъ мечей могутъ служить для эпохи архаической, кромѣ указанныхъ, ножны меча изъ Феттерсфельде, для болѣе поздняго времени ножны мечей изъ Солохи, Куль-обы, Чертомлыка.

Не умерла, однако, и та манера, представителями которой являются обкладки ноженъ Томаковки и Золотога кургана. Интереснѣйшимъ указаніемъ на ея непрерывное существованіе въ степяхъ юга Россіи или на ея спонтанное возрожденіе являются находки, сдѣланныя въ одномъ изъ кургановъ Тамани, въ такъ называемой Буеровой могилѣ.

Вещи изъ Буеровой могилы никогда не были ни изданы, ни даже болѣе или менѣе подробно описаны. Не могу и я описать находки полностью, такъ какъ часть вещей нынѣ въ Петербургѣ не находится. Все наиболѣе важное имѣется, однако, на лицо и можетъ быть издано и описано.

Буерова могила (ОАК. 1870—71, IX слл.; ср. 1882—1888, LXXXII) находится на Тамани въ 2 в. отъ Близницъ на такомъ же подъемѣ почвы, какъ и Близницы, въ

7—8 в. отъ городища, считаемаго нѣкоторыми, безъ достаточныхъ основаній, за мѣсто, гдѣ находился древній Ахиллейонъ. Это монументальный курганъ въ 6 с. высоты и 130 с. окружности, составившійся, какъ и большинство крупныхъ кургановъ Тамани, изъ ряда отдѣльныхъ, постепенно присоединявшихся насыпей. Полностью курганъ не разслѣдованъ. Въ 1871 г. въ центрѣ кургана найденъ былъ разоренный склепъ съ обычнымъ, какъ кажется, уступчатымъ покрытіемъ; въ немъ остатки саркофага, бронзовые колокольчики, фрагменты алабастра, т. е. погребеніе предположительно того же типа и того же времени, что и большинство погребеній въ курганѣ Б. Близницы. Этому времени, во всякомъ случаѣ, принадлежитъ такъ называемый „жженый точекъ“ съ двумя рвами на его площади, открытый въ з. полѣ кургана, гдѣ найденъ, между прочимъ, рядъ черепковъ краснофигурныхъ вазъ.

Иному времени принадлежитъ комплексъ погребеній въ с.-з. полѣ кургана, открытый въ 1870 г. Сюда относится, прежде всего, скелетъ лошади съ уздечнымъ наборомъ изъ низкопробнаго серебра, частью позолоченнымъ. Наиболее характерны массивныя круглыя и четырехугольныя бляхи съ ушками сзади въ видѣ розетокъ двухъ разныхъ типовъ: одиннадцати-лепестковая круглая розетка съ выдающимся полушаріемъ въ центрѣ и розетка изъ четырехъ орнаментовъ типа такъ называемыхъ „ововъ“ по угламъ (см. табл. II, 7 и 8). Розетки эти находятъ себѣ наиболее близкія аналогіи въ такъ называемыхъ фаларахъ изъ Александропольскаго и Васюринскаго кургановъ и родственныхъ имъ находкахъ въ Ахтанизовкѣ, Сиверскомъ курганѣ и аналогичныхъ имъ находкахъ въ Донской области (см. А. д. ж. I, 41 слл.; Спицынъ, *ИАК.*, в. 29, 18 слл.; подробнѣе объ этомъ въ моей вышеуказанной готовой къ печати книгѣ).

Рядомъ съ этимъ конскимъ погребеніемъ найдена каменная плитовая гробница въ насыпи съ покрытіемъ изъ четырехъ плитъ. Погребеніе въ ней найдено нетронутымъ, хотя вещи сильно пострадали отъ обрушившагося въ гробницу покрытія.

Въ ю.-в. части гробницы сдѣлано было углубленіе, въ которомъ найдены обломки вещей изъ бронзы, желѣза и золота. Въ гробницѣ найденъ мужской скелетъ головою на в. около с. стѣны. Въ с.-в. углу около головы остатки погребальнаго вѣнка изъ золотыхъ лавровыхъ листьевъ, укрѣпленныхъ на золотомъ дутомъ стержнѣ съ круглой золотой бляшкой въ центрѣ, на которой вытиснуто сильно геометризованное изображеніе Гелія на квадригѣ (см. *ОАК.*, 1875, прил., стр. 21, № 10 рис.; подобное же, но не геометризованное изображеніе на бляшкѣ изъ одного кургана на Юзь-обѣ—*ОАК.*, 1875, Атл. II, 13, ср. 1863, X изъ погребенія, датируемаго IV—III в. до Р. Хр.). Рядомъ въ углу лежали остатки двухъ такихъ же золотыхъ вѣнковъ (при провѣркѣ инвентаря этихъ остатковъ въ Эрмитажѣ не оказалось). Немного далѣе къ з. лежала уже упомянутая выше золотая гривна (табл. II, 4). Гривна эта—спиральная, полая, въ 7 оборотовъ, раздвижная, съ двумя затворами на оборотной сторонѣ, каждый на шарнирахъ; въ шарниры входитъ массивная золотая игла со шляпкой. Затворы

обрамлены накладными полосами изъ четырехъ рядовъ двойной крученой проволоки. Спирали гривны кончаются вверху и внизу двумя головами оленей съ прижатыми рогами; примыкающія къ головамъ части гривны раздѣланы подъ астрагалъ. Діам. гривны вверху 0,105, внизу 0,14.

Направо отъ костяка у стѣны—пять мечей, одинъ на другомъ, параллельно стѣнѣ, до ногъ костяка. Верхній длиннѣе другихъ; отъ него сохранились золотая рукоять и три золоченныя пластины—обкладка ноженъ. Отъ остальныхъ мечей сохранились только рукоятки, обложенныя золотомъ, четыре золотыя пластины—обкладка ноженъ меча — и золотая обкладка конца ноженъ, съ вложеннымъ въ нее остриемъ желѣзнаго меча.

Объ этихъ остаткахъ ниже скажемъ подробнѣе.

Можетъ быть, сюда же относится желѣзная продолговатая пластина, обложенная золотомъ; на золотой обкладкѣ орнаменты пунктиромъ. Въ пластинѣ продѣланы два треугольныхъ отверстія вершинами къ центру и за ними по небольшому круглому отверстию. Назначеніе пластины для меня не ясно. Возможно считать ее частью поясного набора. Тутъ же буса изъ синяго стекла.

Налѣво отъ костяка—бронзовое зеркало и два глиняные сосудика; на высотѣ пояса—камень изъ перстня, золотая пластинка и точильный камень въ золотой оправѣ; у колѣнъ—серебряная кружка, блюдечки и чаши того же металла; въ одномъ изъ этихъ сосудовъ остатки кіааа съ длинной ручкой, кончающейся головой собаки; у ногъ—большое бронзовое блюдо, патера, части кружки и остатки энохи; въ ю. углу у з. стѣны большой сосудъ съ двумя ручками и чашка съ крышкой безъ фигуръ; у ю. стѣны остатки чешуйчатого желѣзнаго панцыря и куски желѣза, у з. угла—шесть наконечниковъ копій и желѣзные наконечники стрѣлъ; между панцыремъ и копьями остатки бронзоваго шлема съ наушниками.

Большая часть найденныхъ вещей представляетъ собою мелкіе обломки, къ тому же неполностью доставленные въ Эрмитажъ. Возстановить хотя бы часть изъ нихъ, вѣроятно, было бы нетрудно немедленно послѣ открытія; теперь это задача неисполнимая. При способѣ храненія находокъ въ Эрмитажѣ (классификація и храненіе по металлу и характеру предметовъ, а не по находкамъ) даже собрать воедино *disiecta membra* каждой находки есть Сисифовъ трудъ, часто неисполнимый даже для хранителей Эрмитажа.

При всемъ томъ, характеръ и дата погребенія не вызываютъ никакихъ сомнѣній. Я уже говорилъ о ближайшемъ сходствѣ гривны съ гривной Анапскаго кургана, датированнаго золотой монетой Лисимаха. Погребальный вѣнокъ находитъ себѣ ближайшую аналогію въ вѣнкѣ того же погребенія. Формы серебряной посуды, особенно, легко возстановимыхъ киликовъ съ высокими ручками имѣютъ ближайшія аналогіи въ серебряныхъ сосудахъ Артюховскихъ погребеній и родственныхъ имъ Керченскихъ (обо всей этой группѣ я говорю подробнѣе въ своей, много разъ названной, приготовленной къ печати книгѣ). Остаткамъ бронзовой посуды имѣются ана-

логии въ той же серіи погребеній. Очевидно, что мы имѣемъ дѣло съ погребеніемъ, датируемымъ временемъ не ранѣе III—II в. до Р. Хр.

Форма шейной гривны, находящая себѣ ближайшую аналогію въ Анапскомъ курганѣ съ одной стороны, въ Ахтанизовкѣ и Новочеркасскомъ кладѣ съ другой, говоритъ за то, что погребенъ былъ не настоящій грекъ, а эллинизованный воинъ одного изъ сосѣдившихъ съ греческими городами Тамани племень, что наблюдается и во многихъ другихъ курганахъ Тамани.

Изъ находокъ въ Буеровой могилѣ насъ ближайшимъ образомъ интересуютъ фрагменты мечей, специально части золотыхъ обкладокъ ноженъ этихъ мечей.

Къ сожалѣнію, части обкладки ноженъ верхняго меча въ настоящее время въ Петербургѣ полностью не находятся. По всей видимости, одна пластина описана въ инвентарѣ слѣдующимъ образомъ: «золотая чеканная травами въ видѣ обоймы бляха, украшенная вверху сканнымъ поясомъ дл. $2\frac{2}{8}$ в., шир. $1\frac{6}{8}$ » (въ описи болѣе опредѣленно говорится объ украшеніи выбитыми пальметками). Къ этому же мечу, можетъ быть, относится золотая обкладка какого-то прямого наконечника, кончающаяся вверху грубой головой грифона, внизу бордюромъ изъ двойной сканной проволоки. На сохранившемся внизу краѣ бокового борта — дырочки для гвоздиковъ. Наконецъ, возможно, что въ эту же серію входитъ желѣзный, обложенный золотомъ наконечникъ, съ задней стороны вогнутый, грушеобразной формы.

Главный интересъ представляютъ, однако, золотыя пластины, составляющія части обкладки ноженъ, по всей вѣроятности, одного меча; изъ этихъ пластинъ составляется, какъ мнѣ кажется, обкладка ноженъ меча полностью (см. табл. III, 4 и 5; на послѣднемъ рисункѣ М. В. Фармаковскій возстановилъ обкладку ноженъ согласно моимъ измѣреніямъ и указаніямъ).

1) Обкладка верха ноженъ. Часть, прикрывавшая крестовину, имѣетъ два выступа, изъ которыхъ правый, какъ кажется, обломанъ. Выступы обрамлены проволокой, раздѣланной подъ филигрань; пространство пластины между этими выступами обрамлено вверху такой же полосой проволоки и заполнено накладнымъ растительнымъ орнаментомъ той же проволоки. Остальная нижняя часть пластины обрамлена справа и слѣва накладной полосой орнамента волнъ, охваченнаго съ обѣихъ сторонъ филигранной проволокой, изъ которой сдѣланъ и самый орнаментъ. Внизу пластина окаймлена полосой листовнаго орнамента, охваченнаго сверху и снизу бордюромъ изъ полоски сканной проволоки между двумя гладкими. Выс. 0,081, шир. 0,043.

2) Пластина, обрамленная вверху и внизу такими же полосами, какъ внизу перваго фрагмента, съ боковъ орнаментальными полосами, какъ на бортахъ перваго фрагмента. Выс. 0,09, шир. вверху 0,038, внизу 0,034.

3) Золотая пластина, суживающаяся книзу, какъ и предыдущая. Раздѣлена на двѣ части. Вверху выдѣленъ кусокъ, окаймленный такими же полосами, какъ на предшествующихъ пластинкахъ. Внизу все поле заполнено сплошными рядами на-

кладного чешуйчатого орнамента все изъ той же филигранной проволоки. Выс. 0,197; шир. вверху 0,028, внизу 0,019.

4) Три (въ Эрмитажѣ я видѣлъ только одну; три указаны въ инвентарѣ) боковыя обоймы краевъ ноженъ меча, орнаментованныя съ одной стороны такъ же, какъ вышеописанныя пластины № 1 и 2 съ боковъ, т. е. полосой орнамента волнъ между двумя филигранными проволоками. Верхній и нижній концы каждой обоймы не орнаментованы, т. е., очевидно, закрыты были сосѣдными пластинками. Выс. 0,152 (2) и 0,147 (1); шир. всѣхъ одинакова—0,055.

5) Обкладка нижняго оконечника ноженъ съ сохранившимся внутри остриемъ меча. Золотая пластина суживается книзу, но внизу расширяется и заканчивается удлиненнымъ оваломъ. Верхъ пластины окаймленъ полосой изъ двухъ рядовъ двойной скрученной проволоки, охваченной сверху и снизу полосками изъ двухъ проволокъ—внизу гладкой, вверху филигранной. На овальномъ расширеніи съ обѣихъ сторонъ по сквозному продолговатому отверстию.

Размѣры пластинокъ, правильно суживающихся сверху внизъ, и однородность орнамента всѣхъ частей даютъ увѣренность въ томъ, что это были части обкладки ноженъ одного меча. Попытки воссозданія этой обкладки въ цѣломъ показали, что вторая пластинка непосредственно не примыкаетъ къ первой, равно какъ третья ко второй. Между первой и второй, равно какъ и между второй и четвертой, необходимо предположить пространство, какъ разъ равняющееся, согласно точному и простому вычисленію, высотѣ сохранившихся полосокъ-обоймъ (парная къ третьей полоскѣ, очевидно, не была найдена при расчисткѣ могилы). Это доказываетъ, что ножны меча не сплошь обложены были золотомъ. Не обложенныя золотомъ части деревянныхъ, вѣроятно, обтянутыхъ кожей, ноженъ меча были охвачены съ боковъ золотыми полосками-обоймами, такъ что всѣ ножны сверху до двухъ нижнихъ кусковъ обкладки охвачены были бордюромъ орнамента волнъ.

Общая высота ноженъ при такой реконструкціи равнялась бы 0,68, т. е. была бы среднею между длиной обычнаго скифскаго акинака и болѣе длиннаго сарматскаго меча.

Нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что единственная, цѣликомъ сохранившаяся, желѣзная ручка меча (выс. 0,165; табл. III, 4) принадлежитъ тому именно мечу, ножны котораго мы только что возстановили. Но надо думать, что ручки всѣхъ мечей были приблизительно одного образца. Ручка эта имѣетъ серпообразное или волутообразное навершье, причемъ волуты кончаются головками какихъ-то птицъ, подъ которыми на каждомъ концѣ имѣются по два перехвата.

Дата возстановленныхъ ноженъ вытекаетъ изъ даты погребенія вообще. Подтверждается эта дата тѣмъ, что обкладка кинжала, подобная обкладкѣ перваго Буеровскаго меча, насколько можно судить по описанію (вещей этой находки въ Петроградѣ въ данное время нѣтъ), найдена была въ деревянномъ ящикѣ въ насыпи одного изъ Анапскихъ кургановъ, принадлежащаго тому же времени, къ которому относятся почти всѣ Анапскіе курганы, уже давшіе намъ столько аналогій для Буеровой могилы.

Въ этомъ ящикѣ найдены были, между прочимъ, «четыре желѣзныхъ кинжала въ истлѣвшихъ кожаныхъ ножнахъ, которые, равно какъ и рукоятки кинжаловъ, были покрыты золотыми тисненными узорчатыми пластинками»¹⁾.

Аналогична, но еще болѣе интересна, находка, сдѣланная въ 1874 г. на Акъ-бурунскомъ мысу около Керчи (ОАК., 1874, XXI). Къ сожалѣнію, и здѣсь я принужденъ довольствоваться описаніемъ найденныхъ вещей, даннымъ въ Отчетѣ, такъ какъ и эти вещи въ настоящее время не находятся въ Эрмитажѣ. «Въ вызолоченномъ бронзовомъ сосудѣ объ одной ручкѣ, пострадавшемъ отъ окиси металла, между пережженными человѣческими костями найдены: 1) золотая фибула съ двумя жемчужинами; 2) золотая, нѣсколько поврежденная застежка съ круглою вставкою изъ стеклянной пасты; 3) золотой наконечникъ отъ ноженъ, вѣроятно, кинжала съ филигранными украшеніями и съ гранатомъ и двумя изумрудами, на каждой изъ двухъ сторонъ; 4) небольшая золотая накладка въ видѣ двойной дужки; 5) пара золотыхъ бусъ филигранной работы; 6) остатки отъ золотого погребальнаго вѣнка и 7) золотой статеръ царя Лисимаха».

Возможно, что въ обѣихъ этихъ находкахъ мастера оперируютъ съ чисто геометрическими украшеніями, въ одномъ случаѣ набивной, въ другомъ филигранной техники, причемъ во второмъ случаѣ мы имѣемъ ранній примѣръ полихромнаго ювелирнаго стиля. Особенно интересна находка на Акъ-бурунскомъ мысу, такъ какъ она датирована монетой Лисимаха, т. е. относится къ III—II в. до Р. Хр. Обѣ находки настоятельно требуютъ изданія входившихъ въ нихъ вещей.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ возможности судить ни о формѣ кинжаловъ, ни о типѣ ноженъ, что было бы особенно для насъ важно и интересно.

Сходство вышеописанной обкладки ноженъ меча Буеровой могилы и указанныхъ аналогій къ ней съ обкладкой меча Прохоровскаго кургана поразительно. То же раздѣленіе на отдѣльныя пластинки, то же покрытіе пластинками не всей площади ноженъ, та же техника орнаментаціи, тотъ же характерный низъ ноженъ, тѣ же двѣ сквозныя въ немъ дырочки, тотъ-же профиль ноженъ съ выдающимся ребромъ по всей серединѣ ноженъ сверху донизу, очевидно, воспроизводящимъ такое же ребро или такія же ребра самого меча (существованіемъ этого ребра объясняется то, что пластинки Прохоровскаго меча частью раскололись на двѣ половинки). Не вполне ясно, были ли заполнены гнѣзда орнаментовъ обкладки Буеровскаго меча эмалью: эмаль нигдѣ не сохранилась, но возможность существованія ея не исключена.

Несомнѣнно, что и по времени обѣ обкладки очень близки одна къ другой, рѣзко разнясь и по характеру орнамента, и по technikѣ изготовленія отъ приведенныхъ выше архаическихъ образцовъ, въ общемъ, однако, имѣя очень близкихъ. Всѣ элементы архаической орнаментики налицо: и веревочный орнаментъ, и типичная двойная спираль, и четырехлепестковая розетка, и цвѣтная эмаль. И, тѣмъ не менѣе, стиль и

¹⁾ См. ОАК., 1881, VII.

характеръ ихъ рѣзко измѣнился, измѣнился въ гораздо большей степени, чѣмъ техника, оставшаяся приблизительно той же.

Очевидно, мы встрѣчаемся съ возрожденіемъ стараго стиля въ нѣсколько измѣнившихся формахъ. Это возрожденіе можно объяснить только тѣмъ, что гдѣ-то на родинѣ стиля, тамъ, гдѣ онъ былъ дома еще въ архаическую эпоху и откуда онъ пришелъ въ свое время въ степи юга Россіи и одновременно, можетъ быть, и въ Малую Азію, онъ продолжалъ существовать непрерывно, нѣсколько измѣняясь въ формахъ, но оставаясь неизблѣмымъ въ основахъ. Изъ этой своей родины онъ вторично пришелъ въ степи юга Россіи, гдѣ въ теченіе долгаго промежутка времени его почти совершенно затерла греческая монохромная торевтика.

Все же, между обкладкой ноженъ меча Буеровой могилы и обкладкой ноженъ меча Прохоровскаго кургана полное тождество не наблюдается. Орнаменты перваго почти сплошь греческіе, орнаментъ втораго ближе къ общеупотребительнымъ въ эпоху архаическую, но съ рѣзкими измѣненіями стилистическаго характера. Особенно ярко сказываются эти измѣненія на трактовкѣ двойныхъ спиралей и въ еще большей степени на формѣ и характерѣ розетокъ. Ближайшія аналогіи къ розеткамъ Прохоровскаго меча даютъ не вышеуказанныя архаическія розетки, а ихъ дальнѣйшее развитіе, въ изобиліи появляющееся въ орнаментѣ вещей кубанскихъ погребеній поздне-эллинистическаго и римскаго времени. Въ этомъ отношеніи особенно поучительны нѣкоторыя находки, сдѣланныя въ майданѣ около Цвѣтны, Чигиринскаго у. (см. *ОАК.*, 1896, 88). Особенно интересны типичныя и для кубанскихъ кургановъ нашивныя бляшки въ формѣ розетокъ и украшеніе такими же розетками подвѣсныхъ цилиндриковъ¹⁾. Такія же нашивныя бляшки мы имѣемъ и въ Купянскомъ у. Харьковской губерніи, гдѣ листики заполнены зеленой эмалью (Трефильевъ, *Тр. XII арх. съезда*, I, 138, рис. 21), и въ Керченскомъ погребеніи съ маской эпохи Рескупорида II (*ДВВ.* XXIII, 10). Форма этихъ розетокъ гораздо ближе къ розеткамъ Прохоровскаго кинжала, чѣмъ вышеуказанныхъ архаическихъ находокъ.

Не менѣе поучительно сличеніе двойныхъ спиралей обѣихъ эпохъ. Двойныя спирали (такъ называемыя „спирали въ видѣ очков“, „Brillenspiralen“) на обкладкѣ стекляннаго сосуда поздне-эллинистическаго времени изъ стан. Сиверской или Сѣверской (*ИАК.*, 29, 37, рис. 38), такія-же спирали на золотой пластинкѣ изъ кургана № 43 около ст. Усть-Лабинской въ сочетаніи съ полосами веревочнаго орнамента (*ОАК.*, 1902, 84, рис. 187), онѣ же на цилиндрикѣ изъ Цвѣтны и на таковыхъ же изъ Можаръ, Саратовской губ. (*ОАК.*, 1898, стр. 77, рис. 135, 136)²⁾,—привожу лишь нѣсколько примѣровъ, число которыхъ можно было бы умножить до чрезвычайности,—и по технике, и по формѣ совпадаютъ со спиралями Прохоровскихъ ноженъ и очень далеки отъ архаическихъ примѣровъ того же орнамента.

1) О параллеляхъ къ находкѣ Цвѣтны въ области Латена см. *Bela Posta, AS.*, 496 слл.

2) Очень интересны и параллели на вещахъ Витзена, найденныхъ въ западно-сибирскихъ погребеніяхъ: см., особенно, табл. III, 4 и 7 (Радловъ, *Сибирскія древности*, I, 3, *МАР.*, 15, стр. 132).

Всѣ приведенныя параллели и соображенія опредѣленно указываютъ какъ на источникъ орнаментальной трактовки обкладки ноженъ Прохоровскаго и Красногорскаго мечей, такъ и на ея время.

Указанныя выше соображенія о характерѣ и орнаментации обкладки ноженъ Прохоровскаго и Красногорскаго мечей и объ ихъ происхожденіи вполнѣ подтверждаются и наблюденіями надъ *формой самихъ ноженъ*. И здѣсь мы ясно усматриваемъ генетическую связь между скискими, т. е. иранскими, ножнами архаическаго и классическаго періода, съ одной стороны, и интересующей насъ значительно болѣе поздней группой, съ другой.

Форма ноженъ иранскаго и скискаго акинака, извѣстная намъ и по архаическимъ, и по классическимъ образцамъ (мечи—мельгуновскій, келермесскій, изъ Феттерсфельде, изъ кургана хутора Шумейка съ одной стороны, солохинскій, чертомлыцкіе, куль-обскій и много другихъ ¹⁾ съ другой), опредѣляется двумя признаками—способомъ ношенія, съ одной стороны, и формой самаго меча, съ другой. Форма крестовины скискаго акинака, ея сердцеобразная структура вызываетъ соотвѣтственную структуру верхней части ноженъ, именно значительное ихъ расширеніе въ этой части. Способъ ношенія, хорошо извѣстный намъ по изображеніямъ скивовъ, саковъ и персовъ, вызываетъ появленіе бокового придатка въ верхней части съ круглымъ отверстіемъ для цѣпочки или ремня, на которомъ висѣлъ мечъ. Наконецъ, тотъ же способъ прикрѣпленія создаетъ и необходимость закруглять конецъ ноженъ, не дѣлать его острымъ ²⁾. Такъ какъ кинжалы носились иначе, чѣмъ мечи, то на нихъ необходимость бокового придатка отпадаетъ, отпадаетъ и нужда въ закругленіи нижняго конца (см. вышеописанные кинжалы Томаковки и Феттерсфельде и кинжалъ хут. Шумейка).

Ножны Буеровскаго, Прохоровскаго и Красногорскаго мечей указываютъ на нѣкоторыя происшедшія измѣненія. Очевидно, нѣсколько измѣнился способъ ношенія меча, почему боковой придатокъ исчезаетъ, но зато въ расширеніи верхней части ноженъ, съ правой стороны, появляется отверстіе, очевидно, назначенное для укрѣпленія ремня или цѣпочки, на которыхъ мечъ былъ подвѣшенъ. Такое отверстіе сохранилось въ Прохоровскихъ ножнахъ; надо думать, что и правая часть верхней части ноженъ Буеровскаго меча обломилась именно потому, что за эту часть мечъ подвѣшивался къ поясу. Измѣненіе произошло, такимъ образомъ, только частичное, а не принципиальное. Сохранилось и закругленіе нижней части ноженъ, но и здѣсь введено было нѣкоторое усовершенствованіе, позволявшее свободно модифицировать форму нижняго расширенія. Оно нужно было уже не само по себѣ, а для того, чтобы дать мѣсто двумъ отверстіямъ для пропуска ремня, охватывавшаго затѣмъ ногу носителя меча. Я уже ука-

¹⁾ Укажу, между прочимъ, на остатки ноженъ одного скискаго меча, найденнаго въ Nagyenyed въ Венгріи, съ характернымъ расширеніемъ внизу; см. К. Негерей, *Arch. Ertésítő*, XVIII (1897), 67, рис. 6.

²⁾ На персепольскихъ рельефахъ висящій на цѣпочкѣ у пояса мечъ, обыкновенно, прикрѣплялся ремнемъ за нижнюю часть ноженъ къ правому бедру. Это прикрѣпленіе не позволило мечу при движеніи ударять по ногѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, давало полную возможность легко и свободно вынимать изъ ноженъ мечъ. Чтобы ремень не сползалъ, необходимо было, чтобы ножны въ нижнемъ концѣ расширились и этотъ выступъ задерживалъ обернутый надъ нимъ ремень.

зываетъ, что подобнымъ же способомъ прикрѣплялись кинжалы къ ляшкамъ вооруженныхъ пантикапейцевъ, изображенныхъ на надгробныхъ стелахъ эпохи эллинизма и ранне-римскаго времени ¹⁾.

Ясно, такимъ образомъ, что ножны мечей Буеровскаго, Прохоровскаго и Красногорскаго—прямые потомки ноженъ старыхъ иранскихъ акинаковъ, въ структуру которыхъ со временемъ внесены были только незначительныя измѣненія. Возможно, что измѣненія эти связаны были съ удлинениемъ меча и со связанной съ этимъ необходимостью приблизить его эфесъ къ поясу. Не думаю, чтобы какое-либо вліяніе оказало перемѣщеніе меча съ праваго бока носящаго (какъ на персепольскихъ рельефахъ и на аму-дарьинской бляшкѣ) на лѣвый (какъ на гребнѣ и горитѣ изъ Солохи ²⁾).

Важно, однако, отмѣтить, что ни для орнаментаціи, ни для формы ноженъ мы не находимъ въ предѣлахъ южной Россіи промежуточныхъ звеньевъ, указывающихъ на постепенное измѣненіе. Процессъ этотъ совершился гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ, причемъ новая форма примыкаетъ не къ формѣ IV—III в., какъ мы ее знаемъ въ южной Россіи, а непосредственно къ формѣ архаической. Это наблюденіе, если оно только правильно, очень показательно и характерно, хотя ручаться за его точность я не могу, такъ какъ матеріалъ, находящійся въ нашемъ распоряженіи, хотя и обилень, но всетаки случаенъ и, конечно, далеко не полонъ.

По формѣ и общей структурѣ ноженъ разобранныхъ мечей съ ними, несомнѣнно, связаны нѣкоторыя находки, сдѣланныя внѣ сферы непосредственнаго распространенія скийскаго государственности и культуры. Такъ, аналогичную форму ноженъ (орнаментація даетъ мотивы иного характера—типичнаго скийскаго звѣринаго стиля, совершенно иною является и техника изготовленія) даетъ мѣдная оправа кинжала изъ могилы около с. Урусъ-Мартана въ Терской области (см. Спицынъ, *ИАК.*, 4, 132 сл.). Эту терскую оправу Спицынъ правильно сближаетъ съ нѣкоторыми вятскими кинжалами, близкими родственниками скийскихъ (см. *МАВГР.*, I, табл. X, 8, ср. 5; VIII, 2, 3 и 9; XI, 6).

Гораздо меньше близости мы находимъ тамъ, гдѣ ожидали бы встрѣтить наиболѣе близкія аналогіи: въ Кубанской области и въ Пантикапей поздне-эллинистическаго и римскаго времени. Здѣсь царитъ почти безраздѣльно иная форма меча и кинжала, ничѣмъ не связанная со скийской. Объ этихъ мечахъ и кинжалахъ я говорю подробно въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь укажу только на то, что мечи кубанско-пантикапейскаго типа обычно совсѣмъ не имѣютъ перекрестія и что набалдашникъ ихъ ручки почти всегда имѣетъ форму полукруглой или овальной пуговицы (иногда даже квадратной), иногда сплошь состоящей изъ полудрагоценнаго цвѣтнаго камня, иногда

¹⁾ Очень интересно, что наконечникъ ноженъ только что описаннаго типа имѣется и среди западно-сибирскихъ вещей Витзена, см. табл. I, 7 и 8 (Радловъ, I, 1., 130). Наконечникъ этотъ украшенъ греческими схематизованными пальметками очень блѣдой работы. Отверстій въ немъ не имѣется. Въ общемъ, аналогичную форму имѣютъ и обычные бронзовые наконечники ноженъ кинжаловъ изъ западно-сибирскихъ погребеній поздне-бронзоваго и желѣзнаго вѣка, см. Радловъ, I, 1., табл. XVIII, 12—18 и XIX, I.

²⁾ Ср. Мальмбергъ и Лаппо-Данилевскій, Кург. Карагодеуашъ, *МАР.* 13, стр. 110. Въ курганѣ Карагодеуашъ мечъ лежалъ съ лѣвой стороны костяка. Попытка Мальмберга признать это случайностью врядъ-ли убѣдительна.

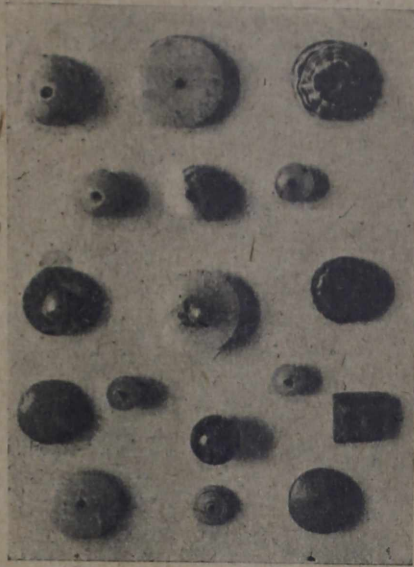

Рис. 31. Проники мечей и кинжаловъ изъ керченскаго некрополя.

изъ золота или мѣди съ золотой обкладкой, украшенной цвѣтными камнями или стекломъ (см. табл. III, 5—мечъ и кинжалъ изъ Керченскаго музея, по фотографіи В. В. Шкорпила).

Количество найденныхъ мечей и кинжаловъ этого типа въ Кубанской области и, особенно, въ некрополѣ Пантиканея чрезвычайно велико, но количество опубликованныхъ экземпляровъ очень незначительно (см. рис. 31—наборъ цвѣтныхъ пронизей мечей и кинжаловъ изъ Керченскаго музея по фотографіи В. В. Шкорпила).

Хорошими образчиками могутъ служить мечъ и кинжалъ изъ ст. Новокорсунской, Кавказскаго отдѣла. Мечъ (ОАК., 1902, стр. 135 сл., рис. 240^а и 240^б) украшенъ набалдашникомъ „въ видѣ кружка изъ агальматолита и мѣдной выпуклой бляшки, обтянутой золотымъ листомъ, украшеннымъ филигранью, зернью и гнѣздами изъ сердолика и синяго стекла“.

Однимъ изъ позднихъ представителей керченскихъ и кубанскихъ мечей и кинжаловъ съ ручками, обложенными золотомъ и украшенными камнями, является интереснѣйшій кинжалъ или короткій мечъ изъ известной гробницы, гдѣ погребенъ былъ одинъ изъ членовъ семьи или приближенныхъ боспорскаго царя Рескупорида II-го (отъ 212 до 225 гг. по Р. Хр.), см. ДБК., XXXII, 7; Ch. de Linas, Orig. de l'orfèvr., II, 114 и табл., рис. 1. Ножны этого кинжала до насъ не дошли. Цилиндрическая ручка обложена золотымъ листомъ, украшеннымъ нѣсколькими вертикальными полосами овальныхъ сердоликовъ въ филигранной оправѣ. Въ особенности интересенъ, однако, набалдашникъ: на золотомъ цилиндрѣ, базу котораго составляетъ нѣсколько рядовъ витой проволоки, укрѣпленъ кружокъ изъ молочно-бѣлаго халцедона, въ центрѣ котораго помѣщена золотая розетка, окруженная бордюромъ цизелированныхъ кружковъ, центръ которой заполненъ звѣздой изъ перегородчатой эмали красного, зеленого и желтаго цвѣтовъ. Здѣсь особенно ярко виденъ переходъ отъ вещей типичныхъ для кубанской группы къ памятникамъ такъ называемаго готскаго стиля, характеризуемаго широкимъ примѣненіемъ перегородчатой эмали. На обкладкѣ ручки наверху припаиванъ характерный для всей кубанской группы знакъ-тамга.

Приведенные примѣры, количество которыхъ можно было бы значительно умножить, показываютъ, что, если въ области формы керченскіе и кубанскіе мечи имѣютъ очень мало общаго со скифскими и ихъ дериватами, то въ области орнаментации ручки и набалдашника и они живутъ общими для всей интересующей насъ области принципами орнаментации и техническихъ приемовъ ювелирнаго дѣла.

Къ сказанному добавлю, что въ кубанской группѣ вполне обыченъ и приемъ

покрытія ручекъ мечей или кинжаловъ золотыми пластинками съ выбивными геометрическими орнаментами (ср. Веселовскій, Кург. Куб. обл. и т. д., стр. 6). Особенно интересна золотая обкладка ручки кинжала изъ Зубовскаго кургана (*ИАК.*, 1, стр. 97; Дѣло АК., 1899, № 137). Прямая крестовина этого меча обложена тонкимъ листовымъ золотомъ съ пунцованными геометрическими орнаментами (разводы въ формѣ восьмерки), на обложкѣ рукояти—кружки, набалдашникъ имѣеть, какъ кажется, форму двухъ сросшихся головъ хищной птицы ¹⁾. Такая же золотая обкладка ручки меча найдена была тамъ же въ курганѣ № 3 въ 1906 г. (*ОАК.* 1906, 83).

То же надо сказать и о ножнахъ мечей и кинжаловъ, найденныхъ въ кубанскихъ курганахъ и могилахъ пантикапейскаго некрополя.

Общая форма этихъ ноженъ намъ очень плохо извѣстна. Правда, на боспорскихъ монетахъ и рельефахъ мечи и кинжалы изображаются не разъ, и притомъ, по всей вѣроятности, въ ножнахъ, но никакихъ деталей, кромѣ общихъ формъ, обѣ серіи памятниковъ, къ сожалѣнію, не даютъ ²⁾.

Такъ, о большинствѣ монетъ съ изображеніемъ *τεφαι* боспорскихъ царей мы даже не въ состояніи сказать, изображенъ ли на нихъ мечъ или кинжалъ въ ножнахъ, или безъ нихъ. Тамъ же, гдѣ ножны несомнѣнны, детали ихъ формы ускользаютъ; во всякомъ случаѣ, значительнаго расширенія въ верхней части не наблюдается, низъ же имѣеть обычную остроконечную форму. Интересно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможно думать, что верхъ ноженъ, какъ на красногорскомъ экземплярѣ, охваченъ двумя полосами или кольцеобразными скрѣпами.

Никакихъ характерныхъ особенностей нельзя установить и для ноженъ мечей и кинжаловъ, изображенныхъ на керченскихъ стелахъ. Во всякомъ случаѣ, мы не видимъ ни характернаго для оренбургскихъ ноженъ верхняго расширенія, напоминающаго полумѣсяцъ, ни столь же характерной трактовки низа.

Нѣсколько болѣе детально изображеніе ноженъ меча на извѣстной херсонесской стелѣ Газурія (см. *ОАК.*, 1892, 26, № 23; *Ios. P. E.*, I², 471). Деревянные, вѣроятно, ножны съ прямымъ верхомъ и нѣсколько расширеннымъ низомъ украшены посрединѣ продольной центральной полосой, вѣроятно, изъ крученой проволоки.

Оригиналовъ ноженъ керченскихъ мечей и кинжаловъ мнѣ извѣстно очень не много. Одни найдены были въ 1842 г. Карейшей (*ДБК.*, стр. LXXII) въ могилахъ ранне-римскаго времени съ богатымъ инвентаремъ. Деревянные ножны меча были покрыты каннелированной золотой пластинкой.

Интереснѣе и богаче ножны небольшого желѣзнаго кинжала, найденнаго случайно въ Керчи (*ОАК.*, 1902, 135, № 14, рис. 238^a и 238^b). Деревянные

¹⁾ Ручка зубовскаго меча не издана, не имѣется и фотографія въ Дѣлѣ. Даю описаніе по рисунку А. А. Спицына, бѣгло сдѣланному съ оригинала.

²⁾ На рельефахъ кинжалъ всегда укрѣпленъ на правой лшкѣ, мечъ либо виситъ у лѣваго бока, либо соединенъ съ горитомъ, т. е. ножны его составляютъ съ горитомъ одно цѣлое. См., напр., *Kieseritzky-Watzinger, Griech. Grabreliefs aus Süd-Russland*, № 599, 600 и *ibid.* № 634 слл.

Рис. 32 (3/4). Обложенныя золотомъ ножны кинжала, найденнаго случайно въ Керчи.

ножны кинжала, довольно близкія, въ общемъ, по формѣ къ ножнамъ прохоровскаго меча, были обложены, какъ и прохоровскія, тонкими полосами листового золота, покрывавшаго и желѣзную ручку кинжала (рис. 32).

Форма лезвія кинжала неопредѣлима, такъ какъ онъ спекся въ одну сплошную массу съ ножнами. Судя по формѣ верхней части ноженъ, довольно близкой къ формѣ той же части ноженъ прохоровскаго меча, можно думать, что крестовина кинжала была прямая. Ручка кинжала была, какъ кажется, обложена деревомъ и украшена сверху полукруглой золотой пуговицей, по краю которой расположены въ рядъ восемь красныхъ камней въ особыхъ гнѣздахъ; въ центрѣ еще одинъ такой же красный камень большіихъ размѣровъ.

Ножны кинжала, какъ сказано, были деревянныя, обложенныя полосками листового тонкаго золота, вѣроятно, только приклееннаго къ ножнамъ, такъ какъ дырочекъ для пришиванія или наколачиванія не имѣется. Обкладка имѣется съ обѣихъ сторонъ ноженъ. Боковые полукруглые выступы верхней части ноженъ, куда входила крестовина кинжала, украшены по обѣ стороны и на обоихъ фасахъ ноженъ золотыми пуговицами. Орнаментація этихъ пуговицъ такова: кругомъ положена рубленая проволока, имитирующая веревочный орнаментъ, затѣмъ идетъ полоса миниатюрныхъ гнѣздъ, когда-то заполненныхъ эмалью, наконецъ, середина занята четырехлепестковой розеткой.

Конецъ кинжала и ноженъ обломанъ, и потому не ясно, какова была ихъ форма. Врядъ ли, однако, имѣется особый наконечникъ на ножнахъ (*bouterolle*), какъ на кинжалахъ Томаковки, Золотого кургана и нѣкоторыхъ мечей скиѣскихъ погребеній (см., напр., Бобринской, *ИАК.*, 35, стр. 70, рис. 8; мечъ и ножны той же формы, найденныя въ Чертомлыцкомъ курганѣ, къ сожалѣнію, не изданы).

И здѣсь, такимъ образомъ, близость къ интересующей насъ группѣ ноженъ заключается исключительно въ одинаковой или сходной орнаментаціи при значительной разницѣ въ формѣ ноженъ и типѣ самой орнаментальной трактовки. Такое же соотношеніе можетъ быть установлено между описанными южно-русскими ножнами и большой группой ноженъ, принадлежащихъ къ культурной сферѣ, опредѣляемой именемъ Латена.

Интересно, что декоративное искусство Латена оперируетъ съ тѣми же орнаментальными мотивами и пользуется тѣми же техническими приемами; большую роль здѣсь играютъ и геометрическая орнаментация съ типичными спиралями и розетками, и проволочныя накладныя украшенія, и полихромія, опирающаяся на эмаль.

Все указанныя особенности мы находимъ, между прочимъ, на ножнахъ великолѣпнаго меча изъ Hatvan Boldog'a въ Венгріи (Bela Posta, AS., 498, рис. 276 и 277; Arch. Ertés., XV, 1893, 1 слл., табл. III и рис. 40 и 41). Форма ноженъ обуславливается формой латенскаго или кельтскаго меча и ничего общаго не имѣетъ съ интересующими насъ южно-русскими ножнами. Похоже до извѣстной степени только округлое расширеніе внизу. Но орнаментация верхняго и нижняго конца ноженъ съ пуговицеобразными накладками, напоминающими набалдашники керченскихъ и кубанскихъ мечей, съ растительно-геометрическими выбитыми орнаментами и розетками очень близка ко всей разобранной выше серіи.

Во всякомъ случаѣ, каковы бы ни были аналогіи разобранной группы южно-русскихъ ноженъ съ сосѣдними, она стоитъ особнякомъ отъ нихъ, составляя отдѣльную цѣльную серію, за эволюціей которой мы можемъ прослѣдить, начиная съ VI в. до Р. Хр. и вплоть до эпохи поздняго эллинизма.

Перехожу теперь къ разбору *формы самихъ мечей и кинжаловъ* оренбургской группы. Наиболѣе оригинальны и показательны ручки. Изученіе лезвій въ значительной степени затруднено тѣмъ, что желѣзо ихъ сильно подверглось ржавчинѣ и форма ихъ очень измѣнилась.

Надо отмѣтить, прежде всего, что типичный для скиѣскихъ погребеній короткій мечъ (махішш—немного болѣе полуметра длины) хотя и обыченъ также и въ интересующей насъ группѣ погребеній, но не является преобладающимъ; рядомъ съ нимъ мы имѣемъ мечи до 1 м. длины.

Но болѣе характернымъ и бросающимся въ глаза признакомъ является форма ручки меча, рѣзко отличающаяся отъ формы ручки скиѣскихъ мечей.

Скиѣскіе мечи, какъ извѣстно, сохраняютъ, начиная съ VI в. до Р. Хр., типичную форму ручки персидскихъ акинаковъ: сердцевидную крестовину и овальное навершье.

Совершенно иной типъ преобладаетъ въ оренбургской группѣ. Здѣсь ручка меча, какъ мы видѣли, имѣетъ серпообразное навершье и прямую крестовину. Такихъ мечей и кинжаловъ мы имѣемъ въ оренбургской группѣ цѣлый рядъ. Нѣкоторые я уже указывалъ выше. Къ нимъ присоединяются нѣсколько мечей и кинжаловъ изъ Оренбургскаго музея: 1) мечъ изъ ст. Травниковской, Троицкаго у. (Толмачевъ, Описание, № 177, фот. № IX); 2) изъ с. Ильинскаго, около ст. Бѣлозерской (тамъ же, № 2915, табл. VII, 10); 3) мечъ и кинжалъ изъ ст. Карагайской, Верхнеуральскаго у. (тамъ же, № 2388 и 2475, табл. XII, 11 и 12); 4) мечъ изъ кургана около с. Чумлякъ, Челябинскаго у. (тамъ же, № 2188, табл. VII, 13).

Совершенно тотъ же типъ ручки даетъ интереснѣйшій мечъ Самарскаго музея, найденный въ Самарскомъ уѣздѣ (дл. 0,83 м.), см. *ЗРАО.*, VIII (н. с.), 166, рис. 40А.

Наконецъ, очень важно отмѣтить, что кинжалы или короткіе мечи той же формы съ характерными ножнами того же типа, что оренбургскіе, постоянно воспроизводятся на такъ называемыхъ чудскихъ идолахъ. Интересно, что и укрѣплены они такъ, какъ были, очевидно, укрѣплены и оренбургскіе кинжалы и кинжалы Томаковки и Золотого кургана, на правой и лѣвой лямкахъ фигуръ, см. напр. *ОАК.* 1911, 86, стр. 122, рис. 125, ср. рис. 124 длинный мечъ. Спицынъ датируетъ эти фигурки эпохой около Рожд. Хр. или нѣсколько болѣе раннимъ временемъ ¹⁾.

Характерныя аналогіи даетъ и Зуевскій могильникъ на Камѣ. Кромѣ опубликованныхъ частей инвентаря этого могильника (*ОАК.* 1898, 43 слл.) укажу еще на неизданные мечи и кинжалы, воспроизведенные на фотографіяхъ Археологической Комиссіи, табл. XII, XVIII, XXVII, XXX, XXXV. Здѣсь, однако, мечи ближе къ старой иранской формѣ ²⁾. Интересно, что среди вещей Зуевского могильника найденъ, съ одной стороны, обломокъ бронзовой чашки персидскаго типа, аналогичной серебрянымъ блюдамъ перваго Прохоровскаго кургана, съ другой—привѣска къ поясу, воспроизводящая по формѣ и орнаменту крестообразныя ольвійскія архаическія привѣски, столь часто попадающіяся какъ въ Ольвіи, такъ и въ скиѣскихъ курганахъ (Фармаковскій, *Арх. пер. въ Россіи*, табл. XII, 1—3).

Описанная форма меча въ западной части южно-русскихъ степей не встрѣчается. Не типична она и для кубанской группы, гдѣ, судя по описанію Веселовскаго, преобладаетъ форма меча, господствующая и въ Пантикапее въ первые вѣка по Р. Хр. Мечи этого типа, о которыхъ я попутно упомянулъ уже выше, дошли до насъ и въ оригиналахъ въ погребеніяхъ Керчи эпохи ранней римской имперіи, и въ воспроизведеніяхъ, какъ на монетахъ боспорскихъ царей I—III в. по Р. Хр., такъ и на рельефахъ боспорскихъ надгробныхъ стелъ.

Къ сожалѣнію, достаточныхъ данныхъ для сужденія о формахъ мечей, найденныхъ въ кубанской группѣ курганныхъ погребеній интересующаго насъ времени, мы не имѣемъ. Наряду съ мечами, считаемыми Веселовскимъ за типичные, имѣются и мечи иного характера.

Такъ, въ ст. Псебайской Майкопскаго отдѣла найденъ въ разграбленномъ курганѣ вмѣстѣ съ золотою спиральною серьгою длинный (0,76 м. дл.) желѣзный мечъ съ ручкой, совершенно аналогичной ручкамъ мечей или кинжаловъ Прохоровскихъ и Красногорскаго погребеній. И здѣсь мы имѣемъ серповидный набалдашникъ съ шпечками на концахъ и почти прямую крестовину. Мечъ этотъ нынѣ находится въ Эрмитажѣ (см. Ленцъ, *Указ. отдѣл. ср. вѣковъ и возр. Имп. Эрм.* I, стр. 304, инв. № 7368, табл. XXXI).

¹⁾ Найдены эти статуэтки около дер. Сапоговой, Шадринскаго у., Пермской губ. Превосходныя воспроизведенія и очень точныя описанія ихъ далъ В. Толмачевъ, *Древности восточнаго Урала, Записки Уральского Общ. любителей естествозн.*, XXXII (1913), 201 слл., табл. I и II.

²⁾ Ср. Tallgren, *Collection Zaoussailov* (Hels. 1916), стр. 14, рис. 8.

Наряду съ этимъ, имѣются кинжалы съ прямой крестовиной и набалдашникомъ въ видѣ сплошнаго кольца. Такой кинжалъ найденъ въ ст. Воздвиженской въ курганѣ съ вещами, типичными для кубанской группы погребеній эллинистическаго и римскаго времени (*OAI.*, 1899, 44, рис. 72, *Bela Posta, AS.*, 569, рис. 320). Именно эта форма кинжала господствуетъ и на керченскихъ стелахъ, изображающихъ конныхъ пантикапейскихъ рыцарей, I—II в. по Р. Хр., см. *Kieseritzky-Watzinger, GGS.*, № 599 и др.). Аналогичный кинжалъ имѣемъ мы и въ Екатеринодарскомъ музеѣ (см. *Zichy, La migration de la race hongroise*, II (1897); *Jankó et Bela Posta, Descr. d. coll.*, стр. 488, рис. 20). Характерно, что ту же форму мы имѣемъ и въ каневской группѣ кievскихъ кургановъ (Др. Придн., III, табл. LVГ изъ собранія Зноско-Боровскаго). Очень обычны, наконецъ, кинжалы этого типа въ западно-сибирскихъ погребеніяхъ бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ (см., напримѣръ, *Радловъ, Сибирскія древности*, I, 2, табл. IX, 6—13; ср. XIII, 10—желѣзный кинжалъ).

Мечи съ серповиднымъ набалдашникомъ и прямой крестовиной являются, такимъ образомъ, особенностью восточной части южно-русскихъ степей, гдѣ эта форма рукоятки господствуетъ. Но, наряду съ этой формой, восточныя степи знаютъ и другія, принадлежащія, однако, насколько можно судить, той же эпохѣ.

Эти формы, по большей части, совпадаютъ съ нѣкоторыми формами такъ называемыхъ скиескихъ или, лучше, скиео-персидскихъ мечей и кинжаловъ. Главнымъ образомъ въ венгерской, кievской и полтавской группахъ курганныхъ погребеній, наряду съ господствующей формой персидскихъ акинаковъ, мы находимъ мечи и кинжалы иного типа. Отвлекаясь отъ интересной формы скиескаго меча, составляющаго модификацію акинака, состоящую въ томъ, что мечъ сближается съ позднѣйшей саблей, именно изъ обоюдоостраго становится мечомъ съ однимъ остриемъ, т. е. прототипомъ сабли, соотвѣтственно чему мѣняется и ручка,—укажу на очень распространенныя въ кievской группѣ мечи съ набалдашникомъ, напоминающимъ набалдашники оренбургскихъ мечей и кинжаловъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, довольно близко стоящимъ къ типичному набалдашнику гальштатскихъ мечей, такъ называемому набалдашнику à antennes. Полнаго совпаденія, однако, ни съ тѣми, ни съ другими не наблюдается. При этомъ крестовина остается иранской, т. е. сердцевидной.

Мечи съ такими набалдашниками далеко не всѣ однородны. Среди нихъ мнѣ извѣстны три разновидности: 1) набалдашникъ въ формѣ двухъ волють, модификаціей котораго являются 2) набалдашники, гдѣ волюты трактованы какъ птичьи головы, и 3) набалдашники безъ волють, но серпообразной формы.

Къ первой разновидности относятся мечи изъ Волковцовъ въ *ДрП.*, II, табл. II, 55 и VII, 59, и два меча изъ раскопокъ Зноско-Боровскаго въ группѣ Каневскихъ кургановъ *ibid.*, III, табл. LX а и б; ср. *Бобринской, Кург.*, I, табл. VII, 2 и 5 (случайныя находки).

Среди мечей второй разновидности особенно интересны мечи, какъ архаическаго, такъ и болѣе поздняго времени съ навершьемъ или набалдашникомъ въ видѣ де-

формированной волюты, трактованной, какъ двѣ сходящіяся птичьи головы, и съ рукоятю, раздѣленной на три параллельныя полосы, изъ которыхъ двѣ крайнія приподняты и обрамляютъ среднюю вдавленную, иногда заполненную звѣринымъ или геометрическимъ орнаментомъ; крайнія полосы иногда трактованы какъ витые стержни.

Образцомъ этихъ ручекъ архаическаго періода можетъ служить вышеописанная ручка меча изъ Томаковки; къ ней примыкаетъ ручка меча изъ Солохи (*ОАК.* 1913—1915, 109, рис. 181); къ болѣе позднему времени относится мечъ изъ Аксютинецъ (Бобринской, Кург., II, табл. XXII, 4) и мечъ оттуда же, найденный Самоквасовымъ (*МРЗ.*, 103 слл., инв. № 1517 и 1518). Съ указанными двумя разновидностями стоитъ въ тѣснѣйшей связи мечъ изъ Алдоболы въ Венгріи (см. *Vela Posta, AS.* 97, рис. 53; *Minns, Scyth. and Greeks*, 69, рис. 18), набалдашникъ котораго сохраняетъ форму двухъ волютъ, трактованныхъ, однако, въ скиѣскомъ звѣриномъ стилѣ, крестовина же, удерживая сердцевидную схему, трактована какъ двѣ сопоставленныя задами надъ тупымъ треугольникомъ фигуры лежащихъ львовъ. Съ послѣдней изъ указанныхъ выше разновидностей мечъ изъ Алдоболы сближается и трактовкой рукоятки, какъ трехъ полосъ—двухъ крайнихъ приподнятыхъ и средней углубленной.

Наконецъ, третью разновидность можно толковать какъ развитіе ручки съ обычнымъ прямымъ навершьемъ подъ вліяніемъ ручекъ волютнаго типа. Къ этой разновидности принадлежатъ, прежде всего, мечи изъ скиѣскихъ, по большей части, архаическихъ погребеній Венгріи, см. *Hampel, Arch. Ert.* XIII (1893), стр. 387, 1; *K. Negerer, ibid.* XVII (1897), стр. 67, рис. 6; *ibid.* XVIII (1898), 408, рис. 1. Тотъ же типъ мы имѣемъ и въ группахъ кіевской (Бобринской, *ИАК.*, 17, стр. 98, рис. 37) и полтавской (*ДрП.*, II, табл. II, № 56).

Изъ указанныхъ выше трехъ разновидностей скиѣскихъ мечей, представляющихъ, по всей вѣроятности, сочетаніе иранскихъ акинаковъ съ западно-европейскими, спеціально гальштаттскими формами мечей, въ степяхъ юго-восточной Россіи, а также въ приуральской области очень обычны мечи и кинжалы второй разновидности. Укажу, прежде всего, на мечъ или кинжалъ Оренбургскаго музея, найденный на пашнѣ около с. Новой Богдановки, Оренбургскаго у. (№ 2439; Толмачевъ, Описание, табл. XVI; наша табл. VII, 14). Въ немъ характерно, прежде всего, полное совпаденіе набалдашника съ Солохскимъ и Аксютинскими: и здѣсь волюты, трактованныя какъ головы птицъ, сходящіяся у центрального ажурнаго квадрата и кончающіяся внизу какъ-бы накладными кружками; и здѣсь ребристые края рукояти и центральная углубленная полоса, заполненная рельефными изображеніями (на Аксютинскомъ — ромбы большаго и меньшаго размѣра, на Оренбургскомъ — два лежащіе зайца); и здѣсь сердцевидная крестовина, украшенная рельефомъ. Ту же схему въ болѣе грубой трактовкѣ мы имѣемъ и на мечѣ того же музея, найденномъ около с. Воскресенскаго, Челябинскаго у., въ 1897 г. (№ 2393; Толмачевъ, Описание, табл. XVII).

Почти тотъ же типъ представляетъ кинжалъ Оренбургскаго музея, найденный

на пашнѣ около с. Ильинскаго, Бѣлозерской вол. (№ 2889; Толмачевъ, Описание, табл. XV; наша табл. VII, 15). Разница только та, что набалдашникъ имѣетъ форму двухъ сопоставленныхъ затылками головъ грифоновъ.

Распространенъ и этотъ типъ очень широко. Мы находимъ его въ Самарской губерніи (мечъ, хранящійся въ Самарскомъ музеѣ, см. *ЗРАО.*, VIII, 166, рис. 41^б; *Bela Posta*, I. I., 102, рис. 57; отъ вышеописанныхъ онъ отличается тѣмъ, что набалдашникъ его прямой и пространство между двумя витыми стержнями рукояти было заполнено не металломъ, а, вѣроятно, деревомъ или костью, нынѣ исчезнувшими; на сердцевидной крестовинѣ—два звѣря), въ Саратовской (муз. Саратовской арх. Комм.; мечъ, найденный около с. Даниловки; рукописныя замѣтки А. А. Спицына), наконецъ, въ Пермской (мечъ изъ Витимской дачи въ собраніи Теплоухова; Спицынъ, *МАР.*, в. 26, табл. XXVII, 8; *Bela Posta*, *AS.*, 252 слл., рис. 157).

Родство мечей этого и вышеописанныхъ типовъ съ мечами и кинжалами Минусинскаго округа бросается въ глаза. Въ Минусинскѣ мы застаемъ почти всѣ модификаціи интересующей насъ ручки со включеніемъ и нѣкоторыхъ другихъ, въ степяхъ южной Россіи не представленныхъ. Въ качествѣ крестовины здѣсь господствуетъ сердцеобразное расширеніе, но имѣется и прямая крестовина. Набалдашникъ чаще всего прямой, но встрѣчается и серповидный, и кольцеобразный, и двухволотный, какъ чисто геометрической, такъ и трактующей волоты въ звѣриномъ стилѣ (птичьей или грифоньей головы). Рукоять имѣется и гладкая, и съ углубленной центральной полосой, и съ двумя стержнями, между которыми имѣется пустое пространство, можетъ быть, заполнявшееся деревомъ или костью (см. А. М. Tallgren, *Collection Tovostine*, Helsingfors, 1917, табл. III и XII, 2—6 и 16).

Среди другихъ формъ въ высшей степени интересна форма ручки меча, заканчивающаяся набалдашникомъ въ видѣ прорѣзного бубенца, такъ хорошо намъ известнаго по кубанскимъ и днѣпровскимъ наверхьямъ изъ большихъ скиѣскихъ погребеній (см. Радловъ, *Сибирскія древности*, I, 2, табл. XI, 9).

Изъ всего разнообразія формъ минусинскихъ кинжаловъ, вѣроятно, принадлежащихъ разному времени, особенно интересна та разновидность, гдѣ набалдашникъ трактованъ въ звѣриномъ стилѣ. Эти кинжалы являются и наиболѣе сходными съ мечами и кинжалами южно- и восточно-русскихъ погребеній. Особнякомъ стоятъ кинжалы съ наверхьями въ видѣ цѣлыхъ звѣрей—медвѣдей (м. б. лошадей) или козловъ (см. Радловъ, *ibid.*, табл. X, 11 и рис. на стр. 60); вся структура ручки этихъ кинжаловъ чрезвычайно оригинальна, хотя самый способъ орнаментаціи вполне обыченъ для западно-сибирскихъ могильниковъ.

Гораздо болѣе обычны кинжалы съ набалдашниками, основнымъ мотивомъ которыхъ является сопоставленіе двухъ звѣрей или частей звѣрей. Часть ихъ примыкаетъ къ кинжаламъ съ наверхьями въ видѣ цѣлаго звѣря. Таковы кинжалы, опубликованные Радловымъ, I. I., XI, 5—7—двѣ переднія части лошадей, съ опущенными головами наружу и съ сливающимися туловищами. Ту же схему мы имѣемъ и въ на-

балдашникѣ, гдѣ изъ одной шеи выступаютъ двѣ повернутыя наружу головы оленя, рога которыхъ соединяются, сливая обѣ головы въ одно цѣлое (Радловъ, I. I. XI, 12).

Но господствующимъ типомъ является волютообразное сопоставленіе двухъ головъ, чаще всего головъ ушастыхъ грифоновъ (Радловъ, I. I., XI, 11; XII, 1—4, 8—10; XIII, 4; XIV, 8 и 9), рѣже львовъ (Радловъ, XI, 10) или лошадей (Радловъ, XII, 12). Очень интересною разновидностью этого типа является кинжалъ (Радловъ, XI, 4), гдѣ гербообразно сопоставлены двѣ птицы, сливающіяся задами туловищъ, повернутыхъ наружу, и клювами большихъ головъ, повернутыхъ внутрь.

Интересно, что на кинжалахъ послѣдней категоріи особенно пышно трактуется и крестовина, украшаемая также въ звѣриномъ стилѣ. Часто эта крестовина представляетъ двѣ повернутыя наружу птичьи головы (см. табл. X, 9 и рис. настр. 59, ср. уже упомянутый кинжалъ, табл. XI, 4 и рис. на стр. 64), иногда двѣ головы кабановъ (табл. XII, 7), но чаще всего на ней имѣются изображенія двухъ повернутыхъ одинъ къ другому звѣрей, частью фантастическихъ или сильно стилизованныхъ (табл. XII, 4, рис. на стр. 69), частью реальныхъ (два медвѣдя вверхъ ногами—табл. XII, 10 и 12; два льва—табл. XII, 8, рис. на стр. 81).

Сопоставленія Радлова доказываютъ, что вся эта категорія кинжаловъ принадлежитъ позднѣйшей эпохѣ западно-сибирскихъ древностей, времени перехода отъ бронзоваго къ желѣзному вѣку и эпохѣ желѣзнаго оружія. Характеръ украшеній показываетъ, что мы имѣемъ дѣло не съ мѣстнымъ самостоятельнымъ развитіемъ, а съ вліяніемъ, шедшимъ съ юга, гдѣ фигуры грифоновъ и львовъ были фигурами излюбленными и обычными.

Къ сожалѣнію, даже послѣ подробнаго, вполне научнаго разбора минусинскаго матеріала, сдѣланнаго Тальгреномъ въ указанной работѣ, хронологія, а особенно сравнительная хронологія минусинскихъ вещей, по бѣльшей части, случайныхъ находокъ неясна. Ясно одно—и въ этомъ Тальгрень несомнѣнно правъ,—что минусинскія вещи поздняго бронзоваго и желѣзнаго періода отнюдь не были прототипомъ скиѣскихъ, съ которыми у нихъ такъ много общаго, какъ думаетъ Минизъ. Не могу, однако, согласиться съ его утвержденіемъ, что южно-русскія вещи были тѣмъ оригиналомъ, который вліялъ на западную Сибирь: и тамъ, и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ совершенно готовымъ запасомъ формъ и мотивовъ, создававшимся, очевидно, и не тамъ, и не здѣсь. Къ вопросу объ этомъ общемъ источникѣ мы еще вернемся.

Рѣшеніе этого вопроса не предрѣшаетъ, однако, вопроса о томъ, развивается ли мечъ съ волютнымъ набалдашникомъ, не трактованнымъ въ звѣриномъ стилѣ, изъ меча съ набалдашникомъ изъ двухъ сопоставленныхъ головъ, или наоборотъ. Я не вижу необходимости принимать либо то, либо другое рѣшеніе. Волютные набалдашники могли появиться и съ запада, сочетавшись съ восточными звѣриными и давъ гибридные формы.

Еще труднѣе вопросъ о происхожденіи меча съ серповиднымъ набалдашникомъ и прямою крестовиною. Происхожденіе серповиднаго набалдашника изъ волютнаго того

или другого типа вполне допустимо, хотя допустимо и происхождение того и другого изъ кольцеобразнаго (см. Радлова, табл. XI, 13). Труднѣе вопросъ о крестовинѣ.

Здѣсь также мы имѣемъ, какъ будто, переходныя формы. Наряду съ мечами съ серповиднымъ навершьемъ и прямой крестовиной имѣются въ восточной Россіи и мечи со сломанной подъ тупымъ угломъ крестовиной, которую можно было бы считать переходомъ отъ сердцеобразной крестовины къ прямой. Таковы мечи изъ Екатеринбургa (Bela Posta, l.l., 104, рис. 58) и изъ Оренбургской губ. (одинъ найденъ въ поселкѣ Нижне-Карасинскомъ, см. Толмачевъ, № 435 и нашу табл. VII, 9, другой—въ 8 в. отъ пос. Борисовскаго, Кособродской ст., Троицкаго у., ОАК. 1902, 142, рис. 255; Ленцъ, Указ. отдѣл. ср. вѣковъ и т. д., I, 309, инв. № 7524, табл. XXXI, щитъ 2); послѣдній и по длинѣ (0,825 м.) приближается къ Прохоровскому и Самарскому мечамъ. Ту же форму имѣетъ кинжалъ изъ музея Саратовской архивной комм. № 1082 (рукописныя замѣтки А. А. Спицына) съ серповиднымъ набалдашникомъ и крестовиной въ видѣ двухъ сопоставленныхъ базами прямоугольныхъ треугольниковъ.

То же мы имѣемъ и въ Западной Сибири, см. Радловъ, l.l., табл. XIII, 8, ср. XIV, 10 и 11, причемъ надо отмѣтить, вообще, что въ Сибири всѣ типы мечей имѣютъ то сердцеобразную, то прямую, то сломанную подъ тупымъ угломъ крестовину.

Возможно было бы поэтому предполагать, что оренбургская форма мечей и кинжаловъ развилась эволюціонно изъ меча, представляющаго комбинацію скийскаго и гальштаттскаго. Но не скрою, что этотъ выводъ не представляется мнѣ несомнѣннымъ. вполне возможно было бы думать, что въ эпоху эллинизма съ Востока пришла новая форма желѣзнаго меча съ длиннымъ лезвіемъ, серповиднымъ набалдашникомъ и прямой крестовиной, причемъ и здѣсь, и въ минусинской области эта форма встрѣтилась съ различными уже модифицированными при столкновеніи съ гальштаттской культурой запада формами скиео-персидскаго акинака. При встрѣчѣ формы эти могли вліять одна на другую и создавать гибридные формы, черпающія элементы и оттуда, и отсюда.

Интересно при этомъ отмѣтить, что на Кубани ни то, ни другое теченіе не встрѣтило широкаго распространенія. Здѣсь укрѣпилась иная форма, не связанная ни съ оренбургскимъ, ни съ чистымъ скийскимъ, ни со скиео-гальштаттскимъ типомъ, форма, господствующая и въ Керчи, начиная съ эпохи ранней римской имперіи. Генезисъ этой формы до сихъ поръ не выясненъ и нуждается въ специальномъ разсмотрѣніи, которое выходитъ за рамки этой работы. Наиболѣе вѣроятнымъ представляется мнѣ развитіе этой послѣдней формы изъ формъ, господствовавшихъ въ областяхъ месопотамско-хетской культуры.

Мечи и кинжалы составляютъ наиболѣе характерную часть погребальнаго инвентаря кургановъ оренбургской группы. Менѣе типичны остальные части вооруженія. О *панцирѣ* я уже говорилъ, и отмѣтилъ, что желѣзные кованые панцири такой массивной выдѣлки, какъ Прохоровскій, типичны только для эпохи греческой высокой архаики. Аналогій такому панцирю изъ болѣе поздняго времени я не знаю. Въ ские-

скихъ погребеніяхъ, начиная съ VI в., мы встрѣчаемъ либо чешуйчатые панцыри изъ желѣзныхъ и бронзовыхъ чешуекъ, либо панцыри греческіе, несомнѣнно, ввезенные изъ Эллады или М. Азіи. Архаическій образчикъ такого панцыря изъ одного Кубанскаго кургана изданъ Н. И. Веселовскимъ въ послѣдней изъ написанныхъ имъ и напечатанныхъ при его жизни статей (*ИАК.* 65, 1 сл.). Чешуйчатые панцыри господствуютъ въ курганныхъ погребеніяхъ степей юга Россіи и въ теченіе всей эпохи эллинизма. Къ сожалѣнію, никто не далъ себѣ труда внимательно изучить всю обширнѣйшую серію остатковъ чешуйчатыхъ панцырей.

Поэтому не представляется возможнымъ сказать, оставалась ли форма панцырей, техника ихъ изготовленія и форма отдѣльныхъ чешуекъ неподвижной, или и здѣсь происходили эволюція и постепенное измѣненіе. Думаю, что послѣднее болѣе вѣроятно, но доказать это можно было бы только тщательнымъ изученіемъ всѣхъ, повторяю, чрезвычайно многочисленныхъ остатковъ. Укажу попутно, что остатки чешуйчатыхъ панцырей находимы были и въ Оренбургскихъ степяхъ (Тург. обл., Кустанайскій у., Оренбургскій муз. инв. № 2473; Толмачевъ, Описаніе, № 449—461, табл. XVIII), но не въ погребеніяхъ опредѣленнаго типа. Характерно, что приблизительно ту же форму имѣютъ костяныя пластинки панцыря, найденныя въ одномъ погребеніи Аксютинской группы (курганъ, раскопанный Мазараки около Поповки), см. *ДрП.*, II, табл. XXIX, Бобринской, Кург. II, стр. 173 сл. ¹⁾.

Новую форму панцыря даютъ только курганы Прикубанья эллинистическаго и римскаго времени. По наблюденіямъ Н. И. Веселовскаго, не подгрѣпленнымъ, однако, ни изданіемъ, ни тщательнымъ описаніемъ многочисленныхъ найденныхъ остатковъ, мы замѣчаемъ здѣсь появленіе, наряду съ пластинчатыми панцырями, панцырей кольчатыхъ или настоящихъ кольчугъ, обычныхъ и въ вооруженіи нѣкоторыхъ частей римскаго войска.

Вполнѣ возможно, что такіе кольчатые, а не пластинчатые панцыри изображены и въ росписяхъ керченскихъ погребеній комнатнаго типа, на примѣръ, въ погребеніи, открытомъ Стасовымъ, и въ погребеніи, найденномъ въ 1873 г. Аналогій этимъ панцырямъ въ восточныхъ степяхъ юга Россіи я не знаю.

Особаго изученія заслуживали бы *наконечники стрѣлъ*, какъ бронзовые, такъ и желѣзные. И это, однако, попутно сдѣлано быть не можетъ и потребовало бы длительнаго собранія и тщательнаго изученія всего необычайно богатаго матеріала, найденнаго на югѣ Россіи и внѣ его.

Я не сомнѣваюсь, что такая работа, до сихъ поръ никѣмъ не сдѣланная, позволила бы съ точностью установить эволюцію отдѣльныхъ формъ трехграннаго „скифскаго“ наконечника. Она потребовала бы, однако, и много времени, и изданія всего подлежащаго матеріала, что здѣсь сдѣлано быть не можетъ. Насколько я могу су-

¹⁾ Интересно, что такія же костяныя пластинки найдены въ Шадринскомъ у. Пермской губ., въ курганѣ, раскопанномъ Зыриновымъ: см. *ЗУОЛЕ.*, VII (1883), 75 сл.; *Bela-Posta, AS.*, стр. 363, рис. 214, 7—9.

дять, оренбургскіе наконечники не даютъ новыхъ формъ сравнительно съ матеріаломъ южно-русскихъ степенъ ¹⁾).

Небольшое количество *наконечниковъ копій и дротиковъ* не даетъ матеріала для какихъ-либо выводовъ. Сопоставленіе и этого очень важнаго и обильнаго матеріала для интересующей насъ эпохи и области никѣмъ до сихъ поръ не сдѣлано.

Среди вещей погребальнаго инвентаря Прохоровскихъ и родственныхъ имъ кургановъ особенно интересна большая серія *подѣлокъ изъ кости*. Особенно характерны костяные наконечники съ рѣзными изображеніями на концѣ и съ гравированными геометрическими орнаментами. Ближайшія аналогіи этимъ наконечникамъ даютъ опять-таки кіевскія и полтавскія погребенія. Одинъ такой наконечникъ найденъ въ женскомъ погребеніи одного изъ кургановъ Гуляй-города (Бобринской, Кург., III, стр. 44, кург. № 319, табл. II, 2). Это кабаній клыкъ въ видѣ головы грифона; шея орнаментована комбинаціей изъ ложечнаго растительнаго орнамента и поперечныхъ полосъ изъ чередующихся треугольниковъ или ромбовъ и кружковъ.

Другой происходитъ отъ одного изъ кургановъ группы Аксютинцы—Волковцы (Др. П., II, табл. XXXI, № 512): та же голова грифона, но шея украшена гравированнымъ изображеніемъ свернувшася звѣря, тѣло котораго, или, лучше, конечности раздѣланы какъ пальметки восточнаго стиля.

Назначеніе этихъ предметовъ загадочно. Интересно, что орнаментированные гравировкой рога служили псаліями уздечки, найденной въ Венгріи (Czikó) и относимой Гампелемъ (Alt. des frühen Mittelalters in Ungarn, I, 246, рис. 582) къ его сарматскому періоду, т.-е. къ IV и сл. вѣкамъ по Р. Хр. Врядъ-ли, однако, находимыя на югѣ Россіи костяныя наконечники могли имѣть указанное назначеніе, такъ какъ находятъ ихъ всегда въ одиночку, а не парами, какъ это естественно для псаліевъ.

Очень интересны уже упомянутыя костяныя вещи изъ находки Назарова. Я уже говорилъ о томъ, что значительное количество аналогичныхъ костяныхъ подѣлокъ типично для алтайскихъ погребеній ранняго желѣзнаго вѣка (см. Radloff, Aus Sibirien и ЗРАО., VII, 202, табл. XXXI; Адриановъ, ИАК., 62, стр. 29). Въ этихъ подѣлкахъ, къ которымъ надо еще присоединить и рядъ подѣлокъ изъ дерева (Радловъ, I. I., табл. XXIV, 3 и табл. XXVI—деревянные издѣлія изъ большой могилы въ Катандѣ), мы замѣчаемъ двѣ струи: одна опредѣленно свидѣтельствуетъ о сильнѣй-

¹⁾ О наконечникахъ стрѣлъ юга Россіи см. Анучинъ, О древнемъ лукѣ и стрѣлахъ, Труды V арх. съезда въ Тифлисѣ, стр. 336 слл.; Бобринской, Кург. III, 19 слл. и 142 сл.; Лаппо-Данилевскій, Кург. Карагодеуашъ, МАР., 13, 54 слл.; Bulanda, Bogen und Pfeil bei den Völkern des Altertums (Wien, 1913), 59 (русскихъ работъ, конечно, не знаетъ); Прушевская, ИАК., 63, 56 сл. О широкой сферѣ распространенія трехгранныхъ бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ см. P. Reinecke, Die Skythischen Alterthümer im mittl. Europa, Zeitschr. f. Ethnol., XXVIII (1896), стр. 6, 8 слл., 20 сл.; H. Schmidt, у R. Rumpelly, Explorations in Turkestan, Washington, 1908, т. I, ч. II, стр. 183 слл. На в. граница распространенія этихъ стрѣлъ—Персія и Вактрія, на югѣ—греко-эгейская сфера, на з.—западная часть Австро-Венгріи, крайній пунктъ—Chalons sur Saône во Франціи. О Сибири и специально о Минусинскомъ округѣ см. А. М. Tallgren, Coll. Tovostine, 48 слл. И онъ, какъ и H. Schmidt, правильно указываютъ, что въ Сибирь трехгранные наконечники стрѣлъ пришли съ юга Россіи. Ни въ одной изъ этихъ работъ, однако, не дано полнаго сопоставленія различныхъ формъ наконечника и не сдѣлано попытки установить эволюцію трехграннаго типа.

шемъ вліяніи южныхъ образцовъ (голова льва Назаровской находки и указанная выше параллели), другая говоритъ о мѣстномъ развитіи звѣринаго стиля. Откуда шло южное вліяніе, сказать затруднительно. Врядъ ли, однако, съ юго-запада, т. е. изъ раіона Ольвіи; вышеприведенныя сближенія скорѣе указываютъ на иранскій, персидскій міръ, связь котораго съ греческой малоазійской архаикой общеизвѣстна. Не могу, однако, не указать на близкое родство стилизованной львиной головы съ Алтая (ЗРАО., VII, табл. XXXI, 1) съ извѣстными типичными для Ольвіи и для всего Приднѣпровья костяными и бронзовыми львиными головами (см. Фармаковскій, Арх. періодъ въ Россіи, стр. 17, рис. 7, и стр. 18).

Не могу я, однако, утверждать съ увѣренностью, что именно эти головы создали алтайскія. Возможно, что спросъ на вещи этого типа пришлыхъ кочевниковъ создалъ фабрикацію ихъ въ Ольвіи. То же, съ еще большей увѣренностью, я сталъ бы утверждать для поясныхъ привѣсокъ, украшенныхъ въ звѣриномъ стилѣ, оригиналь которыхъ возникъ, конечно, не въ Ольвіи, но которыя фабриковались тамъ въ большомъ количествѣ, конечно, по чужимъ оригиналамъ (см. Фармаковскій, *ibid.*, табл. XII, 1—3).

Къ продуктамъ, свидѣтельствующимъ о мѣстномъ развитіи звѣринаго стиля, относится костяная ложка Назаровской находки (табл. VII, 1). Ея ручка моделирована въ видѣ типичной для всего востока Россіи головы ушастаго и зубастаго звѣря, о которомъ рѣчь была уже выше. Важно указать, что эти головы типичны для западно-сибирскихъ вещей сравнительно ранняго періода, т. е. эпохи поздняго бронзоваго вѣка, и распространены по всей восточной и сѣверной Россіи въ это же и въ болѣе позднее время ¹⁾. Порода звѣря опредѣленію не поддается; голова все болѣе и болѣе схематизуется; но вполне возможно думать о медвѣдѣ—одномъ изъ любимѣйшихъ звѣрей сѣвернаго звѣринаго стиля.

Еще интереснѣе гравированная фигура звѣря на ложкѣ. Ближайшія аналогіи для этого типа стилизаціи, особенно туловища и лапъ, мы найдемъ только среди вещей западно-сибирскихъ и алтайскихъ.

Укажу на фигуры звѣрей, которыми украшена крестовина минусинскихъ кинжаловъ поздняго типа (Радловъ, Сиб. др., I, 2, табл. XII, 4, рис. на стр. 69 и 8, рис. на стр. 71), на бронзовыя пуговицеобразныя части поясного набора, относимыя Таллгреномъ ко времени около Рождества Хр. (Tallgren, Coll. Tovostine, 66, рис. 70), на золотыя обивки частей уздечнаго набора, найденныя Адриановымъ на Алтаѣ, къ сожалѣнію, очень плохо изданныя (Адриановъ, *ИАК.*, 62, 58 сл., рис. 29), и под.

Не могу не отмѣтить, что ту же стилизацію мы найдемъ затѣмъ въ значительно

¹⁾ См. Martin, *L'âge de bronze à Minoussinsk*, табл. XV, рис. 19 и 20; Городцовъ, *Отч. Ист. Муз. въ Москвѣ* за 1914 г., 212, рис. 61; Tallgren, Coll. Tovostine, табл. IV, 6. О распространеніи на сѣверъ свидѣлствуютъ знаменитые пинежскіе топоры—Aspelin, *Antiquités du Nord finno-nogrien*, рис. 240, 241; Tallgren, *Die Kupfer und Bronzezeit*, 143, рис. 82, 83; Coll. Zaoussailov, 14, рис. 8; Городцовъ, *ИЛ.*, 210, рис. 58.

болѣе позднее время въ типичныхъ и стоящихъ особнякомъ среди одновременныхъ имъ вещей украшеніяхъ концовъ ремней, во множествѣ находимыхъ въ такъ называемыхъ сарматскихъ погребеніяхъ Венгріи (см. Hampel, *Altert. des frühen Mittelalt. in Ungarn*, I, 597 сл., гл. XXIV). Изображенныя здѣсь фигуры звѣрей—частью ажурныя, частью рельефныя—необычайно близки по трактовкѣ лапъ, морды и ушей къ звѣрямъ западно-сибирскимъ и восточно-русскимъ.

Вопросъ о звѣриномъ стилѣ и его эволюціи—сложный и трудный. Здѣсь не мѣсто разбираться во всѣхъ его деталяхъ. Не могу, однако, не отмѣтить слѣдующаго. На югѣ Россіи мѣстный, оригинальный, не мало-азійскій звѣриный стиль имѣетъ два періода расцвѣта. Одинъ—въ архаическую эпоху, когда созданы были великолѣпные образчики этого стиля кубанскихъ архаическихъ кургановъ. Фигура свернувшася кольцомъ звѣря или двухъ звѣрей и въ это время является однимъ изъ любимыхъ мотивовъ стиля.

Характерными образчиками могутъ служить: бляха или пряжка пояса изъ впускного погребенія въ курганѣ, сооруженномъ для погребеній съ крашенными и скорченными костяками между Качей и Альмой въ Крыму (разслѣдованъ Кулаковскимъ въ 1895 г., см. *ОАК.*, 1895, 18, рис. 32=118, рис. 292; Minns, *Scythians and Greeks*, 258; наша табл. VIII, 4), и очень интересная поясная пряжка изъ Екатеринодарскаго музея (табл. VIII, 3, ср. рис. 33, сдѣланный по фотографіи Н. А. Эрманъ) въ формѣ двухъ вцѣпившихся въ хвосты одинъ другому изогнутыхъ звѣрей, образующихъ замкнутый кругъ, въ центрѣ котораго стоитъ хищникъ

Рис. 33 (2/1). Бронзовая пряжка Екатеринодарскаго музея.

Погребеніе между Качей и Альмой принадлежитъ, несомнѣнно, тому же времени, что и погребенія Золотого кургана и Томаковки; къ тому же времени относится и бляха Екатеринодарскаго музея: центральная фигура ея очень близка къ фигурѣ львицы изъ Золотого кургана.

Аналогичныя пряжки болѣе мелкаго размѣра типичны и для уздечнаго набора кіевскихъ и полтавскихъ кургановъ (см., напримѣръ, *Др. П. II*, табл. XVI, № 316 и др.). Характерно, что крымская пряжка, несомнѣнно, послужила образцомъ для пряжки Ананьинскаго могильника (Minns, l.l.) и что такія же украшения имѣются

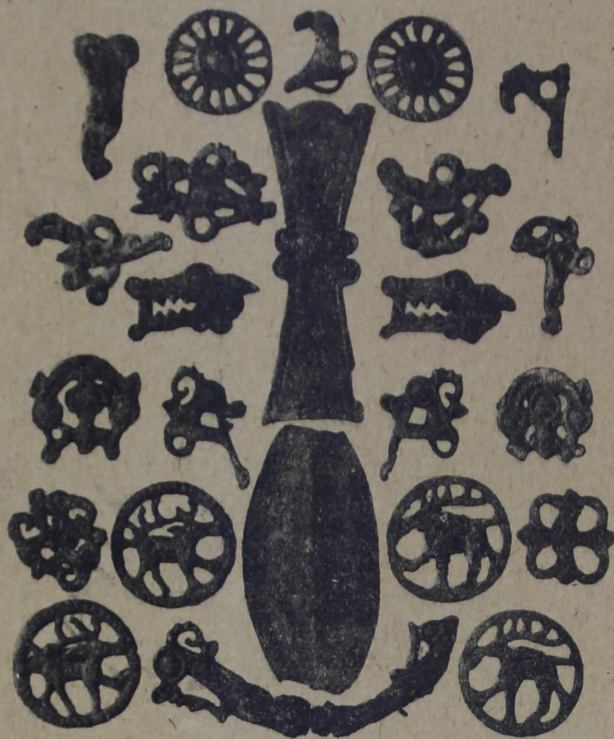

Рис. 34 (3/8). Украшения конской узды и сбруи изъ Елисаветинскаго кургана Кубанской области.

среди западно-сибирскихъ золотыхъ вещей Эрмитажа (Кондаковъ и Толстой, Р. Др., III, 64, рис. 73).

Связь звѣринаго стиля этого періода съ западною Сибирью несомнѣнна. Обращу вниманіе на то, что любимые мотивы звѣринаго стиля западной Сибири въ ранней стадіи его развитія—прыгающій олень съ прижатыми къ спинѣ рогами, горный козелъ, медвѣдь и голова хищника съ большими ушами и зубами—обычны и на югѣ Россіи въ архаическій періодъ, главнымъ образомъ, на золотыхъ нашивныхъ бляшкахъ и въ составѣ конскаго уздечнаго набора. Нигдѣ мы не найдемъ ихъ, однако, въ такомъ изобиліи, какъ въ послѣдней находкѣ Н. И. Веселовскаго на Кубани въ одномъ изъ кургановъ

Елисаветинской станицы, датированномъ сравнительно позднимъ временемъ (IV—III в. до Р. Хр.). Я имѣю въ виду бронзовый уздечный наборъ этого кургана, гдѣ имѣются въ изобиліи и головы ушастаго и зубастаго звѣря, и фигуры горныхъ козловъ, и фигуры оленей (см. рис. 34).

Но несомнѣнно также то, что въ Сибири звѣриный стиль безконечно бѣднѣе и однообразнѣе, чѣмъ на югѣ Россіи, и что говорить о Сибири, какъ о родинѣ этого стиля, совершенно невозможно. Сибирь есть отдаленная окраина области, создавшей звѣриный стиль, югъ Россіи связанъ съ этою областью гораздо ближе и непосредственнѣе.

Архаическій звѣриный стиль за долгое время своего примѣненія какъ на югѣ Россіи, такъ и въ Сибири пережилъ длинное и сложное развитіе. Въ Сибири онъ испыталъ сильное вліяніе мѣстной среды и обстановки, на югѣ Россіи онъ пережилъ вліянія мало-азійскаго звѣринаго стиля, прошелъ черезъ руки грековъ и сильно измѣнился подъ ихъ вліяніемъ, частью же очень огрубѣлъ и выродился.

Вторымъ періодомъ блестящаго расцвѣта или, лучше, возрожденія звѣринаго стиля была значительно болѣе поздняя эпоха—время около Рождества Христова. Великолѣпные образчики этого возрожденія мы находимъ съ одной стороны на Кубани въ уже не разъ упомянутой группѣ курганныхъ погребеній, разслѣдованной Веселовскимъ, съ другой стороны въ группѣ сибирскихъ находокъ изъ драгоценныхъ металловъ, частью находящейся въ Эрмитажѣ, частью увезенной Витзенемъ за границу.

Ближайшая связь Кубани и Сибири въ эту эпоху не разъ уже была отмѣчена

и заставила даже Н. И. Веселовского сомнѣваться въ сибирскомъ происхожденіи золотыхъ сибирскихъ вещей Эрмитажа, для чего никакихъ серьезныхъ основаній нѣтъ. Великолѣпной иллюстраціей этой связи является сравненіе двухъ шедевровъ возрожденія звѣринаго стиля: одного, найденнаго на Кубани, другого, принадлежащаго къ составу сибирскихъ находокъ.

Одинъ изъ нихъ—это недавно найденная серебряная золоченая художественная пряжка великолѣпнѣйшаго цѣликомъ сохранившагося пояса изъ Майкопа, изображеніе на которой—крылатый грифонъ, умерщвляющій лошадь (табл. VIII, 1), по силѣ и экспрессіи, по геніальности трактовки, по великолѣпной свѣжести и энергіи мощнаго напряженія грифона и поразительному мастерству, съ которымъ передана агонія издыхающей лошади, далеко превосходитъ извѣстную сибирскую бляху Эрмитажа, гдѣ грифонъ замѣненъ тигромъ (табл. VIII, 2, по фотографіи Н. Е. Макаренка).

Связь возрожденнаго звѣринаго стиля со старымъ несомнѣнна и наблюдается на каждомъ шагу, особенно въ дальнѣйшемъ его развитіи. Эта связь, напримѣръ, ясно видна на бронзовыхъ поясныхъ бляхахъ съ фигурой свернувшася звѣря изъ кубанскихъ погребеній эпохи около Рождества Христова¹⁾. Ясна она и на рядѣ сибирскихъ вещей. Но прямой преемственности все же нѣтъ. Вся трактовка упомянутаго майкопскаго пояса указываетъ на иную среду, въ которой онъ созданъ. Слышатся сильныя китайскія вліянія, и потому представляется болѣе вѣроятнымъ, что возрожденный звѣриный стиль готовымъ пришелъ изъ глубинъ Азіи и на югъ Россіи, и въ Сибирь.

Когда это произошло, мы съ точностью опредѣлить не можемъ, но дата кубанскихъ кургановъ говоритъ, какъ указано было выше, за эпоху поздняго эллинизма, и этому не противорѣчитъ возможная дата упомянутыхъ сибирскихъ вещей.

Въ вопросѣ датировки сибирскихъ вещей я склоненъ былъ бы придавать довольно крупное значеніе уже упомянутымъ Витзеновскимъ вещамъ. Подборъ этихъ вещей, конечно, случаенъ и вещи разновременны, но часть изъ нихъ датируется, несомнѣнно, изображенными у Витзена монетами ранняго императорскаго времени (Августъ, Неронъ, Гальба), которыя, надо думать, входили въ составъ одной изъ находокъ.

Слѣдовъ вліянія возрожденнаго звѣринаго стиля на оренбургскія находки мы, однако, не замѣчаемъ. Костяныя вещи Назаровской находки старше и примыкаютъ къ алтайскимъ вещамъ ранняго желѣзнаго вѣка; онѣ связаны со старымъ періодомъ звѣринаго стиля. Въ позднѣйшихъ находкахъ типа Прохоровскихъ кургановъ мы вообще почти не имѣемъ вліянія звѣринаго стиля, за исключеніемъ золотой гривны и костяного набалдашника, о которыхъ рѣчь была выше. И въ этомъ прохоровскія погребенія близки къ кубанскимъ: и тамъ, и здѣсь преобладаетъ геометрической и растительный орнаментъ, звѣриный стоитъ на второмъ планѣ, хотя въ оренбургскихъ находкахъ это выражено рѣзче, чѣмъ въ кубанскихъ и имъ родственныхъ.

¹⁾ См., напримѣръ, *ИАК.*, 1, 95, рис. 2а и 2б; *ОАК.*, 1902, 67, рис. 139, 140, ср. 77, рис. 161, и 78, рис. 164.

Я уже не разъ указывалъ на связь интересующихъ насъ находокъ въ Оренбургскомъ краѣ съ находками не только въ Поволжьѣ, но и въ Прикамьѣ и въ Вятскомъ краѣ.

Нигдѣ эта связь не сказывается такъ ярко и такъ опредѣленно, какъ на родствѣ костяныхъ подѣлокъ той и другой области, украшенныхъ гравированными или рѣзными орнаментами звѣринаго стиля. Особенно разительныя аналогіи даютъ такъ называемыя костеносныя городища. Укажу на характернѣйшія костяныя навершья, опубликованныя Спицынымъ (*МАВГР.*, I, VIII, по большей части костяныя ручки для ножей), очень близкія къ тѣмъ, о которыхъ рѣчь была выше. Одно изъ нихъ въ формѣ головы какого-то животнаго (лошади или мула) украшено вдоль базы рѣзнымъ изображеніемъ типичнаго для такъ называемыхъ сибирскихъ древностей животнаго. На одной лопаточкѣ (*ibid.*, I, 9) имѣется рѣзное изображеніе того же животнаго, живо напоминающее по манерѣ рѣзбы гравированнаго хищника на Назаровской ложкѣ. Среди вещей костеносныхъ городищъ обычно встрѣчаются и ложки. На одной такой ложкѣ Казанскаго музея имѣется, согласно указанію А. А. Спицына, гравированное изображеніе, ближайшимъ образомъ напоминающее звѣря Назаровской ложки ¹⁾.

Наконецъ, вполне обычны въ группѣ костеносныхъ городищъ, какъ я уже упоминалъ выше, рѣзныя изображенія свернувшагося звѣря, какъ на кубанскихъ и южно-русскихъ пуговицахъ и поясныхъ пряжкахъ (см. бляхи изъ Уфимской губ. и Гляденовскаго городища, опубликованныя Нефедовымъ въ *МАВГР.*, III, 121, рис. 74 и 75; и ср. каменные и глиняные кружки изъ костеносныхъ городищъ, *ibid.*, I, табл. X, 5 и 8).

Несомнѣнно, что мы имѣемъ дѣло съ одной большой культурной областью съ многовѣковымъ развитіемъ, гдѣ элементы скиесской культуры перерабатываются въ разныхъ направленіяхъ, причемъ обратное вліяніе этихъ областей на многія стороны скиесскаго художественнаго творчества также стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія.

Фигурами звѣрей того же типа, который мы встрѣтили на ручкѣ костяной ложки изъ находокъ Назарова, украшено *каменное блюдо* на трехъ ножкахъ, находящееся нынѣ въ Самарскомъ музеѣ и найденное въ курганѣ около Крыловскаго хут. Любимовской вол. Бузулукскаго у. съ вещами, типичными для интересующаго насъ времени и культуры. Кромѣ характерныхъ стрѣлъ и зеркала, интересно золотое ожерелье изъ бусъ въ видѣ двухъ сложенныхъ основаніями конусовъ и астрагалообразныхъ трубочекъ (см. *ЗРАО.*, VIII, 164 и рис. 36 на стр. 163); ожерелье это напоминаетъ серьги изъ находокъ Назарова. Каменные блюда описаннаго выше типа (см. *ibid.*, рис. 37, 38 и 39) составляютъ, какъ сказано выше, одну изъ типичныхъ особенностей интересующихъ насъ погребеній восточныхъ степей Россіи. Примѣры находокъ

¹⁾ На мой запросъ въ Казань и просьбу прислать фотографію ложки я получалъ отвѣтъ, опровергающій сообщеніе А. А. Спицына. Не имѣя основаній не довѣрять точности указаній А. А. Спицына, думаю, что полученныя мною изъ Казани свѣдѣнія неточны.

Рис. 35. Каменное плоское блюдо из одного из Оренбургских кургановъ.

Рис. 37. Каменное блюдо из Нѣценскаго поселка близъ Оренбурга (дл. 0,27; шир. 0,25; выс. 0,13 м.).

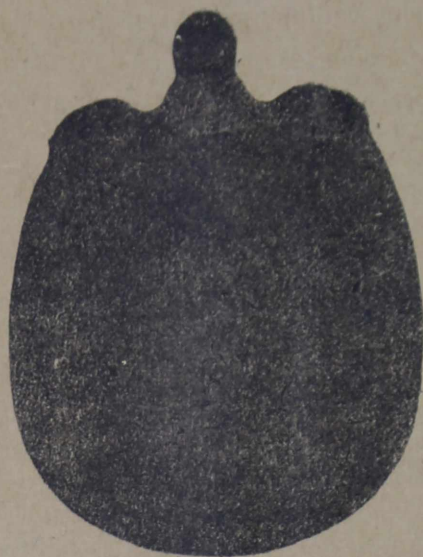

Рис. 36. Каменное блюдо (?) въ формѣ черепахи изъ Челябинскаго у. (около р. Мiаса).

этого рода блюды въ курганахъ Оренбургскаго и Самарскаго края сопоставлены были выше (см. рис. 35 — 37). Особенно интересны два блюда изъ находокъ Нефедова, на одномъ изъ которыхъ ножки обработаны въ видѣ головъ животныхъ типа, обыкновеннаго для такъ называемыхъ сибирскихъ и родственныхъ имъ вещей. Напомню, что часть каменнаго блюда того же характера найдена была въ насыпи одного изъ Прохоровскихъ кургановъ ¹⁾.

Аналогичныя каменные блюда (песчаниковыя), правда, безъ ножекъ и иной формы (въ видѣ продолговатаго овала), но иногда съ геометрическими орнаментами на краяхъ и фигурными ручками, входят, насколько мнѣ извѣстно, въ обычный составъ инвентаря одной группы погребеній, съ которой мы уже не разъ сближали оренбургскую. Я имѣю въ виду курганныя погребенія кievской и полтавской группы переходнаго времени, прежде всего и преимущественно, если не исключительно, Каневскіе могильники—Бобрицкій, Берестнягу и Синявку.

Здѣсь песчаниковыя блюда овальной формы обычны, причемъ иногда въ нихъ находятъ куски красокъ. Отмѣчу интересное блюдо съ фигурной ручкой изъ могильника Синявки (Бобринской, Кург., III, № 100, стр. 141, рис. 78) и такія же блюда безъ ручки изъ Бобрицкаго могильника (см. тамъ-же, III, кург. 66, стр. 130; кург. 35, стр. 114). Очень интересенъ фрагментъ (половина) каменнаго блюда изъ Шполы, найденный Ю. Ф. Абазой и подаренный Бобринскому; блюдо по краю украшено треугольниками, одна сохранившаяся ручка имѣетъ форму лежащаго звѣря (см. Бобринской, Кург., II, 136, рис. 21; ср. аналогичную находку изъ

¹⁾ Ср. такое же блюдо изъ Тургайской обл. въ *ОАК.*, 1901, 143, рис. 257. Интересенъ доставленный вмѣстѣ съ этимъ блюдомъ золотой наконечникъ въ видѣ головы сайги (*ibid.*, рис. 256), несомнѣнно, восточной работы, напоминающей головы шейныхъ гривнъ Ахтанизовки и родственныхъ кургановъ.

Шполы, *ibid.*, III, 56). Къ сожалѣнію, въ обоихъ случаяхъ структура и составъ инвентаря погребенія, къ которому относятся эти блюда, наблюдаемы не были ¹⁾.

Въ лучшемъ положеніи мы находимся по отношенію къ группѣ кургановъ около Гуляй-города, гдѣ также найдены два блюда интересующаго насъ типа (Бобринской, Кург., I, стр. 100, кург. № 33 и стр. 104, кург. № 38, ср. стр. 118 сл.). Разслѣдованный Бобринскимъ въ два приѣма (ср. III, 41 сл.) могильникъ Гуляй-города содержитъ погребенія двухъ эпохъ—старшей и младшей. Насъ здѣсь интересуютъ послѣднія, въ которыхъ найдены каменные блюда. Погребенія эти почти не содержатъ греческихъ вещей, такъ что датировка ихъ крайне затруднительна. Большое количество бронзы, напоминающихъ кавказскія, специально кобанскія, преобладающая мѣстная посуда иныхъ, однако, типовъ, чѣмъ то обычно въ среднемъ Придѣлпровьѣ, обиліе подѣлокъ изъ кости, главнымъ образомъ, частей уздечнаго набора говорятъ какъ будто за сравнительно большую древность погребеній. Но съ другой стороны сходство погребальныхъ сооружений и погребальнаго инвентаря съ погребеніями Каневской группы, близкое родство бронзоваго уздечнаго набора Гуляй-города съ такимъ же уздечнымъ наборомъ Каневской группы, особенности мѣстной керамики и обиліе бусъ изъ янтаря заставляютъ серьезно взвѣсить и предположеніе о сравнительно поздней датѣ могильника. Къ этому ведетъ насъ и находка каменныхъ блюде и аналогіи между костяными напершьями Каневской группы и Гуляй-города, о чемъ рѣчь была выше.

Однимъ изъ наиболѣе обычныхъ предметовъ, входящихъ въ составъ инвентаря оренбургскихъ погребеній, являются *зеркала*. Зеркала имѣются разныхъ типовъ. Сравнительно рѣдко, какъ мы видѣли, попадаются типичныя іонійскія зеркала съ ручкой, кончающейся изображеніемъ животнаго или головы животнаго, зеркала, являющіяся типичной особенностью скиѣскихъ погребеній, начиная съ предѣловъ крайняго запада Венгріи и кончая Передней Азіей. Господствуетъ, однако, круглое зеркало изъ сплава съ короткой плоской ручкой, которая врядъ-ли была только стержнемъ, прикрѣпленнымъ къ зеркалу костяною или деревянною рукоятку: никакихъ слѣдовъ приклепки мы на этихъ ручкахъ не имѣемъ ²⁾. Въ одномъ случаѣ мы имѣемъ гладкое зеркало съ возвышающимся краемъ безъ всякой ручки, очевидно, вставлявшееся въ деревянную оправу; въ другомъ зеркало съ возвышающимся ободкомъ и ручкой въ видѣ стержня, кончающагося кольцомъ.

Вопросъ объ эволюціи формы зеркалъ въ степяхъ юга Россіи и прилегающихъ азіатскихъ областяхъ, какъ и большинство подобнаго рода вопросовъ, едва поставленъ

¹⁾ Интересное блюдо того же типа, т. е. въ видѣ удлиненнаго овала съ ручкой на узкомъ концѣ (въ данномъ случаѣ ручка имѣетъ форму грубо изваянной головы барана), найдено въ одномъ скиѣскомъ погребеніи, на этотъ разъ V—IV в. до Р. Хр., около Журовки, см. Бобринской, *ИАК.*, 17, стр. 94, рис. 31; *ОАК.*, 1904, стр. 106, рис. 199.

²⁾ Характерно, что единственное зеркало съ обломанной ручкой и дырками для прикрѣпленія къ ней деревянной или костяной обкладки найдено въ Покровкѣ, т. е. принадлежитъ времени болѣе раннему, чѣмъ Прохоровскія курганныя погребенія Оренбургскаго края.

въ наукѣ. Матеріалъ собранъ случайно и нигдѣ полностью не сопоставленъ. То, что мы знаемъ въ данный моментъ, сводится къ нижеслѣдующему ¹⁾.

Зеркала, найденныя на югѣ Россіи, раздѣляются на слѣдующія главныя категоріи:

1) Зеркала, ввезенныя изъ Греціи, или сработанныя въ мастерскихъ греческихъ городовъ по греческимъ образцамъ. Любимой формой были круглыя мѣдныя зеркала съ ручкой изъ того же куска металла, кончающейся изображеніемъ звѣря или головы звѣря (чаще всего барана). Фармаковскій убѣдительно доказалъ, что прототипомъ этихъ зеркалъ были зеркала іонійскія; но распространеніе ихъ по всей сферѣ культурнаго скийскаго уклада показываетъ, что зеркала эти не только ввозились въ греческіе города юга Россіи, но и изготовлялись тамъ для скийскихъ покупателей ²⁾.

2) Зеркала съ приклепанной прямой ручкой греческаго типа, но, несомнѣнно, мѣстной выдѣлки, деревянной или костяной, иногда металлической (примѣры у Бобринскаго, *Ил.*, 70, типъ В). Очень характернымъ образчикомъ греческаго зеркала съ приклепанной мѣстной ручкой, украшенной въ звѣриномъ стилѣ, можетъ служить зеркало изъ Куль-обы, находившееся при женскомъ оловѣ (см. *ДБК.*, XXXI, 7; *Minns*, стр. 201, рис. 95; *МАР.*, 34, табл. V, 5).

3) Зеркала съ вертикальной ручкой, укрѣпленной на задней сторонѣ зеркала. Этотъ типъ характеренъ для погребеній средняго Приднѣпровья того типа, который наиболѣе богато и характерно представленъ курганными погребеніями Каневского у. и поздними погребеніями Полтавской группы.

Кромѣ примѣровъ, приведенныхъ у Бобринскаго (*ibid.*, 71), укажу еще на зеркало изъ кург. № 35 Бобринскаго могильника (Бобринской, Кург. III, 113, рис. 62 и табл. XIX, 11; *Др. П.*, III, табл. LVII о) съ приподнятымъ краемъ на обратной сторонѣ и вертикальной ручкой, состоящей изъ стержней, увѣнчанныхъ кружкомъ съ изображеніемъ животнаго. Уже давно отмѣчено, что типъ этотъ характеренъ для Китая и Минусинскаго округа, а также прилегающихъ мѣстностей. Не можетъ быть сомнѣнія, что онъ идетъ изъ Азіи, но мѣсто его зарожденія до сихъ поръ установлено быть не можетъ. Появленіе его въ сравнительно ранней могилѣ (на это ука-

¹⁾ О зеркалахъ, найденныхъ въ такъ называемыхъ скийскихъ курганахъ, Бобринской, Кург. 67 слл., даетъ тщательное и обильное сопоставленіе матеріала и литературу вопроса. Дополненіемъ могутъ служить сопоставленія Фармаковскаго, *Арх. пер. въ Россіи*, стр. 26 слл., подобравшаго весь матеріалъ, касающій греческихъ архаическихъ зеркалъ, найденныхъ въ Ольвіи и приднѣпровской Скии. Келермесское зеркало (безъ ручки) разобрано было въ докладѣ (неизданномъ) С. А. Жебелева на археологическомъ съѣздѣ въ Афинахъ; нынѣ это зеркало и родственныя матеріалы разрабатываются Б. В. Фармаковскимъ. Для болѣе поздняго періода, спеціально для зеркалъ съ ручкой или скобой на задней сторонѣ—форма, тѣсно связанная съ китайскими зеркалами,—см. *Bela Posta, Die kaukasischen und mittelasiatischen Reisen des Grafen E. Zichy, II: Beschr. der archaeologischen Sammlung*, 505 сл.; его же *AS. 136* слл.; *Fr. Hirth, Chinese metallic mirrors, Boas anniversary volume, New York, 1906*; о минусинскихъ зеркалахъ А. М. Tallgren, *Coll. Tavostine*, 55 слл.

²⁾ О другихъ формахъ греческихъ зеркалъ съ отдѣльно сработанными ручками и совѣмъ безъ ручекъ, находимыхъ и въ степяхъ юга Россіи, см. Фармаковскій, *Арх. пер.* 26 сл. и 33, ср. *A. de Ridder, st. Speculum у Dagemborg-Saglio-Pottier, Dict. d. antiquités, IV, 1922* слл.; *Minns, Scythians and Greeks*, 65 сл. (съ указаніемъ литературы). Обычай класть зеркало почти во всѣ скийскія погребенія—мужскія и женскія—объясняется, по всей вѣроятности, не только распространенностью зеркалъ въ домашнемъ обиходѣ, но и религіознымъ значеніемъ, которое придавалось зеркалу, какъ таковому.

зываютъ типы золотыхъ бляшекъ головного убора и мѣстная посуда такъ называемаго скиѣскаго типа) Каневской группы очень характерно. Характерно также и то, что въ Оренбургской группѣ погребеній онъ не встрѣчается, но отмѣченъ Тальгреномъ въ погребеніяхъ Пустой Морквашки въ Казанской губ. (см. Tallgren, Suomen Museosta, 1916, 60, рис. 7; Coll. Tovostine, 50—конецъ бронзоваго вѣка).

4) Зеркала по большей части не изъ мѣди или бронзы, а изъ сплава, со скобой на оборотной сторонѣ и часто съ геометрическими рельефными орнаментами на той же сторонѣ. Объ этихъ зеркалахъ см. указанныя выше работы Vela Posta и Тальгрена. На югѣ Россіи онѣ типичны для эпохъ римской имперіи, но не характерны ни для оренбургской, ни для кубанской группы.

Зеркала оренбургской группы ни въ одну изъ выше указанныхъ категорій не входятъ. По типу они ближе всего стоятъ къ типу греко-скиѣскому, но отличаются отъ него какъ составомъ металла, такъ и формой ручки. Характерны и типичны также ободки или повышенные края нѣкоторыхъ изъ этихъ зеркалъ. Ближайшую аналогію оренбургскія зеркала находятъ себѣ въ кубанской группѣ кургановъ эллинистическаго времени. Къ сожалѣнію, количество изданныхъ и точно описанныхъ экземпляровъ изъ находокъ Н. И. Веселовскаго ничтожно. Въ общемъ описаніи своихъ находокъ онъ также не даетъ точныхъ указаній на типъ и характеръ зеркалъ. „Бронзовые зеркала, говоритъ онъ (Кург. Куб. обл., стр. 20), попадались въ мужскихъ (рѣдко), женскихъ и дѣтскихъ погребеніяхъ. Одни изъ зеркалъ очень большихъ размѣровъ въ родѣ тѣхъ, которыя изготовлялись въ классическій періодъ; одно имѣло серебряную оправу (Ярославскій кург.)¹⁾; но встрѣчаются и маленькія. Какъ тѣ, такъ и другія, изготовлялись или изъ красной мѣди, или изъ бѣлой, серебристой бронзы. Последнія указываютъ на поздній періодъ, именно послѣ Р. Хр.“

Отдѣльные отчеты о раскопкахъ отнюдь не дополняютъ этого описанія. Вездѣ (*ОАК.*, 1899, 45 и 49; 1900, 42; 1901, 83; 1903, 70, 169 и др.) мы имѣемъ голое упоминаніе безъ описанія и рисунковъ, безъ указанія даже, имѣлась ли ручка и какой она была формы. При этихъ условіяхъ какіе бы то ни было выводы были бы рискованны.

Къ счастью, въ трехъ случаяхъ имѣются рисунки, изъ которыхъ мы усматриваемъ, что зеркало знаменитаго Зубовскаго кургана (*ИАК.*, 1, 102, рис. 25) и зеркало одного Армавирскаго кургана (*ОАК.*, 1903, 63, рис. 102) очень близки и по формѣ, и по матеріалу къ зеркаламъ оренбургскимъ.

Въ обоихъ случаяхъ имѣется поднятый ободокъ и короткая ручка, сдѣланная изъ того же куска металла. Ручка эта, правда, предназначена была для укрѣпленія ея въ деревянную или костяную оправу, какъ это видно изъ оставленной въ ней дырки. Этого признака мы, какъ сказано, въ нашихъ зеркалахъ не имѣемъ. Отмѣчу

¹⁾ См. *ОАК.*, 1896, 57 рис. 280а и б (обломки серебрянаго футляра). Ни форма зеркала, ни величина его не указаны.

также, что поверхность, по крайней мѣрѣ, одной стороны указанныхъ зеркалъ не гладкая, какъ у зеркалъ изъ оренбургскихъ степей, а нѣсколько приподнятая къ центру. Не есть-ли это вліяніе китайскихъ зеркалъ съ ушкомъ на оборотѣ? Тѣмъ не менѣе, зеркала оренбургскія и кубанскія очень близки одни къ другимъ. Иной типъ даетъ третье изображенное зеркало изъ знаменитой Ахтанизовской находки, вещи которой составляютъ связующее звено между кубанской группой кургановъ съ одной стороны, кievской каневской съ другой и скиѣскими курганами IV—III в. до Р. Хр., главнымъ образомъ изъ таманской группы. Зеркало это (*ОАК.* 1900, 107, рис. 207) гладкое, круглое, безъ ручки ¹⁾.

Съ кубанскими, а черезъ нихъ съ оренбургскими зеркалами надо сблизить и два зеркальца, найденныя Трефиловымъ въ Купянскомъ у. Харьковской губ. (*Тр. XII арх. съѣзда*, I, 138, рис. 22); общій характеръ инвентаря этого погребенія ближайшимъ образомъ напоминаетъ инвентарь кубанскихъ. Интересно, что этого же типа зеркала составляютъ особенность нѣкоторыхъ погребеній Кавказа, близкихъ къ позднекубанскимъ, хотя здѣсь мы уже замѣчаемъ опредѣленный переходъ къ китайскому типу съ рельефными украшениями на оборотѣ (см. могильникъ Корца, *Мат. по арх. Кавказа*, VIII, табл. LXXV, 7 и 12).

И здѣсь, такимъ образомъ, наиболѣе вѣроятнымъ кажется предположить прямое развитіе оренбургскихъ и кубанскихъ зеркалъ изъ эллино-скиѣскихъ, но не исключена возможность появленія этого типа извнѣ, какъ на то, можетъ быть, указываетъ преобладаніе особаго сплава, какъ матеріала для зеркалъ, и поднятіе краевъ зеркала.

Характерно, что зеркала того же типа попадаются въ курганахъ Сибири, время которыхъ до сихъ поръ съ точностью не выяснено. Мы имѣемъ ихъ среди находокъ Аспелина въ шесскихъ курганахъ (по р. Тубѣ, см. *Bela Posta, AS.*, 400, рис. 231, 16; ср. Tallgren, *Coll. Tovostine*, 56) и среди вещей изъ раскопокъ Чугунова около Томска (*Bela Posta, II.*, 413, рис. 238) ²⁾.

Наконецъ, остановлюсь еще на *золотыхъ нашивныхъ бляшкахъ* оренбургскихъ находокъ. Однимъ изъ наиболѣе яркихъ отличительныхъ признаковъ много разъ уже упоминавшейся кубанской группы кургановъ является почти полное и внезапное исчезновеніе золотыхъ нашивныхъ бляшекъ скиѣскихъ кургановъ и замѣна ихъ нашивными же золотыми бляшками, но совершенно новыхъ типовъ. Монетообразныя бляшки, бляшки съ изображеніемъ человѣческихъ головъ, божествъ греческаго или полугреческаго пантеона, реальныхъ и фантастическихъ звѣрей и ихъ частей, бытовыхъ и религіозныхъ сценъ, бляшки въ видѣ греческихъ растительныхъ орнаментовъ—пальметокъ и т. п.—въ кубанской группѣ не представлены.

¹⁾ Въ личной бесѣдѣ Н. И. Веселовскій (нынѣ покойный) сообщилъ мнѣ, что большинство кубанскихъ зеркалъ сдѣлано изъ сплава и что въ Екатеринодарскомъ музеѣ имѣются зеркала и съ плоской ручкой типа оренбургскихъ. Зеркало, вполне аналогичное армавирскому, найдено было въ Норкѣ Саратовской губ. (*ОАК.* 1895, 32, рис. 67). Въ поздней датѣ погребеній я сомнѣваюсь. Фибулы, насколько можно судить по рисункамъ (рис. 64 и 65), ранѣе римскаго времени.

²⁾ Ср. *ОАК.* 1896, 101, рис. 402 (около с. Спасскаго, Каинскаго уѣзда).

Не представлены и бляшки чисто орнаментальныя — треугольники съ зернью, тройные кружки и под. Въмѣсто нихъ появляются бляшки гораздо болѣе мелкихъ размѣровъ, изъ болѣе тонкаго золота и совершенно иныхъ типовъ. Типы эти—это можно утверждать съ полной увѣренностью—ничего общаго съ греческимъ міромъ не имѣютъ, всѣ они ведутъ насъ либо въ предѣлы ассиро-вавилонскихъ переживаній, либо въ Переднюю Азію и въ Индію. Здѣсь не мѣсто подвергать анализу всѣ отдѣльные разнообразныя типы. Укажу только въ видѣ примѣра на бляшки, имитирующія зубцы восточныхъ крѣпостныхъ сооруженій, на бляшки въ формѣ треугольника съ шариками на концахъ, на такія же бляшки въ формѣ буквы W, на бляшки лиліеобразныя, въ формѣ лиры, миндалевидныя съ двумя кружками наверху, въ формѣ четырехлепестковой розетки, отнюдь не греческаго типа, въ формѣ свастики, сердцеобразныя, наконецъ, въ формѣ тамги и т. д. Многія не поддаются описанію.

Большой ассортиментъ ихъ даютъ многія кубанскія погребенія интересующаго насъ времени, разслѣдованныя Веселовскимъ, знаменитый Новочеркасскій кладъ, Керченское погребеніе эпохи Рескупорида II-го и богатая серія родственныхъ находокъ въ Приволжьѣ, Придоньѣ и Приднѣпровьѣ (всѣ эти находки сопоставлены мною въ упомянутой уже книгѣ «Ислѣдованія по исторіи Скиѣи и Боспорскаго царства»).

Съ этими новыми формами бляшекъ ближайшимъ образомъ связаны болѣе, чѣмъ съ греческими и греко-скиѣскими, бляшки много разъ уже упоминавшейся назаровской находки. Еще ближе къ нимъ, можно сказать, вполне съ ними совпадаютъ двѣ случайныя находки изъ Оренбургской области, уже упомянутыя выше.

Одна сдѣлана на прискѣ Горлева (Орскаго у., 1-й Бурдзянской ст.) въ шахтѣ на глубинѣ нѣсколькихъ сажень. Одна изъ найденныхъ тамъ бляшекъ (треугольникъ съ тремя кружками на концахъ) очень близка къ бляшкамъ керченскаго погребенія царицы съ маской (*ДБК.* XXIII, 11) и особенно къ бляшкамъ изъ Можаръ, Камышинскаго у. Саратовской губ. (*ОАК.* 1898, стр. 78, рис. 139). Находка въ Можарахъ датирована ранне-римскимъ временемъ, какъ фибулами, такъ и остальными вещами, вполне аналогичными кубанскимъ.

Вторая находка сдѣлана въ курганномъ погребеніи около ст. Каменноозерной, Оренбургскаго уѣзда. Шестъ золотыхъ бляшекъ даютъ одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ типовъ кубанскихъ бляшекъ—мелкія и болѣе крупныя бляшки въ формѣ V съ кружками на концахъ. Такія же найдены въ керченскомъ погребеніи съ маской (*ДБК.* XXII, 23, 24), на Кубани въ юртѣ Тифлисскаго у. (*ОАК.* 1902, 65, рис. 134), тамъ же въ ст. Некрасовской (*ОАК.* 1906, 92, рис. 118) и во многихъ другихъ погребеніяхъ того же времени и характера.

По характеру техники и по орнаментальной трактовкѣ въ ту же серію входятъ и бляшки назаровской находки, отличающіяся только болѣе крупными размѣрами. И такія болѣе крупныя бляшки квадратной или прямоугольной формы, въ основѣ орнаментаціи которыхъ лежитъ идея розетки, но розетки сильно отличающейся отъ обычной греческой, не чужды кубанской группѣ. Укажу на бляшку изъ курганнаго погребенія

около ст. Казанской (ОАК. 1902, 76, рис. 139) и еще болѣе на большую неполностью сохранившуюся бляшку изъ кургана ст. Тифлисской (ОАК. 1908, 119, рис. 170) ¹⁾.

Очень любопытно, что аналогичная орнаментация играетъ чрезвычайно крупную роль на бляшкахъ и привѣскахъ изъ Венгрии изъ эпохи такъ называемой четвертой группы Гампеля, т. е. эпохи захвата Венгрии кочевыми тюркскими племенами; см. Hampel, *Alterth. des fr. Mittelalters in Ungarn*, I, 743 слл.; на параллели, найденныя въ Россіи, указаль *Bela Posta, AS.*, стр. 39 слл. Основа этой поздней орнаментики лежитъ несомнѣнно въ вещахъ интересующей насъ эпохи и типовъ.

Добавлю, наконецъ, еще нѣсколько замѣчаній по поводу выше разобранныхъ золотыхъ серегъ назаровской находки. Я уже говорилъ, что точныхъ аналогій для этихъ серегъ я не знаю. Ихъ грубая работа и архаическій обликъ говорятъ за сравнительно раннее время.

Сравнительно далекую, но все же поучительную аналогію для этихъ серегъ даютъ нѣкоторыя серьги изъ витзеновскихъ находокъ, особенно изображенныя на табл. II, С и на табл. О слѣва ²⁾. И здѣсь мы имѣемъ огромное грубое кольцо для подвѣшанія, конусообразную основу, филигранныя и проволочныя украшенія. Къ сожалѣнію, дата многочисленныхъ серегъ, изображенныхъ Витзенемъ, опредѣленію не поддается.

Въ заключеніе скажу еще нѣсколько словъ о *керамикѣ*. Къ сожалѣнію, данныя о ней наиболѣе скудны и неопредѣленны. Въ данный моментъ мы имѣемъ ясное представленіе только объ одномъ типѣ горшковъ, экземпляры которыхъ дали прохоровскіе и красногорскіе курганы. Это хорошо обожженные горшки съ широкимъ горломъ и плоскимъ дномъ, съ округлымъ брюшкомъ и, можетъ быть, двумя ручками изъ желтой глины. Сработаны они, какъ кажется, на гончарномъ кругѣ. Характерной ихъ особенностью является примитивный штриховой нарѣзной геометрической орнаментъ на плечикахъ, любимымъ мотивомъ котораго были треугольники.

Характерно, что аналогіи даютъ позднія погребенія около Абакана, такъ называемыя киргизскія гробницы (Радловъ, *ЗРАО.*, VII, табл. XXVII, 3). Впрочемъ, я долженъ сознаться, что оренбургской керамикой, за отсутствіемъ матеріала, я занимался мало, хотя и сознаю всю важность этого матеріала. Надо надѣяться, что изслѣдователи обратятъ болѣе вниманіе на эту важную часть погребальнаго инвентаря и опубликуютъ въ описаніяхъ и рисункахъ большее количество черепковъ и сосудовъ (ср. рис. 38 — сосудъ изъ раскопокъ С. И. Руденка въ Тюканевѣ, довольно близкій къ интересующимъ насъ, но болѣе грубаго типа).

Рис. 38. Глиняный сосудъ изъ Тюканева (раск. С. И. Руденка).

¹⁾ Интересна довольно близкая параллель, указанная Кизерицкимъ въ его рукописныхъ замѣткахъ къ каталогу никопольскаго зала, параллель характернымъ образомъ кипрская, см. *Ohnefalsch-Richter*, *Kurgov*, XXV, 4; *Jabrh. d. arch. Inst.* 1887, табл. 8 (изъ Marion, Arginoo). Очень близка и бляшка изъ числа присланныхъ въ Эрмитажъ гр. Перовскимъ, найденныхъ на Тамани, *ДБК.*, XXII, 12.

²⁾ Радловъ, *Сиб. др.*, I, 3, стр. 131 и 133.

VI. В Ы В О Д Ы.

Произведенный выше анализ показалъ, во-первыхъ, что среди оренбургскихъ курганныхъ погребеній Покровскіе курганы стоятъ нѣсколько обособленно. Старые типы конскаго убора, старые типы золотыхъ нашивныхъ бляшекъ абсолютно чужды основной группѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Покровскіе курганы, будучи очень близки къ скинскимъ курганамъ перваго періода (VI—IV в. до Р. Хр.), тѣмъ не менѣе сохраняютъ свои специфическія особенности, не находящія себѣ исчерпывающихъ параллелей въ южно-русскихъ курганныхъ погребеніяхъ названнаго періода. Этими соображеніями устанавливается, до нѣкоторой степени, ихъ время (не позже V—IV в. до Р. Хр.), а это опредѣленіе времени, въ свою очередь, подтверждается анализомъ ахеменидской печати, найденной во второмъ погребеніи. Какъ уже было указано, врядъ-ли эту печать можно датировать временемъ болѣе позднимъ, чѣмъ IV в. до Р. Хр.

Совершенно иную картину даетъ господствующая масса оренбургскихъ кургановъ, объединяемая въ одну группу, какъ обрядомъ погребенія и типомъ погребальнаго сооруженія, такъ и родствомъ погребальнаго инвентаря. Главнымъ связующимъ звеномъ являются типичныя для азіатскаго военнаго уклада трехгранныя бронзовыя, рѣже желѣзныя, стрѣлы.

Ими, однако, время всей группы не опредѣляется. Формы наконечниковъ стрѣлъ мѣняются медленно, и точнаго ихъ анализа мы до сихъ поръ не имѣемъ. Хронологическое опредѣленіе дается, поэтому, анализомъ другихъ частей инвентаря.

Анализъ этотъ, какъ было сказано, затрудняется тѣмъ, что греческая торговля, очевидно, въ интересующія насъ мѣстности не заходила. Во всякомъ случаѣ, самый тщательный пересмотръ всѣхъ составныхъ частей инвентаря оренбургскихъ погребеній не далъ намъ ни одной вещи, греческое происхожденіе которой могло бы быть признано хотя бы вѣроятнымъ.

Керамика отсутствуетъ совершенно. Драгоценныя вещи ничѣмъ не выдають своей связи съ Элладой. Все оружіе отнюдь не указываетъ на какую-либо связь съ эллинизмомъ. Всѣ уловимыя связи ведутъ не на западъ, а на востокъ и на юго-востокъ. Этими, до извѣстной степени, масса оренбургскихъ кургановъ отличается и отъ покровскихъ кургановъ той же группы. Для этихъ послѣднихъ можно было бы доказывать происхожденіе изъ черноморскихъ эллинскихъ центровъ какъ золотыхъ бляшекъ, такъ и цвѣтнаго, такъ называемаго финикійскаго стекла. Мнѣ лично это происхожденіе представляется мало вѣроятнымъ, и я склоненъ былъ бы думать объ иранскомъ пути, но доказать это было бы, конечно, затруднительно. Въ иномъ положеніи мы находимся по отношенію къ прохоровскимъ и родственнымъ имъ курганамъ. Культурный обиходъ этой группы стоитъ далеко не одиноко. Онъ связанъ какъ съ западомъ, такъ и съ сѣверомъ и съ востокомъ. Ближайшее родство мы установили и съ среднимъ Приднѣпровьемъ, и съ Прикубаньемъ, и съ восточной Россіей, и съ Сибирью, какъ приуральской, такъ и степной минусинской и алтайской.

При этомъ связи эти устанавливаются какъ разъ при помощи тѣхъ предметовъ, которые во всѣхъ названныхъ областяхъ стоятъ внѣ эллинскаго вліянія и должны быть отнесены всецѣло къ вещамъ, характернымъ для восточнаго уклада.

Такъ, въ предметахъ вооруженія мы установили исключительно формы, ничѣмъ не связанныя съ эллинизмомъ, а представляющія комбинацію различныхъ мотивовъ, типичныхъ для специфически скийскаго уклада, съ мотивами общеевропейской преемственности, европейское происхождение которыхъ отнюдь не можетъ быть доказано.

Единственнымъ спорнымъ пунктомъ можно было бы считать происхождение обкладокъ ноженъ прохоровскаго кинжала. Техника и стиль ихъ орнаментаціи сдѣлались типичными для орнаментальнаго стиля всей Европы въ эпоху римской имперіи, для такъ называемаго провинціального стиля. Какъ извѣстно, Ригль ищетъ происхожденія этого новаго полихромнаго стиля на базѣ главнымъ образомъ геометрическихъ орнаментовъ такъ называемаго доисторическаго стиля, съ сравнительно незначительной примѣсью античной классической орнаментики, въ измѣнившейся художественной психологіи населенія Европы. Не стану отрицать важности и рѣшающаго значенія этого момента для пониманія широкаго распространенія этого стиля, но вопросъ объ его происхожденіи еще не рѣшается.

Въ вопросѣ же о происхожденіи всѣ исторически мыслящіе изслѣдователи согласно указываютъ на Востокъ и для данной эпохи на иранскій востокъ, какъ на колыбель новаго или, лучше, возрожденнаго стараго стиля, и на степи южной Россіи, а черезъ нихъ на Пантикапей, гдѣ греческій геній предварилъ новый стиль и слилъ его съ классическими традиціями, какъ на распространителей и проводниковъ новаго стиля.

Въ тѣсный контактъ съ новымъ стилемъ Пантикапей вошелъ черезъ посредство того населенія, которое утвердилось въ эпоху ранняго и поздняго эллинизма на Кубани и на Тамани и которое, войдя въ тѣсныя и постоянныя связи съ Боспорскимъ царствомъ—связи политическія, культурныя и торговыя, стало диктовать пантикапейской промышленности свои условія, заставило ее работать въ своемъ духѣ и согласно своимъ вкусамъ. Повторилась та же исторія, которую когда-то пережили греческія колоніи Черноморья въ эпоху господства скивовъ, которые также заставили грековъ работать на себя и претворить восточныя формы въ новый греко-иранскій стиль. Характерно, однако, что въ эту эпоху доминирующую роль играютъ всетаки греко-восточныя формы и греческая техника, подчиняющія себѣ заказчиковъ. Для болѣе поздней, ближайшимъ образомъ насъ интересующей эпохи, отношеніе измѣнилось и преобладающими стали элементы восточныя и доисторическія.

Оренбургскіе оклады ноженъ кинжаловъ и мечей тѣмъ и интересны, что, вмѣстѣ съ разобранными выше находками, даютъ намъ ранніе образцы новаго стиля, находящіе себѣ наиболѣе полную аналогію въ наиболѣе раннихъ вещахъ новаго обихода, извѣстныхъ намъ по нѣкоторымъ находкамъ въ Керчи, главнымъ же образомъ по находкамъ въ курганахъ около Анапы, на Тамани (Артюховскіе курганы, Ахтанизовка, Буерова могила) и на Кубани (Курджипсъ, Сѣверская стан., Мерджаны).

То же мы наблюдаемъ и для остальныхъ вещей инвентаря оренбургскихъ погребеній. Мы отмѣтили рядъ совпаденій какъ съ среднимъ Приднѣпровьемъ, такъ и съ Кубанью эпохи поздняго эллинизма и римскаго времени. Всѣ эти совпаденія, однако, касаются вещей, не стоящихъ подъ греческимъ вліяніемъ. Напомню характерныя шейныя гривны, подѣлки изъ кости, каменные сосуды, зеркала, бусы.

Очень типично, что вездѣ, гдѣ мы застаемъ элементы орнаментаціи такъ называемаго звѣринаго стиля, мы встрѣчаемся не съ тѣмъ, пропитаннымъ іонизмомъ звѣринымъ стилемъ, характернымъ для скиѣскихъ погребеній IV—III в. до Р. Хр., а съ модификаціей стараго архаическаго звѣринаго стиля, объединяющей въ одну группу кубанскія вещи, главнымъ образомъ, части поясного набора, вещи Новочеркасскаго кладя, такъ называемыя сибирскія золотыя вещи и нѣкоторыя вещи минусинскихъ находокъ. Къ этой группѣ всецѣло примыкаютъ и типичныя вещи звѣринаго стиля оренбургскихъ кургановъ: Прохоровская гривна, назаровская ложка, наконецникъ съ головой львицы оттуда же, наверхья въ формѣ роговъ и каменные блюда на ножкахъ. Вездѣ мы встрѣчаемся съ тѣмъ же самобытнымъ звѣринымъ стилемъ, органически не связаннымъ съ эллинизованнымъ звѣринымъ стилемъ и могуче вліяющимъ на культуру центральной и восточной Россіи и Сибири. Въ высокой степени показательны для характеристики оренбургскаго культурнаго уклада золотыя нашивныя бляшки новыхъ типовъ, о которыхъ рѣчь была выше. Эти бляшки чужды еще среднему Приднѣпровью въ моментъ появленія тамъ новыхъ элементовъ культурнаго обихода, сближающихъ нѣкоторые курганы средняго Приднѣпровья съ оренбургской и кубанской группами, т. е. въ концѣ IV-го и въ III вѣкѣ. Въ бассейнѣ Днѣпра эти бляшки приходятъ позднѣе вмѣстѣ со всѣмъ типичнымъ укладомъ кубанской культуры, какъ показываетъ находка изъ Цвѣтны, съ переходной ступенью въ лицѣ находокъ, сдѣланныхъ въ Харьковской губ. (см. *Тр. XII арх. съѣзда*, I, 210, табл. XIV, и *ibid.*, 136 слл.). Въ оренбургской группѣ новыя формы нашивныхъ бляшекъ не составляютъ основного показателя. Онѣ встрѣчаются, но спорадически, и не составляютъ такого основного признака культурнаго уклада, какъ на Кубани. Это въ высокой степени показательно и указываетъ на то, что оренбургская группа, родственная средне-приднѣпровской и кубанской, стоитъ, однако, отдѣльно и ни съ одной изъ этихъ группъ не сливается.

Обиліе однотипныхъ погребеній во всемъ Приуральѣ и сосѣднемъ Поволжьѣ дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ, что культурный укладъ этихъ погребеній утвердился здѣсь прочно и существовалъ долго.

Когда онъ здѣсь появился, опредѣлить нелегко. Слишкомъ мало въ нашихъ рукахъ матеріала, слишкомъ мало произведено было научныхъ раскопокъ, чтобы можно было говорить о датѣ съ нѣкоторой долей увѣренности. Наиболѣе древнимъ погребеніемъ, насколько позволяютъ судить аналогіи, является погребеніе, раскопанное Назаровымъ и современное вещамъ западной Сибири поздняго бронзоваго и ранняго желѣзнаго вѣка, а также одновременнымъ погребеніямъ сѣверо-восточной Россіи, группамъ Ананьинской и костеносныхъ городищъ. Золотыя вещи этой находки позво-

ляют датировать ее III—II вѣками до Р. Хр., т. е. временемъ болѣе раннимъ, чѣмъ обычно датируютъ конецъ бронзоваго вѣка въ сѣверо-восточной Россіи и западной Сибири.

Къ этой находкѣ примыкаетъ инвентарь Покровскихъ кургановъ, который въ общемъ, какъ выяснило детальное разсмотрѣніе, входитъ въ ту же серію курганныхъ погребеній восточной Россіи.

Тому же времени принадлежатъ и всѣ тѣ находки, которыя даютъ намъ типичные мечи и кинжалы съ волютнымъ навершьемъ въ звѣриномъ стилѣ и сердцевиной крестовиной въ той или другой ихъ модификаціи. Мечи и кинжалы этого типа въ западной Сибири и на Алтаѣ относятся какъ разъ къ поздне-бронзовому и ранне-железному вѣку и къ тому же времени относятся ихъ экземпляры, найденные въ южной Россіи.

Не разнятся отъ этихъ погребеній по типу и характеру, но, несомнѣнно, различны по времени курганы Прохоровскіе. Мы видѣли, что анализъ найденныхъ въ нихъ вещей сближаетъ ихъ съ погребеніями переходнаго времени (III—II в. до Р. Хр.) на Кубани и Тамани, а также въ Приднѣпровьѣ, и одновременно съ погребеніями кубанскими поздне-эллинистическаго и римскаго времени, которыя въ свою очередь составляютъ одну группу съ поздними вещами западной Сибири, представленными, главнымъ образомъ, золотыми вещами Эрмитажа.

Прохоровскіе курганы, однако, старше этихъ послѣднихъ. Въ нихъ не замѣтно греческаго вліянія, которое ярко сказывается на Кубани, не замѣтно и того сочетанія съ іонійскимъ звѣринымъ стилемъ, которое характеризуетъ западно-сибирскія золотыя вещи.

Всѣ эти соображенія заставляютъ думать, что Прохоровскіе курганы одновременны переходнымъ курганамъ Кубани и Тамани III—II в. до Р. Хр., что подтверждается анализомъ серебряныхъ блюдецъ и ихъ надписей, единственныхъ вещей въ находкѣ, которыя позволяютъ установить, хотя-бы приблизительно, абсолютную дату.

Какъ долго существовалъ охарактеризованный культурный укладъ въ оренбургскихъ степяхъ, мы не знаемъ. Находки въ оренбургской области мелкихъ золотыхъ бляшекъ кубанскаго типа позволяютъ думать, что онъ жилъ здѣсь вплоть до эпохи римской имперіи, но какъ долго и съ какими измѣненіями, мы этого въ данный моментъ опредѣлить не можемъ.

Крупное значеніе оренбургскихъ находокъ состоитъ въ томъ, что онѣ позволяютъ намъ составить себѣ довольно ясное представленіе о культурномъ укладѣ всей восточной Россіи, западной Сибири и Алтая въ такъ называемую классическую эпоху, т. е. тогда, когда на югѣ Россіи царила скисская государственность и такъ называемая скисская культура.

Мы видимъ, что восточныя области не составляютъ одного цѣлага съ южной Россіей и живутъ своею самостоятельной жизнью. И здѣсь господствующимъ классомъ являются кочевники-воины, конные рыцари, но весь укладъ ихъ жизни суще-

ственно отличенъ отъ уклада жизни скиѣской знати. Жизнь здѣсь проще и бѣднѣе, не видно тѣхъ сложныхъ культурныхъ вліяній, которыя оплодотворяютъ степи южной Россіи, нѣтъ той массы золота и серебра, нѣтъ того богатаго греческаго ввоза, который такъ типиченъ для степей юга Россіи въ ту же эпоху. И обрядъ погребенія проще, менѣе громоздокъ, тяжелъ и жестокъ. Нѣтъ человѣческихъ жертвоприношеній, нѣтъ массовыхъ конскихъ гекатомбъ, нѣтъ пышныхъ погребальныхъ кортежей съ тяжелыми и роскошными колесницами, хотя погребенія коня съ человѣкомъ и не необычны.

Если присмотрѣться къ основамъ культурнаго уклада, то, прежде всего, бросается въ глаза близкая связь съ Ираномъ. Весь ввозъ цѣнныхъ вещей идетъ оттуда: блюда, печати, подвѣски, ожерелья, нашивныя бляшки—все это, насколько мы можемъ судить, иранское. Въ основѣ своей иранскимъ является и вооруженіе, хотя иранскія формы здѣсь подверглись довольно значительнымъ измѣненіямъ, которыя, однако, могли произойти и на иранскомъ востокѣ, въ силу естественной эволюціи.

Иранское вліяніе здѣсь гораздо сильнѣе и иранскій укладъ сказывается гораздо ярче, чѣмъ далѣе на сѣверъ и на востокъ—на Алтаѣ, въ Сибири, въ Прикамьѣ. Но база, на которую наслоилось здѣсь иранство, въ общемъ, одинакова во всей области. Такъ, на примѣръ, необычайно устойчива керамика, къ сожалѣнію, впрочемъ, очень плохо намъ извѣстная.

Инвентарь оренбургскихъ погребеній отнюдь не разрѣшаетъ вопроса о генезисѣ звѣринаго стиля. Стиль этотъ здѣсь представленъ слабо, гораздо слабѣе, чѣмъ въ степяхъ юга Россіи, развивается менѣе пышно и менѣе сложно, чѣмъ тамъ. Онъ менѣе богатъ, чѣмъ даже въ западной Сибири, на Алтаѣ и въ Прикамьѣ, гдѣ онъ также не самостоятеленъ въ своей основѣ, но все же имѣлъ свое мѣстное, довольно оригинальное развитіе.

Важность оренбургскихъ находокъ заключается еще и въ томъ, что въ нихъ мы имѣемъ связующее звено между „скиѣской“ культурой степей юга Россіи VI—III в. до Р. Хр. и позднѣйшей культурой тѣхъ же степей эпохи поздняго эллинизма и римскаго времени. Все, что пышно расцвѣтаетъ въ эпоху эллинизма на Кубани и вообще на югѣ Россіи, мы застаемъ въ зародышахъ и зачаткахъ уже въ VI—III в. до Р. Хр. въ оренбургскихъ степяхъ. Одновременно мы видимъ, что тѣ же факторы проникли въ сравнительно раннее время и въ Приднѣпровье, какъ показываютъ группы курганныхъ погребеній около Гуляйгорода и въ Каневскомъ уѣздѣ.

Я имѣю въ виду измѣненный обрядъ погребенія, мѣняющееся вооруженіе, модифицирующійся характеръ нѣкоторыхъ частей убора, на примѣръ, золотыхъ бляшекъ.

Все это позволяетъ думать, что въ курганахъ оренбургской степи хоронились конные наѣзники иранскаго происхожденія, сохранившіе тѣсную связь со своей иранской родиной. Весьма вѣроятно, что они были близко родственны скиѣамъ, но все же довольно рѣзко отъ нихъ отличались.

Я не сторонникъ этнографическихъ гипотезъ, построенныхъ на культурно-исто-

рическомъ матеріалѣ, но весь комплексъ данныхъ позволяетъ, въ данномъ случаѣ, сдѣлать предположеніе, что господствующимъ классомъ населенія въ оренбургскихъ степяхъ въ классическую эпоху были восточные сосѣди скифовъ, такіе же иранцы, какъ и они, выдвигающіеся на первый планъ позднѣе ихъ. Я имѣю въ виду сарматовъ, которыхъ я рѣзко отличаю отъ сарматовъ Геродота и первыя свѣдѣнія о которыхъ мы имѣемъ въ IV в. до Р. Хр., когда они продвигаются вплоть до береговъ Дона.

Это движеніе вызвано было движеніемъ на западъ новыхъ вѣтвей иранскаго племени, которыя, вмѣстѣ со старыми поселенцами оренбургскихъ степей, далеко продвигаются на югъ и на западъ въ эпоху эллинизма и въ римское время. Эти новыя волны сарматовъ принесли съ собою новыя, выработанныя ими на ихъ родинѣ, формы орнамента, возрожденную старую полихромную технику украшенія золотыхъ вещей и, вѣроятно, новый возрожденный звѣриный стиль.

Все это отразилось и на оренбургскихъ погребеніяхъ, хотя укрѣпилось и дало пышный расцвѣтъ не здѣсь, а частью въ западной Сибири, главнымъ же образомъ на Кубани и въ Донской области, гдѣ сарматы обосновались прочно и надолго.

Все эти выводы, пока что, гаданія. Только дальнѣйшее систематическое разслѣдованіе оренбургскихъ погребеній позволитъ опредѣлить, правильны ли они и не требуется ли внести въ нихъ существенныя измѣненія и дополненія.

О НАДПИСЯХЪ НА СЕРЕБРЯНЫХЪ БЛЮДАХЪ.

(Письмо академика П. К. Коковцова къ автору изслѣдованія).

Предполагая въ ближайшемъ времени посвятить надписямъ на серебряныхъ блюдахъ изъ села Прохоровки особую работу, въ которой постараюсь разобрать детальнѣе всѣ связанныя съ ними палеографическіе и отчасти метрологическіе вопросы, отвѣчаю на обращенный Вами ко мнѣ запросъ нижеслѣдующей краткой сводкой результатовъ моего разслѣдованія обѣихъ надписей.

Надпись, вырѣзанная пунктиромъ на одномъ изъ блюде (табл. I № 1), заключаетъ въ себѣ подъ оболочкой арамейскаго письма чисто персидскій контекстъ:

tašti Athromithr „чаша Атромитра“.

Иранское имя „Атромитръ“ въ своей пехлевійской формѣ *Ātur-Mithr* извѣстно изъ произведеній пехлевійской письменности (см., напр., Nöldeke, *Geschichte d. Perser u. Araber etc.*, стр. 464, со ссылкой на Bahman-Jašt).

Надпись на другомъ блюде (табл. I № 2) представляетъ гораздо большія трудности для прочтенія, такъ какъ состоитъ изъ однихъ цифровыхъ знаковъ и аббревіатуръ. Сопоставленіе съ аналогичной надписью на золотой чашѣ № 949 Эрмитажа (см. изданіе „Восточное серебро“, табл. VII, № 20) не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ обозначеніемъ вѣса чашъ. Разгадка аббревіатуръ облегчалась бы въ значительной степени, если бы были въ точности извѣстны настоящій вѣсъ каждой изъ чашъ. За отсутствіемъ этихъ данныхъ, возможны только одни болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія, о которыхъ распространяться здѣсь считалъ бы не цѣлесообразнымъ. Они будутъ изложены въ моей упомянутой выше работѣ о надписяхъ.

Обѣ надписи писаны тѣмъ общеарамейскимъ письмомъ позднѣйшихъ временъ, наиболѣе древнимъ представителемъ котораго можно считать надписи на монетахъ сатраповъ времени послѣднихъ ахеменидовъ, а наиболѣе позднимъ — пехлевійское письмо двухъ первыхъ серій такъ называемыхъ персеполитанскихъ монетъ (времени аршакидовъ). Если въ отношеніи начертанія большинства буквъ письмо первой изъ нашихъ надписей почти тождественно съ письмомъ киликійскихъ монетъ сатрапа Маздая

(361—333 до Р. X.), какъ и относящихся, повидимому, къ той же эпохѣ іеранольскихъ монетъ Абдъ-Хадада, то весьма характерное начертаніе начальной буквы въ имени Athromithr,—усматривать ли въ ней семитическій аин въ его набатейско-пальмирской и еврейской квадратной формѣ, или же, что, можетъ быть, болѣе вѣроятно, семитическій алеф въ его пехлевійской формѣ,—приближаетъ надписи на блюдахъ изъ села Прохоровки къ эпохѣ возникновенія пальмирскаго письма, гестиве возникновенія древнѣйшаго пехлевійскаго письма первыхъ вѣковъ парейнскаго господства, т. е. заставляеть отнести наши надписи къ третьему или даже второму столѣтію до Р. X. Высказаться о датировкѣ надписей съ большей опредѣленностью представляется затруднительнымъ въ виду крайней скудости эпиграфическаго матеріала, имѣющагося для данной эпохи въ распоряженіи арамейской палеографіи.

П. Коковцовъ

24/11 апрѣля 1918.

Рис. 39. Курганъ № 1.

ОПИСАНІЕ СКЕЛЕТОВЪ ИЗЪ ПРОХОРОВСКИХЪ КУРГАНОВЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предметы изъ хищнически раскопанныхъ прохоровскихъ кургановъ, благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ, были спасены отъ уничтоженія почти полностью. Гораздо больше пострадали отъ этихъ раскопокъ кости. Изъ двухъ наиболѣе интересныхъ для насъ мужскихъ череповъ одинъ (изъ кургана № 1) совершенно утраченъ, другой (изъ кургана № 3) былъ разбитъ на такіе мелкіе куски, что послѣ тщательной реставраціи явилась возможность получить на немъ всего нѣсколько измѣреній. Это особенно досадно, во-первыхъ, потому, что условія для сохранности костей въ прохоровскихъ курганахъ были исключительно благопріятны, и не будь хищническихъ раскопокъ, мы могли бы располагать прекрасными черепами изъ точно датированныхъ кургановъ; во-вторыхъ, потому, что для сужденія о расовомъ типѣ курганнаго населенія мужскіе черепа представляютъ особенную цѣнность. Въ нихъ мы скорѣе можемъ рассчитывать найти типичныхъ представителей изучаемаго племени, чѣмъ въ черепахъ женскихъ. Женщины часто могутъ происходить изъ отдаленнаго племени, отличающагося особымъ физическимъ типомъ и иными культурными особенностями. Кромѣ череповъ, пострадали отъ раскопокъ 1911 года и другія кости скелетовъ, частью поломанныя, частью выброшенныя изъ могилъ и затерянные. Утрата череповъ и нѣкоторыхъ костей особенно непріятна потому, что у насъ въ Россіи скелеты часто безвозвратно гибнутъ не только при хищническихъ раскопкахъ крестьянъ, но и при раскопкахъ квалицированныхъ археологовъ. Большинство

археологовъ сравнительно недавно стало относиться съ бѣльшимъ уваженіемъ къ находимому ими въ могилахъ остеологическому матеріалу, хотя и по настоящее время онъ не такъ часто попадаетъ въ антропологическія лабораторіи и музеи, становясь доступнымъ изученію. Последнее обстоятельство тѣмъ болѣе прискорбно, что человѣческія кости въ значительно бѣльшей степени подвергаются тлѣнію, чѣмъ костяные или металлическіе предметы, не говоря уже о керамикѣ. Достаточно просмотрѣть дневники многочисленныхъ раскопокъ графа А. А. Бобринскаго, съ особеннымъ вниманіемъ относившагося къ остаткамъ скелетовъ чѣловѣка и животныхъ, находимыхъ имъ въ курганахъ, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ рѣдко, особенно въ древнихъ погребеніяхъ, мы находимъ скелеты такой сохранности, чтобы они могли быть изслѣдованы антропологомъ.

За последнее полу столѣтіе подобрался, тѣмъ не менѣе, довольно значительный остеологическій матеріалъ изъ кургановъ южной Россіи и Приуралья, относящихся къ особой эпохѣ и къ опредѣленной культурѣ, къ которой относится и прохоровская группа. Обзорѣніе этого матеріала, выясненіе расовыхъ особенностей населенія, оставившаго послѣ себя упомянутыя погребенія, сопоставленіе этихъ особенностей съ антропологическими признаками курганнаго населенія болѣе позднихъ эпохъ и, наконецъ, современнаго населенія этой области является задачей приготовляемой мною къ печати особой статьи.

Въ настоящемъ очеркѣ я имѣю въ виду дать только описаніе скелетовъ изъ прохоровскихъ кургановъ и ихъ измѣренія. Попутно я сообщаю необходимыя свѣдѣнія о приемахъ измѣренія костей, такъ какъ безъ точнаго обозначенія приемовъ измѣренія немислимы никакія сопоставленія и научные выводы.

Изслѣдуемый матеріалъ.

Въ нашемъ распоряженіи имѣются слѣдующія кости:

	и	ж
Череповъ	1	3
Нижнихъ челюстей	1	3
Лопатокъ	3	5
Ключицъ	1	5
Грудныхъ костей	—	2
Плечевыхъ	3	4
Локтевыхъ	4	1
Лучевыхъ	3	3
Тазовыхъ	3	6
Крестцовыхъ	1	2
Бедренныхъ	2	6
Больше-берцевыхъ	3	4
Мало-берцевыхъ	4	2
Пяточныхъ	3	2
Таранныхъ	—	4
Рѣбра, позвонки и мелкія кости конечностей.		

На приводимыхъ ниже таблицахъ каждый скелетъ будетъ обозначаться одною и тою же буквою: *A*—скелетъ мужчины изъ кургана № 1; *B*—скелетъ женщины изъ кургана № 2 (рис. 1); *B*—скелетъ мужчины изъ кургана № 3 (рис. 2); *Г* и *Д*—скелеты женщинъ изъ основного погребенія кургана № 4 (рис. 3 и 4). Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ двѣ аналогичныя кости принадлежатъ одному и тому же скелету, въ таблицахъ я даю среднія для этихъ двухъ костей. Всѣ размѣры приводятся въ миллиметрахъ.

Возстановленіе роста.

При опредѣленіи роста погребенныхъ были использованы всѣ кости конечностей, которыя были въ моемъ распоряженіи. При этомъ ростъ вычислялся какъ по формуламъ, предложеннымъ Pearson'омъ ¹⁾, такъ и по таблицамъ и приѣмамъ, указаннымъ Manouvrier ²⁾. Въ результатѣ я получилъ слѣдующія данныя для каждаго индивида.

СКЕЛЕТЫ:	<i>A_m</i>	<i>B_ж</i>	<i>B_m</i>	<i>Г_ж</i>	<i>Д_ж</i>	
Число костей	9	8	10	7	5	
Ростъ трупа	1773	1593	1643	1589	1568	} по Manouvrier
Ростъ живого	1753	1573	1623	1569	1548	
То-же	1729	1569	1634	1571	1557	} по Pearson
Средняя роста	1741	1571	1629	1570	1552	

Приведенные выше размѣры роста являются средними, полученными на основаніи опредѣленія роста по каждой изъ имѣвшихся костей. Разницы между размѣрами роста, вычисленными для каждаго въ отдѣльности индивида по способамъ Manouvrier и Pearson'a, настолько малы, что приведенныя данныя мы можемъ считать вполне достовѣрными. Такимъ образомъ, мы видимъ, что мужчина изъ кургана № 1 былъ высокаго роста, а изъ кургана № 3—роста ниже средняго; всѣ женщины, какъ изъ кургана № 2, такъ и изъ кургана № 4, имѣли ростъ выше средняго.

Описательныя особенности череповъ.

Черепъ B_ж изъ кургана № 2. Черепъ развитъ хорошо и вполне нормаленъ. Форма черепа овальная. Надбровныя дуги развиты весьма слабо. Затылочная *linea nuchae superior* развита также слабо. Черепные швы сложные. Принимая номенклатуру, предложенную Р. Броца ³⁾, вѣнечный шовъ слѣдуетъ отмѣтить № 4 (только у брегмы № 1); тѣмъ же № 4 мы отмѣтили стрѣловидный и ламбдовидный швы; послѣдній въ значительной степени облитерированъ. Облитерированъ также и *pterion*.

¹⁾ Pearson, K. Mathematical Contributions to the Theory of Evolution. V. On the reconstruction of the stature of prehistoric races. *Phil. Trans. London*. Vol. 192. A, p. 169. 1899.

²⁾ Manouvrier, L. La détermination de la taille d'après les grands os des membres. *Mém. de la Soc. d'Anthrop.*, Paris, t. IV, 1893.

³⁾ Broca, P. Instructions crâniologiques et crâniométriques. Notions complémentaires sur l'ostéologie du crâne. *Mém. Soc. Anthropol.* Paris, 1875. Sér. 2, t. 2, p. 1.

Sutura frontalis отсутствует; не встрѣчается и сверхкомплектныхъ костей черепныхъ швовъ (ворміевыхъ). Лицевая часть черепа широкая и короткая. Носовое отверстие (*apertura periformis*) съ острымъ, рѣзущимъ нижнимъ краемъ; спинка носа довольно острая. *Fossae caninae* выражены рѣзко. Возрастъ женщины, которой принадлежалъ этотъ черепъ, слѣдуетъ считать преклоннымъ, лѣтъ около 55—60: въ нижней челюсти выпали всѣ коренные зубы, въ верхней коренныхъ осталось только два.

Черепъ Вм изъ кургана № 3. Черепъ развитъ хорошо, но деформированъ (*plagiocéphalia*). Форма черепа приближается къ пятиугольной. Надбровныя дуги сильно развиты и рѣзко выражены. Затылокъ выдается назадъ съ рѣзко выраженнымъ поперечнымъ валикомъ (*torus occipitalis*) на мѣстѣ *linea nuchae superior*. Вѣнечный и стрѣловидный швы довольно сложные, отвѣчающіе № 3 шкалы Брога; у брегмы они облитерированы. Ламбдовидный шовъ очень сложенъ, № 5 по шкалѣ Брога. *Sutura frontalis* отсутствует; на ея мѣстѣ явно выраженный валикъ (гребень). Сверхкомплектныхъ костей черепныхъ швовъ нѣтъ. *Pterion* имѣетъ видъ буквы *H*. Лицевая часть черепа отсутствуетъ. Судя по состоянію зубовъ въ нижней челюсти (коренныхъ по два съ каждой стороны, зубовъ мудрости нѣтъ) и степени ихъ стертости, мужчина, которому принадлежалъ этотъ черепъ, долженъ былъ имѣть лѣтъ 40 или немного больше.

Черепъ Гюс изъ кургана № 4. Развитъ хорошо, нормальный; слабая, возможно посмертная, *plagiocéphalia*. Форма черепа овальная. Надбровныя дуги развиты слабо. Черепные швы очень сложны: вѣнечный и ламбдовидный слѣдуетъ обозначить № 4 шкалы Брога, а стрѣловидный—№ 5. *Pterion* облитерированъ. *Sutura frontalis* отсутствуетъ. Сверхкомплектныя (ворміевы) кости встрѣчаются въ ламбдовидномъ швѣ. Лицевая часть черепа широкая и короткая. Нижний край носового отверстия слегка притупленъ; спинка носа очень острая. *Fossae caninae* выражены рѣдко. Возрастъ этой женщины, судя по сильно стертымъ зубамъ и по количеству выпавшихъ еще при жизни коренныхъ зубовъ (почти всѣхъ), слѣдуетъ считать за 50 лѣтъ.

Черепъ Дюс изъ кургана № 4. Черепъ развитъ хорошо и притомъ вполне нормаленъ. Форма черепа овальная, надбровныя дуги рѣзко выражены только у *glabella*. Затылочная *linea nuchae superior* развита весьма слабо. Черепные швы простые и притомъ въ значительной степени облитерированы; степень ихъ облитерации по Брога выражается № 3 для вѣнечнаго шва, № 1 для стрѣловиднаго и № 2 для ламбдовиднаго. *Sutura frontalis* отсутствуетъ. Сверхкомплектныя (ворміевы) косточки едва замѣтной величины встрѣчаются въ ламбдовидномъ швѣ.

Pterion плохо различимъ вслѣдствіе заростанія швовъ этой области черепной коробки и имѣетъ форму буквы *H*. Лицевая часть черепа широкая и короткая. Нижний край носового отверстия слегка притупленъ; спинка носа острая. *Fossae caninae* выражены умеренно. Зубы сильно стертые, при жизни въ нижней челюсти съ лѣвой стороны сохранились два коренныхъ зуба, а съ правой только одинъ; остальные выпали. Возрастъ женщины, которой принадлежалъ этотъ черепъ, былъ около 50 лѣтъ.

Емкость череповъ. Вместимость мозговой коробки изслѣдуемыхъ череповъ опредѣлялась непосредственнымъ измѣреніемъ по способу Вроса и вычислялась по формуламъ: предложенной г-жей Lee ¹⁾:

$$\begin{aligned} \text{Для } m\text{—наиб. длина} \times \text{наиб. шир.} \times \text{выс. auric.-bregm.} &\times 0,370 + 321,16 \\ \text{Для } ж\text{—наиб. длина} \times \text{наиб. шир.} \times \text{выс. auric.-bregm.} &\times 0,375 + 296,40 \end{aligned}$$

и по формулѣ Manouvrier ²⁾:

$$\begin{aligned} \text{Для } m\text{—(наиб. длина} \times \text{наиб. шир.} \times \text{выс. basio-bregm.)} &: 2,28 \\ \text{Для } ж\text{—(наиб. длина} \times \text{наиб. шир.} \times \text{выс. basio-bregm.)} &: 2,16 \end{aligned} \left. \begin{array}{l} \text{поправка на 100} \\ \text{и 125 к. с.} \end{array} \right\}$$

Такимъ путемъ мы получили слѣдующія данныя, выраженные въ кубическихъ сантиметрахъ:

С К Е Л Е Т Ы:	$B_{ж}$	V_m	$\Gamma_{жс}$	$D_{жс}$
Вместимость чер., получ. непосредств. измѣр.	1375	—	—	1430
„ „ вычисл. по формулѣ Lee.	1249	1433	1553	1458?
„ „ выч. по форм. Manouvrier	1237	1447	1549	—

Согласно приведеннымъ выше даннымъ, емкость черепа V_m мы можемъ считать равной 1440 куб. см., черепа $\Gamma_{жс}$ 1550 и черепа $D_{жс}$ 1440. Нѣсколько сомнительной является только цифра, полученная для черепа V_m . Черепъ этотъ, какъ мы знаемъ, склеенъ изъ отдѣльныхъ кусковъ, и потому за абсолютную точность полученныхъ нами измѣреній поручиться нельзя, а произвести непосредственное измѣреніе емкости по способу Вроса было невозможно. Надо полагать, что полученная нами величина для вместимости этого черепа нѣсколько преуменьшена. Существенныя различія получились для вместимости черепной коробки черепа $B_{жс}$, полученной нами непосредственнымъ измѣреніемъ, и вычисленной емкостью этого черепа. Предпочтеніе слѣдуетъ отдать первой величинѣ, полученной непосредственнымъ измѣреніемъ. Вслѣдствіе исключительной тонкости черепныхъ костей этого черепа, емкость, вычисленная для него по формуламъ Lee и Manouvrier, получилась значительно преуменьшенной.

Переходя теперь къ результатамъ полученныхъ мною измѣреній кривыхъ и различныхъ размѣровъ изслѣдованныхъ череповъ, я считаю излишнимъ останавливаться на описаніи приемовъ измѣренія, такъ какъ техника ихъ точно установлена на международномъ конгрессѣ доисторической археологіи и антропологіи въ Монако. Инструкціи, выработанной этимъ конгрессомъ, я и придерживаюсь въ своихъ изслѣдованіяхъ ³⁾.

Кривыя и окружности черепа.

С К Е Л Е Т Ы:	$B_{ж}$	V_m	$\Gamma_{жс}$	$D_{жс}$
Горизонтальная окружность	499	—	540	530
Лобная часть горизонтальной окружности . .	235	—	245	253
Затылочная часть горизонтальной окружности .	255	—	295	277
Поперечная кривая	302	312?	326	317
Кривая сагиттальная полностью	350	370	—	380
„ „ лобная часть	121	140	128	124
„ „ теменная часть	117	124	122	132
„ „ затылочная часть	112	106	—	124

¹⁾ Цитирую по R. Martin, Lehrbuch der Anthropologie. Jena 1914.

²⁾ L. Manouvrier, Sur l'indice cubique du crâne. C-R. Ass. franç. av. scient. Congr. Reims. 1880.

³⁾ Международныя соглашенія.

По поводу приведенных выше кривых и окружностей можно отметить только, что мозговая часть прохоровских черепов отличается сравнительно большими размерами. При этом особенное внимание обращают на себя относительно большие размеры кривых передней, лобной части черепа. Последнее обстоятельство свидетельствует о преимущественном развитии передних долей мозга, сравнительно с задними.

Главнейшие диаметры собственно черепа.

СКЕЛЕТЫ:	<i>B_{ac}</i>	<i>B_л</i>	<i>Г_{ac}</i>	<i>Д_{ac}</i>
Наибольший передне-задний диаметр	164	182?	178?	185
Инионный передне-задний диаметр	163	180?	—	185
Наибольший поперечный диаметр	145,5	148?	153,5	148
Высота черепа (<i>basio-bregm.</i>)	121	131	—	135
Высота черепа (<i>auric-bregm.</i>)	106,5	119	113	122
Черепной указатель I	88,7	81,3	86,0	80,0
Черепной указатель II	89,3	82,2	—	80,0
Высотн-продольный указатель	73,8	72,0	—	73,0
Высотн-поперечный указатель	83,2	88,5	—	91,2
Смѣшанный высотный указатель	78,5	80,2	—	82,1

Несмотря на то, что только два изъ изслѣдованныхъ нами череповъ сохранились хорошо, на двухъ же другихъ рядъ диаметровъ мы взяли либо съ извѣстной степенью приближенія, либо вовсе не могли взять, изъ выше приведенныхъ данныхъ для насъ несомнѣнны слѣдующіе два факта. Во-первыхъ, въ прохоровской группѣ кургановъ мы несомнѣнно имѣемъ дѣло съ явно короткоголовой (брахицефальной) народностью, причѣмъ ея короткоголовость, нерѣдко выражена весьма сильно (женскіе черепа, скелеты *B_{ac}* и *Г_{ac}*). Во-вторыхъ, помимо короткоголовости эта народность отличалась значительною высотой мозговой части черепа. Всѣ черепа, на которыхъ могла быть измѣрена высота, относятся къ группѣ ортоцефальныхъ, близко приближаясь къ группѣ гипсицефальныхъ.

Измѣренія лобной части черепа.

СКЕЛЕТЫ:	<i>B_{ac}</i>	<i>B_л</i>	<i>Г_{ac}</i>	<i>Д_{ac}</i>
Высота лба	103	114	112	108
Наименьшая ширина лба	91	90	102	100
Наибольшая ширина лба	122	113	126	120
Наименьшая ширина лба, при наибольшемъ поперечномъ диаметрѣ = 100	62,5	60,8	67,0	67,6
Наименьшая ширина лба, при наибольшей ширинѣ лба = 100	74,6	79,6	80,9	83,3
Высота лба, при лобн. части сагитт. крив. = 100	85,1	81,5	87,5	87,1
Наименьшая шир. лба, при скул. діам. = 100	68,4	—	—	71,9
Наибольшая шир. лба, при скул. діам. = 100	91,7	—	—	86,3

Вышеприведенные относительные размеры лобной кости черепа свидетельствуютъ о томъ, что, помимо большой выпуклости лба, особенно рѣзко выраженной на черепкахъ женскихъ, население, оставившее послѣ себя прохоровскіе курганы, отличалось сравнительно узкимъ лбомъ. Эта относительная узколобость проявляется не только при сравненіи ширины лба съ наибольшимъ поперечнымъ діаметромъ черепа, но и при сопоставленіи ея съ наибольшей шириною лица (скуловымъ діаметромъ).

Измѣренія основной части черепа.

С К Е Л Е Т Ы:	<i>B_{эс}</i>	<i>B_м</i>	<i>Г_{эс}</i>	<i>Д_{эс}</i>
Диаметръ носоосновной	88	106	—	102
Ушной диаметръ	128	133	130	130
Длина затылочнаго отверстія	36	33	—	35
Ширина затылочнаго отверстія	30,5	28	—	25
Указатель формы затылочнаго отверстія	84,7	84,8	—	71,4

Диаметры носоосновной (за исключеніемъ черепа *B_{эс}*) разсматриваемыхъ череповъ и, особенно, ушной выражаются достаточно большими величинами; слѣдовательно основанія череповъ въ общемъ широкія.

Что касается затылочнаго отверстія, то оно, при значительныхъ абсолютныхъ размѣрахъ, у двухъ череповъ имѣеть широкую, а у одного (*Д_{эс}*) продолговатую форму.

Лицевая часть черепа, какъ уже указывалось, сохранилась только у трехъ череповъ. Описаніе ея мы начинаемъ съ основныхъ размѣровъ и указателей.

Главнѣйшія измѣренія лицевой части черепа.

С К Е Л Е Т Ы:	<i>B_{эс}</i>	<i>Г_{эс}</i>	<i>Д_{эс}</i>
Высота носо-подбородная	107	105	105
Высота носо-альвеолярная	63	65	62,5
Высота орбито-альвеолярная	37,5	38	33
Скуловой диаметръ (наиб. шир. лица)	133	—	139
Диаметръ альвеоло-основной	82,5	—	89,0
Указатель ширины всего лица	80,5	—	75,5
Указатель ширины анатомическаго лица	47,4	—	45,0
Указатель прогнатизма	93,7	—	87,3

Всѣ высотные размѣры лица изучаемыхъ череповъ весьма небольшіе; напротивъ, наибольшая ширина лица тѣхъ двухъ череповъ, на которыхъ она могла быть измѣрена, большая. Короткая и широкая форма лица особенно ясно подчеркивается лицевыми указателями. Длина основной части лица (диаметръ альвеоло-основной) замѣчательно мала. Поэтому прогнатизмъ череповъ (степень выступанія впередъ нижней части лица череповъ) мало замѣтенъ. Оба черепа относятся къ группѣ ортогнатныхъ.

Измѣренія носовой области черепа.

С К Е Л Е Т Ы:	<i>B_{эс}</i>	<i>Г_{эс}</i>	<i>Д_{эс}</i>
Высота носа	47	51	48,5
Ширина носа	23,5	29	24
Носовой указатель	50,0	56,9	49,5
Ширина носовыхъ костей верхняя	6,5	10,5	10,5
” ” ” средняя	5,5	10	6,5
” ” ” нижняя	17	18,5	14
Длина ” ” боковая	24,5	26,5	27
Указатель носовыхъ костей А	32,3	54,1	46,4
” ” ” В	22,5	37,7	24,1
” ” ” С	69,4	69,8	51,9
Смѣшанный указатель носовыхъ костей	27,4	45,9	35,2

Форма носа у женщинъ, судя по величинѣ носовыхъ указателей, должна была быть короткая и довольно широкая. Принимая номенклатуру Вроса, черепа *B_{эс}* и *Д_{эс}*

слѣдуетъ отнести къ группѣ мезориновъ, а черепъ $\Gamma_{эс}$ —къ группѣ платириновъ (широконосыхъ).

Измѣренія носовыхъ костей, съ вычисленіемъ соответствующихъ указателей производились мною по указаніямъ Manouvrier¹⁾; смѣшанный указатель представляетъ собою полусумму двухъ первыхъ. Вышеприведенные размѣры и соотношенія указываютъ прежде всего на то, что формы носовыхъ костей въ изучаемыхъ нами трехъ черепахъ далеко не одинаковы. Абсолютные размѣры длины носовыхъ костей этихъ череповъ мало отличаются одинъ отъ другого, за то верхняя ширина у черепа $B_{эс}$ и средняя у череповъ $B_{эс}$ и $D_{эс}$ абсолютно и относительно много меньше, чѣмъ тѣ же размѣры у другихъ череповъ.

Измѣренія глазничной области черепа.

С К Е Л Е Т Ы:	$B_{эс}$	$\Gamma_{эс}$	$D_{эс}$
Ширина междуорбитная	21	24	24
Высота орбиты	31	34	35
Ширина орбиты	38,5	41,5	44
Указатель орбитный	80,5	81,9	79,6

Измѣренія глазничной области черепа приводятъ насъ къ слѣдующимъ выводамъ:

Ширина междуорбитная довольно значительна, особенно у череповъ $\Gamma_{эс}$ и $D_{эс}$. Высота орбиты большая, но, въ виду относительно еще болѣе значительной ширины орбиты, изучаемые черепа по размѣрамъ орбитнаго указателя слѣдуетъ причислить къ группѣ плоскоглазничныхъ (platophthalmi).

Измѣренія нѣбной области черепа.

С К Е Л Е Т Ы:	$B_{эс}$	$\Gamma_{эс}$	$D_{эс}$
Ширина верхняго края альвеоль	55,5	67	58
Высота альвеолярной дуги	45	51,5	48,5
Длина свода нѣба	38,5	—	38
Ширина свода нѣба	33	39	36
Нѣбный указатель	85,7	—	94,7

Нѣбная область изслѣдуемыхъ череповъ короткая и относительно широкая. При небольшихъ абсолютныхъ размѣрахъ свода нѣба, по величинѣ нѣбнаго указателя всѣ черепа (сказанное касается и черепа $\Gamma_{эс}$) относятся къ группѣ коротконѣбныхъ (brachystaphilia).

Измѣренія нижней челюсти.

С К Е Л Е Т Ы:	$B_{эс}$	$B_{л}$	$\Gamma_{эс}$	$D_{эс}$
Длина нижней челюсти	102	110	—	107
Сочленованная ширина нижней челюсти	125	124,5	124	124,5
Гоніонная ширина нижней челюсти	101,5	101	95	97
Наибольшая длина восходящей вѣтви н. ч.	53,5	57,5	58,5	59
Наименьшая ширина восходящей вѣтви н. ч.	29	30,5	32	28
Наибольшая ширина восходящей вѣтви н. ч.	38	40	37,5	36,5

1) Manouvrier, L. Mémoires sur les variations normales et les anomalies des os naseaux dans l'espèce humaine. Bull. Soc. d'Anthrop. Paris, 1893.

С К Е Л Е Т Ы.				
	<i>Б_{жс}</i>	<i>В_ж</i>	<i>Г_{жс}</i>	<i>Д_{жс}</i>
Сочленованная высота (symph.) н. ч.	25	30	27	30
Высота тѣла н. ч.	20	28,5	23,5	28
Ширина тѣла н. ч.	11	11	14	12,5
Расстояніе между обѣими foramina mentalia .	44	49	48	43
Уголъ нижнечелюстной гоніонный	125°	128°	120°,5	122°,5
Уголъ нижнечелюстной сочленованный (symph.) .	61°,5	55°,5	73°	56°
Указатель длинно-широтный	81,6	88,3	—	85,9
„ широтный	81,2	81,1	76,6	77,9
„ формы восходящей вѣтви.	54,2	53,1	54,7	47,5
„ формы тѣла.	55,0	38,6	59,6	45,6

Вышеприведенные размѣры и указатели даютъ ясное представленіе объ общихъ формахъ нижнихъ челюстей изучаемыхъ череповъ. Отличительною особенностью всѣхъ четырехъ челюстей является ихъ небольшая, сравнительно съ шириною, длина. Короткія и широкія въ сочленовой области у нижнихъ и заднихъ угловъ (gonion) челюсти эти замѣтно сужены. Восходящія вѣтви имѣютъ форму болѣе широкую, чѣмъ обычно наблюдается на нижнихъ челюстяхъ европейцевъ, но значительно болѣе узкую, чѣмъ у большинства примитивныхъ расъ; въ частности, вѣтви эти замѣтно уже, чѣмъ у представителей монгольской расы. Гоніонный уголъ имѣетъ размѣры обычные для европейцевъ и значительно большіе, чѣмъ размѣры того же угла, наблюдающіеся у примитивныхъ расъ. Подбородочный уголъ весьма малъ, что указываетъ на острый, сильно выступающій впередъ подбородокъ.

Грудная кость.

Грудная кость сохранилась полностью только у скелета *Б_{жс}* и верхняя часть ея (manubrium sterni) у скелета *Г_{жс}*, вмѣстѣ съ приросшимъ кускомъ ключицы. Размѣры грудной кости скелета *Б_{жс}* слѣдующіе: общая длина (расстояніе отъ incisura jugularis до нижняго края corpus sterni) 130 мм.; длина manubrium (расстояніе отъ incisura jugularis до нижняго края manubrium) 45,5 мм.; наибольшая ширина manubrium 48 мм.; длина corpus sterni 84 мм., наибольшая ширина corpus sterni—32 мм. и, наконецъ, толщина грудной кости (расстояніе отъ вентральной плоскости до дорсальной у основанія manubrium)—12,5 мм. Указатель формы этой грудной кости, выражающій отношеніе наибольшей ширины тѣла къ общей длинѣ, равенъ 24,6, а выражающій отношеніе наибольшей ширины тѣла къ длинѣ тѣла грудной кости равенъ 38, 1. На грудной кости скелета *Г_{жс}* мы могли взять только два измѣренія: длину manubrium sterni = 51,5 мм. и наибольшую его ширину = 53 мм. (?).

Лопатка. Ключица.

Мы располагаемъ только двумя лопатками, принадлежащими скелету *Б_{жс}*, настолько хорошо сохранившимися, что онѣ могли быть подробно изслѣдованы. Остальныя до такой степени разрушились, что явилась возможность взять на нихъ только нѣсколько измѣреній. Измѣренія лопатокъ дѣлались мною согласно приемамъ,

указаннымъ въ соответствующихъ работахъ Broca ¹⁾ и Livon ²⁾, почему я и не буду останавливаться на описаніи самыхъ приемовъ измѣренія.

Измѣренія лопатки.

СКЕЛЕТЫ:	<i>A_m</i>	<i>B_{ac}</i>	<i>V_m</i>	<i>Г_{ac}</i>	<i>Д_{ac}</i>
Длина лопатки	—	141	—	—	—
Ширина лопатки	106	102	—	101	—
Длина fossa infraspinata	—	98	—	—	—
Длина cavitas glenoidalis	41	35,5	38	35	38
Наибольшая ширина cavitas glenoidalis	28	27,5	28	26	26
Указатель формы лопатки	—	106,1	—	—	—
Указатель формы cavitas glenoidalis	68,3	77,4	73,7	74,3	68,4
Уголъ scapulo-spinalis	—	86°	—	—	—

Указатель формы лопатки вычислялся по формулѣ: $x = \frac{\text{ширина лопатки} \times 100}{\text{длина fossa infraspinata}}$,
а указатель формы cavitas glenoidalis—по формулѣ: $x = \frac{\text{наиб. ширина cav. glenoid.} \times 100}{\text{длина cav. glenoid.}}$.

По этимъ немногимъ даннымъ можно только отмѣтить, что лопатка скелета *A_m* была крупныхъ размѣровъ съ суставной впадиной значительно болѣе продолговатой (надо имѣть еще въ виду, что скелетъ *A* принадлежалъ мужчинѣ), чѣмъ у лопатокъ, принадлежащихъ другимъ скелетамъ, указатель формы суставной впадины которыхъ обыченъ для европейцевъ вообще.

Единственный указатель формы лопатки, вычисленный для скелета *B_{ac}* (106,1), чрезвычайно высокъ и превышаетъ размѣры этого указателя, обычные не только для европейцевъ, но и для большинства примитивныхъ расъ, отличающихся отъ европейцевъ сравнительно широкой лопаткой.

Ключицы мы имѣемъ отъ всѣхъ скелетовъ, кромѣ *V_m*. На каждой ключицѣ мы брали только наибольшую длину кости и наименьшую окружность посрединѣ ея. Прочность (robusticité) кости опредѣлялась отношеніемъ длины окружности къ наибольшей длинѣ кости. Ключица скелета *A_m* большая и массивная, 166 мм. длины при 47 мм. окружности; ея указатель прочности равенъ 28,3. Напротивъ, ключица скелета *B_{ac}* маленькая, хрупкая: ея длина 134 мм., окружность 32 мм. и указатель прочности всего 23,9. Ключица скелета *Г_{ac}* имѣетъ въ длину 141 мм. при 38 мм. окружности и указателѣ прочности 26,9. Ключица скелета *Д_{ac}* при длинѣ 130 мм. имѣетъ очень большую окружность 30 мм., а слѣдовательно большой и указатель прочности 30. Однако, данная кость, какъ и всѣ остальные кости этого скелета, очень легка и пориста; поэтому представленіе объ ея прочности, вытекающее изъ вышеприведеннаго указателя, слѣдуетъ считать преувеличеннымъ.

Верхнія конечности.

Приемы измѣренія длинныхъ костей верхнихъ конечностей, размѣры которыхъ мы приводимъ ниже, въ большинствѣ случаевъ являются общепринятыми и не требуютъ

¹⁾ Broca, P, Sur les indices de largeur de l'omoplate chez l'homme, les singes et dans la série des mammifères. *Bull. de la Soc. d'Anthr.*, Paris, 1878, t. I, p. 3.

²⁾ Livon, M. De l'omoplate et des indices de largeur dans les races humaines. Paris, 1879.

особых пояснений. Поэтому въ дальнѣйшемъ я ограничиваюсь только немногими указаниями, ссылками на работы, въ которыхъ описаны приемы измѣреній, и сообщеніемъ тѣхъ формулъ, на основаніи которыхъ мною вычислялись различные указатели.

Плечевыя кости сохранились у всѣхъ скелетовъ, кромѣ *Джс*, и при томъ настолько хорошо, что могли быть детально изучены.

Указатель прочности плечевой кости вычислялся мною по слѣдующей формулѣ: $x = \frac{\text{наим. окружность} \times 100}{\text{наиб. длина}}$, а указатель формы головки по формулѣ: $x = \frac{\text{шир. головки} \times 100}{\text{высота головки}}$.

Измѣренія плечевой кости.

С К Е Л Е Т Ы:	<i>A_m</i>	<i>B_ж</i>	<i>V_m</i>	<i>Г_ж</i>
Наибольшая длина	345	310	322	299
Высота головки	48	45	44,5	43
Ширина головки	45,5	41	43*	41
Наибольшая ширина epicondyl	69	60	61	61,5
Наименьшая окружность	76	61,5	63	62,5
Уголъ скрученности ¹⁾	147°	156°	165°	154°
Уголъ расхожденія между осью диаприза и плоскостью кости къ нижнему краю trochleae	7,5°	5°	9°	7°
Указатель формы головки	94,8	91,	96,6	95,3
Указатель прочности (robusticité)	22,0	19,9	19,6	20,9

Характерной особенностью всѣхъ изслѣдуемыхъ нами плечевыхъ костей является удивительная ихъ прочность. Несомнѣнно, что кости эти принадлежали сильнымъ мускулистымъ людямъ, о чемъ свидѣтельствуется, помимо сильнаго развитія гребней для прикрѣпленія мышцъ, также указатель прочности. У скелета *A_m* онъ достигаетъ такой большой величины (22), какую мы наблюдаемъ только на скелетахъ очень сильныхъ людей, на костяхъ древней, палеолитической неандертальской расы и у весьма немногихъ современныхъ примитивныхъ расъ. Особого вниманія заслуживаетъ также толщина и прочность женскихъ плечевыхъ костей. Какъ отличительную особенность описываемыхъ костей, слѣдуетъ отмѣтить также малую ихъ скрученность, исключая скелетъ *V_m*. Особенно мала скрученность плечевой кости скелета *A_m*, что зависитъ отъ весьма значительной абсолютной его длины. Прободеііе локтевой впадины (fossaeolecrani) не наблюдалось ни на одной изъ изслѣдуемыхъ костей, хотя, за исключеніемъ скелета *V_m*, кость на мѣстѣ локтевой впадины настолько тонка, что замѣтно просвѣчиваетъ.

Рис. 5. Ди-стальный ко-нецъ плече-вой кости ске-лета *A* съ разви-тымъ processus supracondyloideus $\frac{1}{4}$ н. в.)

Среди анатомическихъ особенностей плечевой кости слѣдуетъ отмѣтить присутствіе processus supracondylaris на плечевой кости скелета *A_m* (см. рис. 5), чрезвычайно рѣдко встрѣчающагося на человѣческихъ ко-стяхъ, особенно у европейцевъ. Этотъ крючковатый, изогнутый отростокъ (processus supracondyl.) при жизни субъекта, которому принадле-жала кость, соединялся съ энтепикондиларной областью кости особымъ

¹⁾ О техникѣ этого и слѣдующаго измѣренія см. Broca, La torsion de l'humérus et le tropomètre, instrument destiné à mesurer la torsion des os. Rev. Anthropol. Sér. 2, t. 4. Paris, 1881. Также: Martin, R. Lehrbuch der Anthropologie. S. 893, 909.

тяжомъ. Черезъ образующееся отсюда отверстіе проходилъ нервъ (nervus medianus). Это отверстіе, какъ извѣстно, очень распространенное среди низшихъ животныхъ филогенетически считается принадлежащимъ глубокой древности.

Локтевыя кости, довольно хорошо сохранившіяся, изучались мною съ точки зрѣнія наибольшей длины и наименьшей окружности. Кромѣ того, измѣрялись передне-задній и поперечный діаметры непосредственно подъ incisura radialis.

Указатель платолени вычислялся по формулѣ, предложенной Verneau ¹⁾:

$$x = \frac{\text{діаметръ поперечный} \times 100}{\text{діаметръ передне-задній}}$$

Измѣренія локтевой кости.

СКЕЛЕТЫ:	<i>A_m</i>	<i>B_{эс}</i>	<i>B_m</i>	<i>Г_{эс}</i>	<i>Д_{эс}</i>
Наибольшая длина	288	252	256	—	—
Наименьшая окружность	39	33,5	37,5	32	41
Передне-задній діаметръ	29,5	26	25	23	27
Поперечный діаметръ	25,5	18	19	20,5	23
Указатель platoloniae	86,4	69,5	76	89	85,2

Среди вышеприведенныхъ измѣреній особый интересъ представляетъ указатель платолени. У большинства скелетовъ (*A_m*, *Г_{эс}*, *Д_{эс}*) онъ высокъ и приближается къ величинѣ указателя нормального для европейцевъ вообще (89). У скелета *B_m* онъ сравнительно не великъ и выражается величиной, отмѣченной на древнихъ американскихъ скелетахъ. Особенно малъ этотъ указатель у скелета *B_{эс}*.

Помимо измѣреній, обращалось вниманіе на форму поверхности incisurae semilunaris локтевой кости. Подобно Manouvrier и Anthony ²⁾, мы различали поверхность двойную, полураздѣленную и сплошную. Какъ и слѣдовало ожидать, принимая во вниманіе отмѣченную выше исключительную мощность плечевой кости, причленяющаяся къ ней суставная поверхность локтевой кости только у скелета *B_{эс}* оказалась полураздѣленною, въ остальныхъ же всѣхъ костяхъ она двойная.

Лучевая кость изучалась съ точки зрѣнія ея наибольшей длины, передне-задняго и поперечнаго діаметровъ, измѣренныхъ непосредственно надъ шероховатой поверхностью, мѣстомъ прикрѣпленія musculus pronator teres.

Діафизарный указатель согласно Verneau ³⁾ вычислялся по слѣдующей формулѣ:

$$x = \frac{\text{передне-задній діаметръ} \times 100}{\text{наиб. поперечный діаметръ}}$$

Измѣренія лучевой кости.

СКЕЛЕТЫ:	<i>A_m</i>	<i>B_{эс}</i>	<i>B_m</i>	<i>Г_{эс}</i>	<i>Д_{эс}</i>
Наибольшая длина	271	237	237	240	232
Передне-задній діаметръ	18	16	8	18	20
Наибольшій поперечный діаметръ	13	10,5	12	10	12
Указатель diaphysaire	72,2	65,6	66,7	55,6	60

¹⁾ Verneau, R. Les anciens Patagons. Monaco, 1903, p. 193.
²⁾ Manouvrier, L. et Anthony, R. Etude des ossements humains de la sépulture néolithique de Montegny-Esbly. Bull. et mém. de la Soc. d'Anthr. de Paris, 1907, 5-e série, t. VIII, 545.
³⁾ Verneau, op. cit. p. 195.

Скелетъ A_m рѣзко отличается отъ остальныхъ какъ большими размѣрами лучевой кости, такъ и значительно большимъ указателемъ формы поперечнаго сѣченія.

Помимо приведенныхъ выше измѣреній и указателей, мною было вычислено соотношеніе между лучевой и плечевой костями. Длина лучевой кости, по отношенію къ плечевой (принятой за 100), для скелета $A_m = 78,5$, $B_{эс} = 76,5$, $B_m = 73,6$ и $\Gamma_{эс} = 80,3$, слѣдовательно довольно значительная и во всякомъ случаѣ больше, чѣмъ обычная для европейцевъ.

Тазъ.

Приемы измѣренія тазовыхъ костей (os coxae), собственно таза и крестца, частью будутъ указаны ниже, частью могутъ быть найдены въ соответствующихъ мѣстахъ моей замѣтки о гальскихъ скелетахъ ¹⁾, въ работахъ Verneau ²⁾ и Martin'a ³⁾.

Тазовыя безымянные кости изучались съ точки зрѣнія абсолютныхъ размѣровъ формы incisura ischiadica major и foramen obturatorium. Соответствующие указатели формы какъ самой кости, такъ и измѣренныхъ частей ея, приведены въ концѣ таблицы.

Измѣренія безымянной кости.

С К Е Л Е Т Ы.		A_m	$B_{эс}$	B_m	$\Gamma_{эс}$	$D_{эс}$
Наибольшая длина кости.	a	228	206	215	216	213
Наибольшая ширина кости.	b	164?	153	161	154	—
Длина incis. ischiad. major.	c	44,5	59	45,5	65	50
Высота incis. ischiad. major.	e	31	38,5	27	34	33
Наиб. длина (ось) foraminis obturatorii . . .	d	55	54	54,5	54	50
Наибольшая ширина foraminis obturatorii . .	e	38,5	33,5	38,5	39	33
	$a = 100, b =$	71,9	73,4	74,9	71,3	—
	$c = 100, e =$	69,7	65,2	59,3	52,3	66
	$d = 100, e =$	69,0	62,1	70,6	72,2	66

Измѣренія цѣльныхъ тазовъ, реконструированныхъ при помощи пластилина, возможно было получить только для трехъ скелетовъ: $B_{эс}$, B_m и $\Gamma_{эс}$. У скелета A_m отсутствуетъ одна тазовая кость и крестецъ, а у скелета $D_{эс}$ крестецъ до такой степени разрушился, что не было возможности возстановить тазъ. Помимо общепринятыхъ измѣреній таза и его отверстія (aperturae pelvis) мною были измѣрены нѣкоторые углы. Во-первыхъ, уголъ sacro-pelvien такимъ же способомъ, какъ его измѣрялъ Le Damany ⁴⁾, который изучалъ этотъ уголъ и доказалъ большую его сравнительно-анатомическую важность; затѣмъ паховой уголъ, изученный Charpy ⁵⁾, и уголъ pubis. Приемъ, которымъ я пользовался для измѣренія пахового угла, нѣсколько отличается отъ предложеннаго Charpy. Мною измѣрялся уголъ, образованный, съ одной стороны, линіей, соединяющей spina ilia anter. super. съ tuberculum pubicum, и, съ другой стороны, линіей, проходящей черезъ обѣ spinae iliae anter. super. Уголъ pubis измѣрялся про-

¹⁾ Roudenko, S. Etude de squelettes Gaulois. Bull. et mém. de la Soc. d'Anthr. de Paris, 1914, p. 261.

²⁾ Verneau, R. Le bassin dans les sexes et dans les races. Paris. 1875.

³⁾ Martin, op. cit. S. 896—901.

⁴⁾ Le Damany, P. L'angle sacro-pelvien. Journal de l'Anat. et de Physiol. 1906, 153.

⁵⁾ Charpy. Bassins droits et bassins évasés. Bull. anatom. Nancy. 1908, t. XVII

зрачнымъ транспортиромъ такъ, что вершина угла находилась на серединѣ нижняго края symphysis pubicul., а линія 0—0 касалась лѣвой вѣтви ossis ischii ¹⁾.

Измѣренія таза.

С К Е Л Е Т Ы:	<i>B_{жс}</i>	<i>V_м</i>	<i>Г_{жс}</i>
Наибольшая высота таза	κ 195	212	208
Наибольшій передне-задній діаметръ	159	171	157
Наибольшая ширина таза	λ 250	271	271
Высота spina iliaca anter. super.	131	152	158 ²
Высота tuberculum pubis.	46	44	49
Разстояніе между вершинами spin. il. ant. sup.	216	229	—
Разстояніе между вершинами spin. il. post. sup.	81	89	111
Разстояніе между вершинами tuberculum pubicum.	36	47	44
Высота symphysis pubis.	43	39	38
Передне-задній діаметръ aperturae pelvis	μ 106	131	127
Поперечный діаметръ aperturae pelvis.	η 127	139	135
Діаметръ promonto-subpubicus	118	137	134
Діаметръ sacro-subpubicus (нижній)	115	130	122
Уголъ pubis	75°	83°	80°
Уголъ sacro-pubicus	115°	97°	121°
Уголъ паховой (inguinalis).	38°	50°	—
	λ = 100, κ = 78,0	78,2	76,5
	η = 100, μ = 83,5	94,2	94,1

Принимая во вниманіе вышеприведенные размѣры, углы и указатели изучаемыхъ нами тазовъ, мы можемъ констатировать, что почти по всѣмъ даннымъ тазъ скелета *B_{жс}* является типичнымъ женскимъ. Нѣсколько затушеванными представляются половыя особенности двухъ другихъ тазовъ. По формѣ aperturae pelvis тазъ *B_{жс}* — типичный широкій (platypellicus) женскій тазъ, тазы же скелетовъ *V_м* и *Г_{жс}* относятся къ группѣ среднеширокихъ (mesotipellicus), одинаково характерной какъ для женскихъ, такъ и для мужскихъ тазовъ. За то углы sacro-pubicus и паховой подчеркиваютъ мужскія особенности таза *V_м*. Этотъ тазъ, по своему паховому (inguinalis) углу употребляя выраженіе Чаггу, принадлежитъ къ типу прямыхъ (droit), тогда какъ женскій тазъ скелета *B_{жс}* относится къ типу расширенныхъ (évasé).

Среди анатомическихъ особенностей заслуживаетъ быть отмѣченнымъ чрезвычайное развитіе tuberculum pubicum, которые на обоихъ женскихъ тазахъ заканчиваются рѣзко выраженными шипами.

Крестцовая кость. Въ нашемъ распоряженіи имѣются три крестцовыхъ кости, принадлежащія тѣмъ же скелетамъ, которымъ принадлежатъ описанные тазы. Для каждой изъ крестцовыхъ костей отмѣчалось количество позвонковъ, ихъ составляющихъ, и измѣрялись: наибольшая ширина, высота между promontorium и серединой передняго и нижняго краевъ послѣдняго крестцовога позвонка, глубина внутренняго изгиба и уголъ promontorii, образованный переднею поверхностью тѣла перваго крестцовога позвонка съ его верхней суставной поверхностью.

¹⁾ Dieulafoy. Caractères sexuels de l'arcade pubienne. Bull. anatomique. Nancy, 1906, 296.
МАТЕРИАЛЫ ВЫП. 37.

Измѣренія крестцовой кости.

С К Е Л Е Т Ы:	$B_{жс}$	B_m	$\Gamma_{жс}$
Количество позвонковъ	5 _ж	6	5
Наибольшая ширина крестцовой кости . . . <i>o</i>	116,5	126	110
Наибольшая высота крестцовой кости . . . <i>n</i>	101	133	88
Глубина внутр. изгиба крестцовой кости . . . <i>p</i>	25	29	25
Уголъ promontorium	57,°7	64°	60,°5
$n = 100, o =$	115,4	94,7	125,0
$n = 100, p =$	19,8	21,7	28,4

Указатель формы крестцовой кости или цифра, показывающая соотношеніе между шириною и высотой этой кости, при высотѣ принятой за 100, вычислена нами для всѣхъ крестцовыхъ костей. По этому указателю, согласно номенклатурѣ, предложенной Paterson'омъ ¹⁾, крестцовыя кости скелетовъ $B_{жс}$ и $\Gamma_{жс}$ являются широкими (platyhieric), типичными женскими крестцами. Напротивъ, крестцовая кость скелета B_m — явно длинная (dolichohieric), типичная для мужского таза. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что какъ разъ въ этомъ крестцѣ мы имѣемъ добавочный шестой позвонокъ. Впрочемъ, если мы не будемъ считать шестого, нижняго позвонка этой кости, при которомъ высота ея равняется 123 мм., то и то указатель формы B_m крестцовой кости будетъ 102,4. Въ вышеприведенной таблицѣ мною вычислена глубина внутренняго изгиба крестцовой кости въ соотношеніи съ ея длиною, чтобы лучше выразить степень этого изгиба. Въ изучаемыхъ нами крестцовыхъ костяхъ глубина эта довольно значительна, въ особенности въ крестцѣ женскаго скелета $\Gamma_{жс}$.

Нижнія конечности.

Бедренныя кости, какъ это обычно случается, сохранились гораздо лучше другихъ костей скелетовъ, благодаря чему я имѣлъ возможность подробно изучить ихъ и взять всѣ необходимыя измѣренія. Большинство этихъ измѣреній не нуждается въ поясненіяхъ. Что касается угла расхожденія анатомической и механической осей бедренной кости, то онъ измѣрялся тѣмъ же способомъ, какъ и уголъ расхожденія осей плечевой кости, при помощи измѣрительной доски съ прозрачнымъ транспортиромъ. Указатель формы головки бедренной кости вычислялся по формулѣ: $x = \frac{\text{ширина} \times 100}{\text{длина}}$. Такимъ же способомъ вычислялся указатель формы сѣченія шейки бедра по формулѣ: $x = \frac{\text{ширина} \times 100}{\text{высота}}$. Указатель пилястрии опредѣлялся размѣрами передне-задняго пилястрическаго діаметра въ соотношеніи съ поперечнымъ, при этомъ послѣднемъ равномъ 100. Такимъ же образомъ вычислялся и указатель платимеріи по формулѣ $x = \frac{\text{діаметръ передне-задній} \times 100}{\text{поперечный діаметръ}}$. Для того, чтобы получить представленіе о прочности бедренной кости, пользуются соотношеніемъ между наименьшей

¹⁾ Paterson, Ar. Ch. On the human sacrum. *Scientific Transact. of the Royal Society.* 5 vol. 3-e ser. Dublin, 1893.

окружностью и наибольшей длиною кости или, чаще, соотношеніем между суммою двухъ пилястрическихъ діаметровъ бедренной кости и ея длиною. Въ нижеслѣдующей таблицѣ приводятся указатели прочности бедренной кости, вычисленные по суммѣ пилястрическихъ діаметровъ (передне-задняго и поперечнаго) въ ея соотношеніи съ длиною кости въ естественномъ положеніи (en position), по формулѣ $x = \frac{\text{сумма} \times 100}{\text{длина берц. кости}}$.

Измѣренія бедренной кости.

С К Е Л Е Т Ы:	<i>A_m</i>	<i>B_ж</i>	<i>B_m</i>	<i>Г_ж</i>	<i>Д_ж</i>
Наибольшая длина	485	424	444	440	412
Длина въ естественномъ положеніи (en position)	479	420	438	428	410
Длина до верхняго края большаго вертела въ естественномъ положеніи	450	399	416	405	390
Передне-задній діаметръ (pilastrique)	32,5	25,5	27	26	28
Поперечный діаметръ (pilastrique)	27	26	27	25,5	25,5
Высота головки	48,5	46,5	46	44	45,5
Ширина головки	48,5	46	45	44,5	45,5
Высота шейки	31	30	30	28,5	28,5
Ширина шейки	28,5	27	26,5	27	27
Длина шейки	80	72,5	79	72	75
Уголъ наклона оси шейки	134°	126°	126°	124°	135°
Передне-задній діаметръ (platymérique)	29	24	25	24	23
Поперечный діаметръ (platymérique)	33,5	33	34	29,5	31
Наименьшая окружность	95	81	81	81	83
Уголъ скрученности	11°	13°	12°	14°	31°
Уголъ расхожденія осей	10°	110,9	140,5	120,2	80,5
Указатель формы головки	100	98,9	97,8	101,1	100
„ формы шейки	91,9	90,0	88,3	94,7	94,7
„ pilastrique	120,4	98,1	100	102	109,8
„ platymérique	86,6	72,7	73,5	81,4	74,2
„ прочности (de la robusticité)	12,4	12,3	12,3	12,0	13,0

Одною изъ особенностей, общою всѣмъ изслѣдованнымъ нами бедреннымъ костямъ, является сильное развитіе гребней и шероховатостей служащихъ для прикрѣпленія мышцъ, за исключеніемъ, впрочемъ, бедренной кости скелета *Д_{жс}*. Это свидѣтельствуетъ о хорошемъ развитіи мускулатуры и связанной съ нею крѣпости самихъ бедренныхъ костей. И дѣйствительно, величины указателей прочности всѣхъ костей подтверждаютъ это положеніе. Уплощеніе (platumeria) бедра во всѣхъ скелетахъ весьма умѣренное.

Указатель пилястрии выражается въ величинахъ обычныхъ для современныхъ расъ. Уголъ наклона оси шейки также выражается величинами обычными для большинства европейскихъ расъ. Уголъ скрученности, вездѣ положительной, не великъ, за исключеніемъ скелета *Д_{жс}*.

Помимо измѣреній, мною обращалось вниманіе на присутствіе третьяго вертела (trochanter tertius) и на развитіе fossae intercondyloideae. Третій вертелъ имѣется на бедренныхъ костяхъ скелетовъ *A_m* и *B_{жс}*, а на бедрѣ скелета *Г_{жс}* онъ представленъ рѣзкимъ гребнемъ. Fossa intercondyloidea хорошо развита на костяхъ скелетовъ *A_m* и *Г_{жс}*, на бедренныхъ же костяхъ скелета *Д_m* она едва замѣтна.

Относительно техники измѣренія большой берцовой кости замѣчу только, что при

изученіи ретроверсіи и наклона верхней суставной поверхности этой кости къ ея оси я пользовался приемами, указанными Manouvrier ¹⁾.

Указатель платикнеміи получался вычисленіемъ отношенія между поперечнымъ діаметромъ большой берцовой кости и ея передне-заднимъ діаметромъ, принятымъ за 100. Прочность большой берцовой кости вычислялось по формулѣ:

$$X = \frac{\text{наименьшая окружность} \times 100}{\text{наибольшая длина}}$$

Измѣренія большой берцовой кости.

С К Е Л Е Т Ы:	<i>A_m</i>	<i>E_{жс}</i>	<i>B_m</i>	<i>Г_{жс}</i>	<i>Д_{жс}</i>
Наибольшая длина	406	344	854	352	—
Передне-задній діаметръ (platysnemiqne)	37	32	31	31,2	31
Поперечный діаметръ (platysnemiqne)	24,5	19,5	23	21,5	24
Наименьшая окружность	82	68	70	74	76
Уголъ скрученности	5°	3°,5	7°,8	28°	—
„ ретроверсіи	9°	24°	8°	11°	—
„ наклона верхней суст. поверхности	6°,5	17°,5	5°	7°,5	—
„ между осью анатомич. и механической	2°,5	6°,5	3°	3°,5	—
Указатель платикнеміи	66,2	60,9	94,2	65,1	77,4
„ прочности	20,2	19,8	19,8	11,0	—

Наибольшій интересъ среди вышеприведенныхъ измѣреній и соотношеній представляютъ указатель платикнеміи и ретроверсія. Платикнемія или сплюсненіе верхней трети тѣла больше-берцовой кости зависитъ отъ развитія задней больше-берцовой мышцы (m. tibialis posticus), играющей важную роль при движеніяхъ ходьбы и бѣга. Степень платикнеміи поэтому должна измѣняться въ зависимости отъ бродячаго или сидячаго образа жизни данной группы населенія. Съ этой точки зрѣнія весьма интересно отмѣтить, что платикнемія больше-берцовыхъ костей скелетовъ изъ прохоровскихъ кургановъ весьма умѣренная; всѣ онѣ meso- или euryknemes. Нѣсколько большая сплюсненность наблюдается только на костяхъ скелета *B_{жс}*.

Отклоненіе головки большой берцовой кости назадъ, такъ называемая ретроверсія, обыкновенно сочетается съ платикнеміей и особенно сильно бываетъ развита у жителей горныхъ областей, которымъ много приходится ходить съ согнутыми колѣнями. Въ нашей серіи скелетовъ, какъ и слѣдовало ожидать, ретроверсія очень слабая, за исключеніемъ женскаго скелета *B_{жс}*, для котораго нами выше отмѣчена значительная платикнемія.

Не отмѣчено нами на внутреннихъ детальныхъ краяхъ больше-берцовыхъ костей и особой сочленованной поверхности, для сочлененія съ шейкой подпяточной кости, что обычно бываетъ при сильномъ тѣльномъ сгибаніи, въ зависимости отъ сидѣнія на корточкахъ. Отсюда можно заключить, что этотъ способъ сидѣнія не былъ въ обычаѣ у населенія, оставившаго послѣ себя прохоровскіе курганы.

На малыхъ берцовыхъ костяхъ, хорошо сохранившихся только у трехъ скелетовъ, мною измѣрялась наибольшая длина и наименьшая окружность.

¹⁾ Manouvrier, S. Etude sur la rétroversion de la tête du tibia et l'attitude humaine à l'époque quaternaire. *Mém. de la Soc. d'Anthr. de Paris.* 2-e sér., t. IV. 1890.

Измѣренія малой берцовой кости.

СКЕЛЕТЫ:	A_m	B_m	D_m
Наибольшая длина	398	347	337
Наименьшая окружность	42	34	36,5

Помимо вышеприведенныхъ измѣреній длинныхъ костей нижнихъ конечностей, мною выяснено также соотношеніе между длиною бедренной и больше-берцовой кости. Длина больше-берцовой кости, по отношенію къ бедренной (принятой за 100), для скелета $A_m = 84,5$, $B_{юс} = 81,1$, $B_m = 79,7$ и $G_{юс} = 80$.

Кости стопы. Среди костей стопы хорошо сохраняются обыкновенно наиболее плотныя и крупныя кости: таранная, пяточная, ладьеобразная и нѣкоторыя кости плюсны. Я ограничиваюсь разсмотрѣніемъ только таранныхъ и пяточныхъ костей, такъ какъ большинство остальныхъ или не было отыскано при раскопкахъ, или разрушилось. При измѣреніи этихъ костей я пользовался приемами, указанными въ соответствующей работѣ Volkov ¹⁾.

Измѣренія таранной кости.

СКЕЛЕТЫ:	$B_{ж}$	$D_{ж}$	
Общая длина таранной кости . . . . . <i>a</i>	58	55	
Высота таранной кости . . . . . <i>б</i>	33	32,5	
Длина trochleae tali . . . . . <i>в</i>	34	28	
Задняя ширина facies superior trochleae tali . . . . . <i>г</i>	21,5	20,5	
Передняя ширина facies superior trochleae tali . . . . . <i>д</i>	29	26	
Полная ширина трехъ поверхностей trochleae tali	44	43	
Длина головки	23	22	
Уголъ отклоненія головки			
Уголъ скрученности	29	30	
Соотношенія: {	<i>б</i> , при $a = 100$.	56,9	59,1
	<i>г</i> , при $в = 100$.	63,2	73,2
	<i>д</i> , при $е = 100$.	85,3	92,9

Измѣренія пяточной кости.

СКЕЛЕТЫ:	A_m	$B_{ж}$	B_m	
Общая длина . . . . . <i>a</i>	85	81	80	
Задняя ширина . . . . . <i>б</i>	35,5	34,5	34	
Средняя ширина . . . . . <i>в</i>	44	41	43	
Длина sustentaculum tali . . . . . <i>г</i>	12	16	18	
Наибольшая длина пятки . . . . . <i>д</i>	61	59	57	
Наименьшая ширина пятки . . . . . <i>е</i>	31	24	24	
Наибольшая высота пятки	48	48	47	
Соотношенія: {	<i>б</i> , при $a = 100$.	41,7	42,5	42,5
	<i>в</i> , при $a = 100$.	51,8	50,6	53,7
	<i>г</i> , при $a = 100$.	71,8	72,8	71,3
	<i>д</i> , при $г = 100$.	50,8	40,7	42,1
	<i>е</i> , при $г = 100$.	78,7	81,4	82,5

Помимо измѣреній, мною обращалось вниманіе на количество суставныхъ поверхностей пяточной кости; facies articularis posterior и media—самостоятельныя, полуслившіяся или слившіяся. При этомъ оказалось, что только на правой пяточной кости скелета $B_{юс}$ эти поверхности были слившіяся, въ остальныхъ же пяточныхъ костяхъ онѣ представлены двумя самостоятельными поверхностями.

¹⁾ Volkov, Th. Variations squelettiques du pied chez les primates et dans les races humaines. Bull. et mém. de la Soc. d'Anthrop. de Paris, 5 série, t. V, 1909.

Общіе выводы.

Серія скелетовъ изъ прохоровскихъ кургановъ настолько малочисленна, что весьма трудно на основаніи изученія ея дать исчерпывающую характеристику расовыхъ особенностей населенія, оставившаго послѣ себя эти курганы. Въ итогѣ детальнаго обзора костей этихъ скелетовъ мы пришли все-же къ ряду небезинтересныхъ выводовъ, которые и попытаемся вкратцѣ резюмировать.

Прежде всего населеніе это было въ общемъ роста выше средняго, крѣпкаго тѣлосложенія, съ хорошо развитой мускулатурой, особенно—мускулатурой верхнихъ конечностей.

Емкость и строеніе черепа, въ связи съ преимущественнымъ развитіемъ переднихъ долей мозга, свидѣтельствуютъ о высокомъ интеллектуальномъ развитіи этого населенія. Характерной для него формой черепа была овальная и короткая, широкая не только въ темянной области, но и у основанія, съ довольно узкимъ и выпуклымъ лбомъ.

Лицо короткое и широкое, безъ малѣйшихъ слѣдовъ выступанія впередъ челюстей (прогнатизма), столь характернаго для низшихъ разъ. При довольно значительномъ междуглазничномъ разстояніи, глазницы, хотя и крупныхъ размѣровъ, но довольно плоскія. Форма носа должна была быть короткая и скорѣе широкая чѣмъ узкая, но не приплюснутая у основанія, такъ какъ спинка носа вездѣ острая и выражена вполне отчетливо. Нѣбная область короткая и широкая. Fossae caninae выражены рѣзко, и вообще примитивность строенія изученныхъ череповъ, какъ и нижнихъ челюстей, ничѣмъ не проявляется. Нижнія челюсти въ связи со строеніемъ нѣба коротки и широки, съ острымъ, сильно выступающимъ впередъ подбородкомъ.

Относительно образа жизни этого населенія можно отмѣтить только, что оно вело скорѣе сидячій или кочевой образъ жизни, чѣмъ бродячій, и изстари обитало въ равнинной мѣстности.

С. Руденко.

Рис. 40. Курганъ № 2.

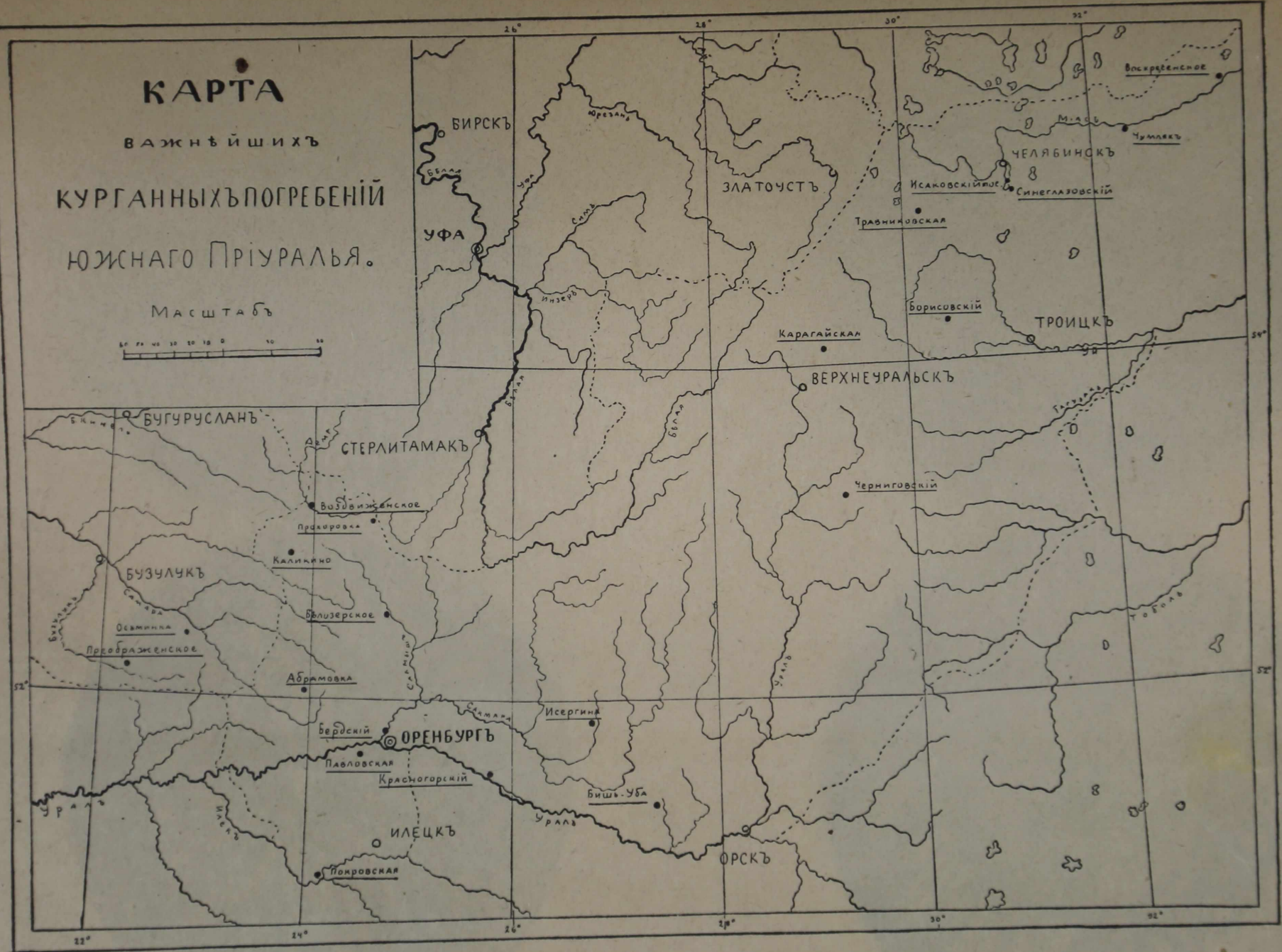
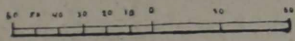
КАРТА

ВАЖНѢЙШИХЪ

КУРГАННЫХЪ ПОГРЕБЕНІЙ

ЮЖНАГО ПРИУРАЛЬЯ.

МАСШТАБЪ

1

2

Серебряные блюда из 1-го Прохоровского кургана.

1 а.

1.

1 б.

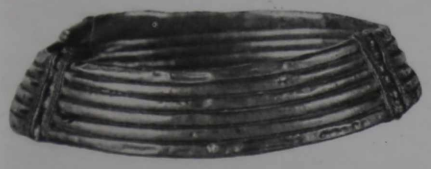
4.

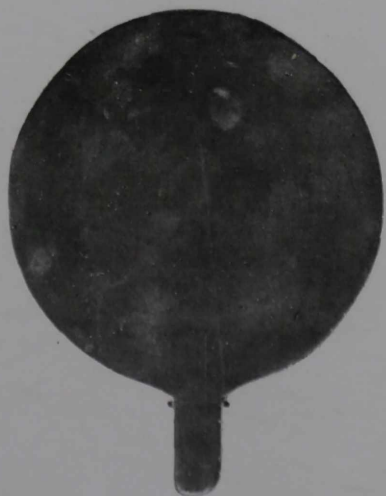
2.

5.

6.

3.

7.

8.

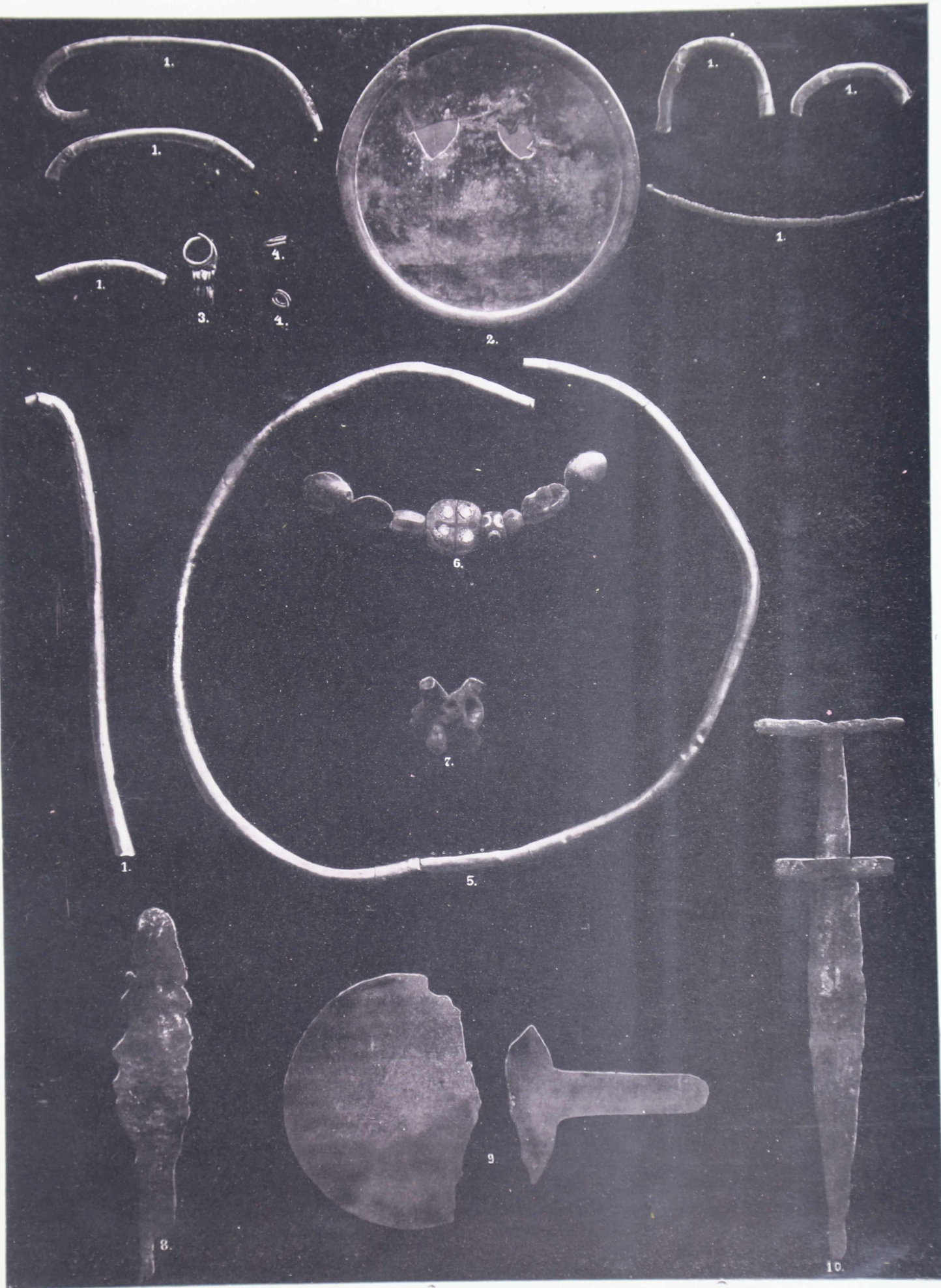
Часть вещей изъ 1-го Прохоровскаго кургана и параллели къ нимъ.

1. Золотая гривна изъ Прохоровскаго кургана. 1а и 1б. Концы той же гривны. 2. Браслетъ оттуда же. 3. Зеркало оттуда же. 4. Золотая гривна изъ Буеровой могилы. 5. Золотая гривна изъ Курджипса. 6. Часть золотой гривны изъ с. Саламатина. 7 и 8. Серебряныя части конскаго убора изъ Буеровой могилы.

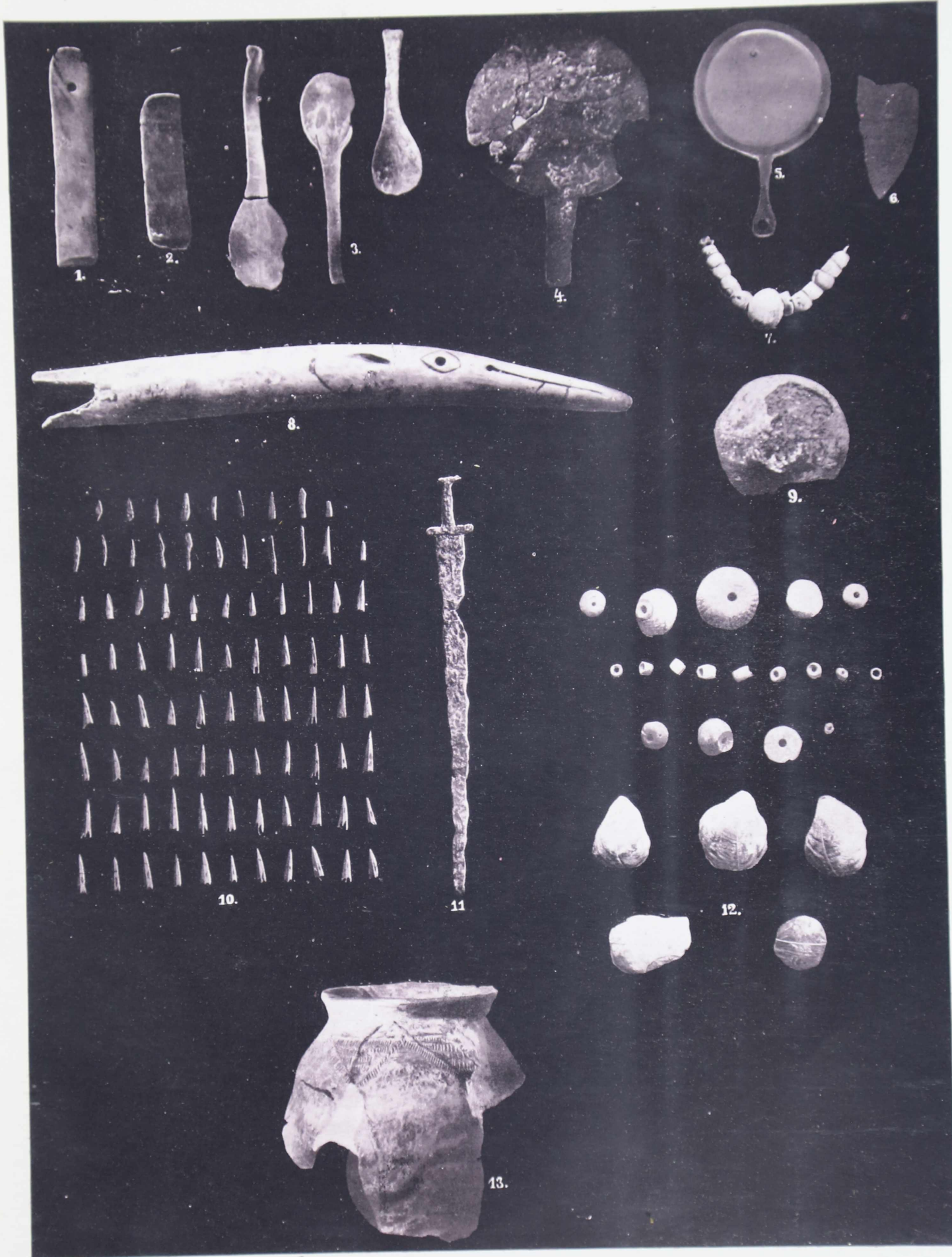

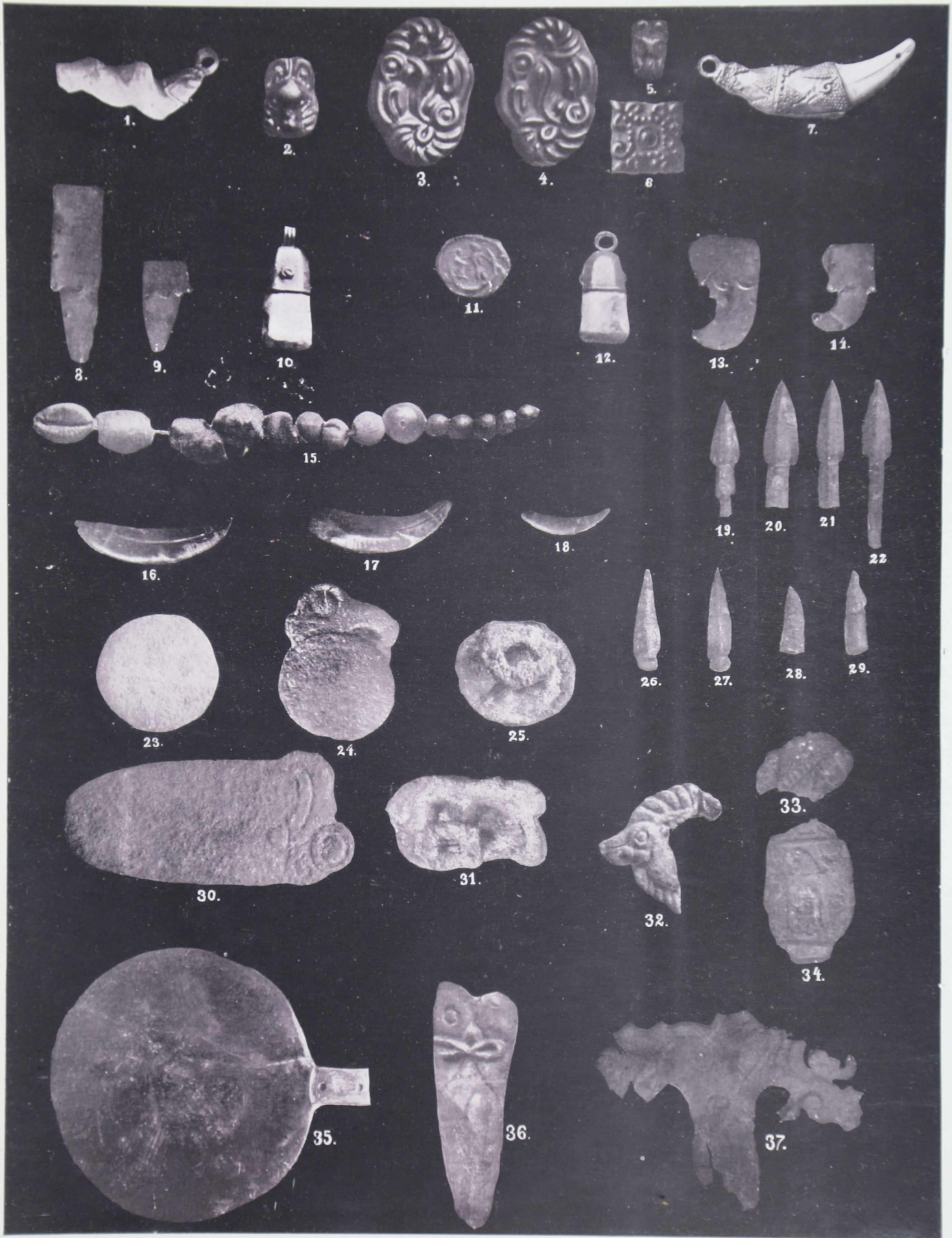
1. Золотая обкладка ноженъ и ручка меча изъ 1-го Прохоровскаго кургана. 2. Ручка меча изъ Московскаго историческаго музея. 3. Мечъ изъ Красногорскаго кургана. 4. Золотая обкладка ноженъ и ручка меча изъ Буерова кургана. 5. Мечъ и кинжалъ изъ Кубанской области.

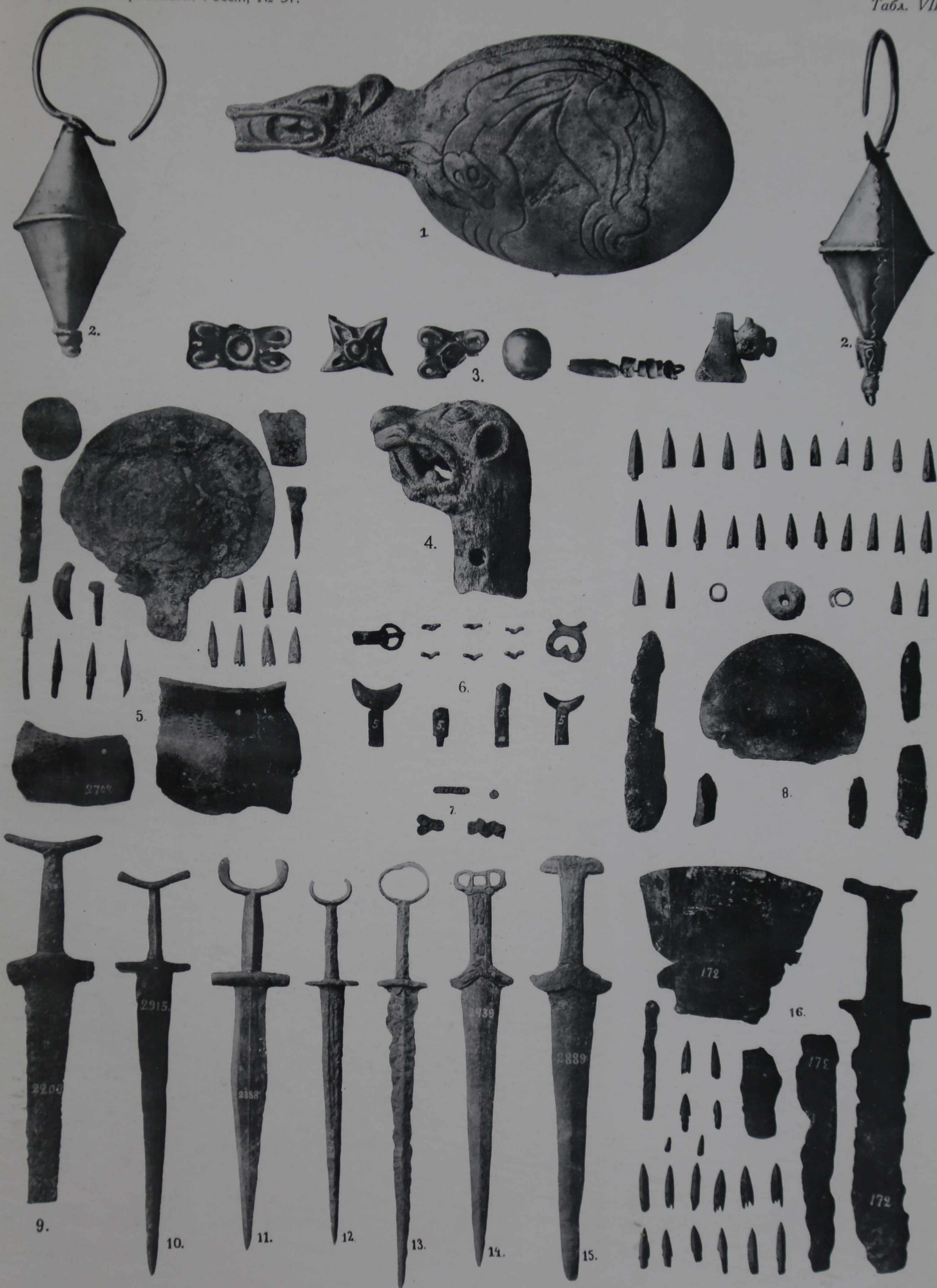
Инвентарь погребеній во 2-мъ и 4-омъ Прохоровскихъ курганахъ.

Инвентарь погребения въ погребеніи 3-го Прохоровскаго кургана (за исключеніемъ № 13, происходящаго изъ погребенія 4-го Прохоровскаго кургана).

Вещи из погребений около с. Покрзевки.

Вещи изъ разныхъ погребеній Оренбургскаго края.

1.

2.

3.

4.

1. Части пояса, найденныя въ Майкопѣ. 2. Золотая пряжка изъ Эрмитажа. 3. Бронзовая пряжка Екатеринодарскаго музея. 4. Бронзовая пряжка изъ окрестностей Симферополя.

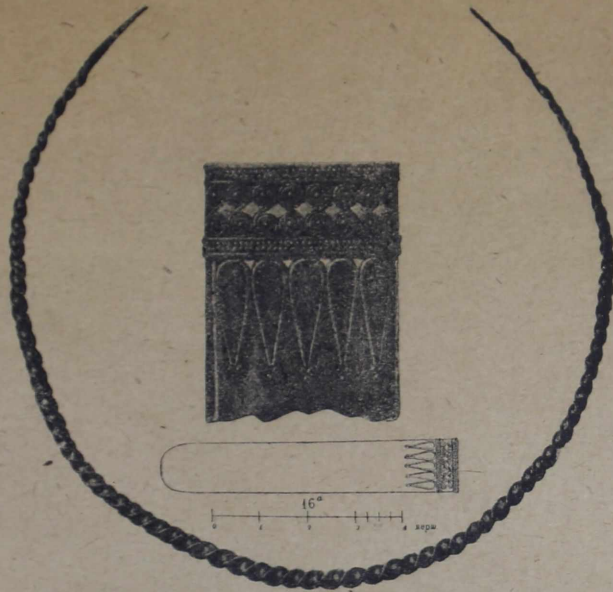

Рис. 18.

Рис. 21.

Рис. 22.

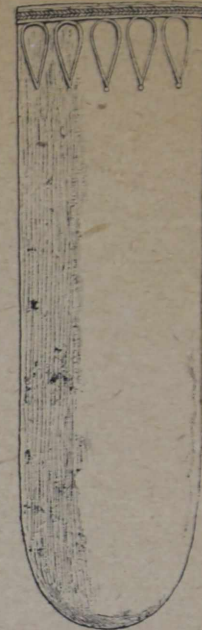

Рис. 27.

Рис. 19.

Рис. 26.

Рис. 29.

Рис. 23.

Рис. 20.

Рис. 24.

Рис. 25.

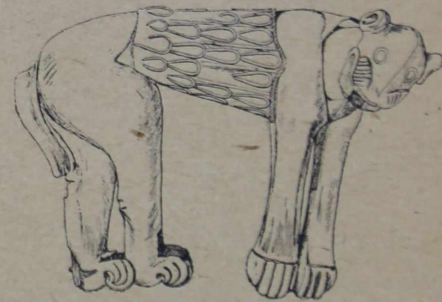

Рис. 28.

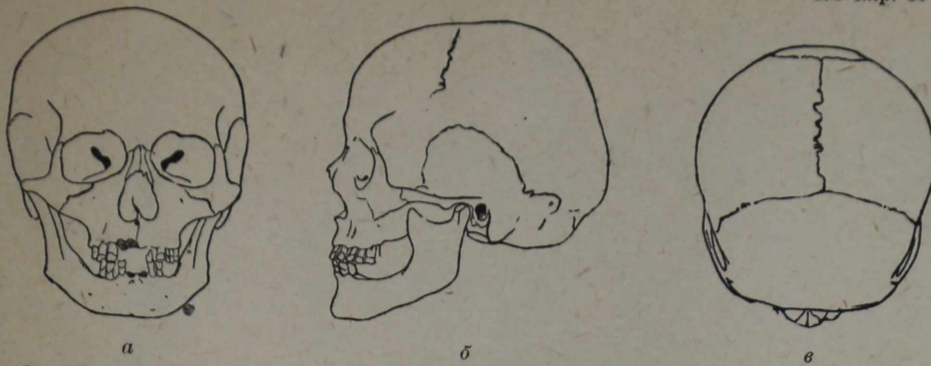

Рис. 1. Черепъ Бос ($\frac{1}{4}$ н. в.). *a*—Norma facialis; *б*—Norma lateralis; *в*—Norma verticalis.

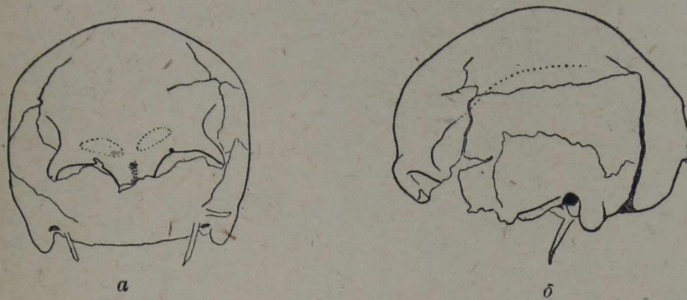

Рис. 2. Черепъ Вм ($\frac{1}{4}$ н. в.). *a*—Norma facialis; *б*—Norma lateralis.

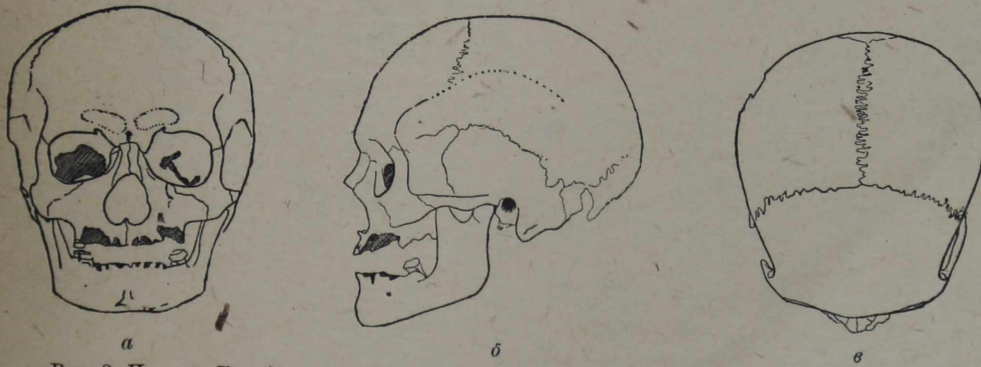

Рис. 3. Черепъ Гос ($\frac{1}{4}$ н. в.). *a*—Norma facialis; *б*—Norma lateralis; *в*—Norma verticalis.

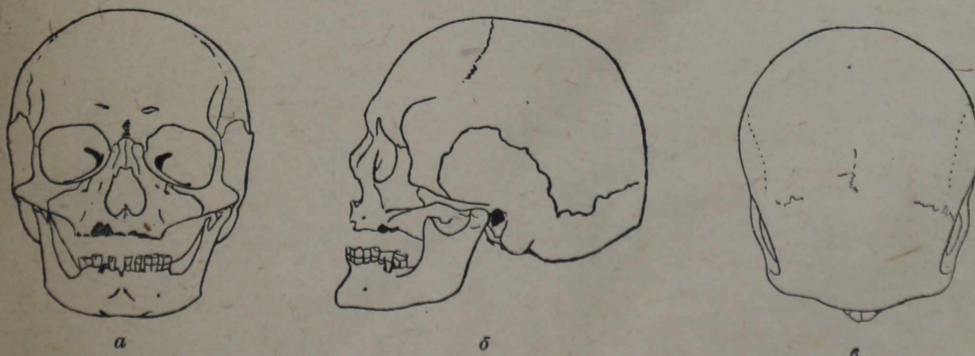

Рис. 4. Черепъ Дос ($\frac{1}{4}$ н. в.). *a*—Norma facialis; *б*—Norma lateralis; *в*—Norma verticalis.

